

Сет Грэм-Смит
Президент Линкольн: охотник на вампиров

«Сет Грэм-Смит "Президент Линкольн. Охотник на вампиров"»: Corpus, Астрель;
Москва; 2012
ISBN 978-5-271-44037-3

Аннотация

Биографы Авраама Линкольна видели, как выясняется, лишь внешнюю канву событий. Они не были осведомлены ни об истинных устремлениях великого президента, ни о настоящих причинах Гражданской войны между Югом и Севером, ни о масштабах подпольной борьбы, которую втайне от целого мира вел «честный Эйб». Но автор этой книги по неожиданному капризу судьбы сделался обладателем уникальных документов, повествующих о том, как Линкольн избавил свою страну от кошмара рабства — всеобщего рабства у вампиров.

Сет Грэм-Смит

«Президент Линкольн: охотник на вампиров»

*Посвящается Эрин и Джошуа
На все готов ради ваших улыбок*

*Границы, между жизнью и смертью темны и очень
приблизительны. Кто скажет, где кончается одна и начинается
другая?¹*

Эдгар Аллан По

Факты

1. С 1607 по 1865 г., на протяжении более двухсот пятидесяти лет, в Америке обретались вампиры. Лишь немногие верили в них.
2. Авраам Линкольн был одним из лучших охотников на вампиров своей эпохи. Всю жизнь он вел дневник, повествующий о борьбе против этих созданий.
3. Историки и биографы давно обсуждают слухи о дневниках Линкольна. Большинство полагает существование записей мифом.

Вступление

*Я не могу рассказать о том, что видел, или утолить свою боль.
Если я это сделаю, страна погрузится в безумие еще глубже, чем
теперь, а граждане решат, что президент лишился рассудка. Боюсь,
правде суждено жить в чернилах на бумаге. Истина останется
скрытой и преданной забвению, пока каждый из названных здесь
людей не обратится в прах.*

**Из дневника Линкольна
3 декабря 1863 г.**

I

Кровь так и не остановилась... Руки дрожали. Я знал: он еще здесь. Наблюдает за мной. Где-то, далеко-далеко, работал телевизор. Какой-то человек говорил о единстве.

Мне было все равно.

Значение имели только лежавшие передо мной тетради. Десять тетрадей разного формата в кожаных переплетах разных оттенков черного и коричневого. Одни были просто старые и потрепанные, другие еле удерживались в потрескавшихся обложках, и казалось, что страницы могут рассыпаться от неосторожного вздоха. Рядом с ними — стопка писем, перехваченная красной резинкой. Некоторые листы — с обгоревшими углами. Остальные — пожелтевшие, как сигаретные фильтры у меня под ногами на полу подвала. Среди старья выделялся один-единственный белоснежный лист. На одной его стороне — одиннадцать незнакомых имен. Ни телефонов. Ни адресов электронной почты. Только адреса девяти мужчин и двух женщин да приписка в самом низу страницы: «Они ждут тебя».

Где-то вдалеке человек все говорил. О поселенцах...

О надежде... О Сельме.²

¹ Из рассказа «Преждевременные похороны». Перевод М. Н. Бычкова.

² Речь Мартина Лютера Кинга «Пора нарушить молчание». (Прим. перев.)

Я держал в руках тетрадь, самую маленькую из всех десяти и самую хрупкую. Выцветший коричневый переплет исцарапан, покрыт пятнами, стерт от времени. Медная застежка, некогда надежно хранившая секреты, давным-давно сломалась. Каждый дюйм бумаги испещрен чернилами — где-то такими же темными, как и в день, когда была сделана запись, а где-то настолько бледными, что мне едва удавалось разобрать слова. Всего сто восемнадцать листов, исписанных с обеих сторон и скрепленных переплетом. Автор доверял страницам свои тайные надежды и планы, заполнял их грубыми набросками людей со странными лицами, чужими историями, подробными списками. Читая, я наблюдал, как чересчур аккуратные детские буквы сменяются убористым почерком молодого мужчины.

Дочитав последнюю страницу, я обернулся через плечо, чтобы убедиться, что по-прежнему один, а затем вернулся к самому началу. Сейчас, пока голос рассудка не заглушил шепот опасных новых убеждений.

Записная книжка начиналась с трех немыслимых, невероятных слов:

ДНЕВНИК АВРААМА ЛИНКОЛЬНА

* * *

Райнбек — забытый Богом городишко в северной части штата. Улицы наводняют семейные магазинчики и знакомые лица, а старейшая американская гостиница (где, как с гордостью поведает вам любой горожанин, сам генерал Вашингтон некогда снял парик и устроился на ночь) до сих пор предлагает свои удобства по разумной цене. Здесь жители по-прежнему шьют лоскутные одеяла и дарят их друг другу, в домах стоят печки, а кроме того, я неоднократно замечал остывающий на подоконнике яблочный пирог. Эдакому городку место в стеклянном шарике со снегом.

Как и весь Райнбек, «десятицентовый» магазинчик³ на Ист-Маркет-стрит — живое свидетельство умирающего прошлого. С 1946 года он обеспечивал местных жителей практически всем: от таймеров для варки яиц и корсажной ленты до рождественских игрушек. «Чего у нас нет, того вам не надо! — провозглашает выцветшая под солнцем вывеска в витрине. — А если все-таки надо, то мы закажем». Внутри, в окружении клетчатого линолеума и беспощадных ламп дневного света, в корзинах сложена всякая всячина, какая только есть на земле. Цены написаны восковым карандашом. Пластиковые карты к оплате принимаются неохотно. Это место было моим домом с половины девятого утра до половины шестого вечера. Шесть дней в неделю. Круглый год.

Я всегда знал, что после школы пойду работать в магазин — я и так там ошивался каждое лето с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. Строго говоря, я не приходился родственником Джен и Элу, но они относились ко мне как к одному из собственных отпрысков: обеспечили меня работой, когда я в этом нуждался, подбрасывали денег на карманные расходы, пока я учился в школе. Я посчитал, что должен им без малого шесть месяцев — с июня до самого Рождества. Такой вот у меня был план. Я собирался полгода днем работать в магазине, а по вечерам и в выходные — творить. Вполне достаточно времени, чтобы написать черновик романа и как следует его вычитать. Манхэттен находился в полутора часах езды на поезде, именно туда я рассчитывал направиться по окончании работы — с четырьмя-пятью фунтами чистой, отредактированной, но пока не востребованной надежды под мышкой. Прощай, Гудзонская долина! Привет, литературные турне!

Девять лет спустя я все еще обретался в магазинчике.

³ Магазин, где любой товар стоит пять или десять центов. (Прим. перев.)

Я женился, пережил автокатастрофу, завел ребенка, бросил роман, начал и бросил еще с пяток романов, завел второго ребенка и старался не погрязнуть в счетах. Где-то в процессе случилось нечто совершенно неожиданное и удручающе знакомое: я перестал думать про творчество, зато принялся думать обо всем остальном. О детях. О браке. О ссуде на дом. О магазине. Я закипал, глядя, как местные жители делают покупки в сетевом супермаркете «Си-ви-эс» по соседству. Приобрел компьютер, чтобы вести учет. В основном меня занимало, каким образом можно привлечь в магазин побольше покупателей. Когда закрылся букинистический магазинчик в Ред-Хук, я скупил часть ассортимента и устроил в глубине зала полку для книгообмена. Я организовывал лотереи. Распродажи. Wi-Fi. Что угодно, лишь бы народ повалил. Каждый год пробовал что-нибудь новенькое. И каждый год мы едва сводили концы с концами.

Генри⁴ ходил к нам почти год, прежде чем мы наконец разговорились. Мы с ним обменивались обычными вежливостями, не более того. «Удачного дня!» «До встречи!» Тайные осведомители на Маркет-стрит донесли мне, как его зовут. Рассказывали, что Генри купил один из самых больших домов на трассе 9-Джи и нанял целую армию местных рабочих, чтобы привести жилище в порядок. Он выглядел немного моложе меня — лет двадцать семь или около того. Взлохмаченные темные волосы, загар круглый год и каждый раз новые темные очки. Деньги у него водились, это точно, по одежде было видно: он носил винтажные футболки, шерстяные блейзеры и джинсы дороже моей машины. Но сам Генри отличался от других богачей, которые к нам приезжали. Туристы в выходные щебетали о «миленьком» городке и «восхитительном» магазинчике, а потом, держа в руках огромные стаканы кофе с ореховым сиропом, проходили мимо табличек «С едой и напитками вход запрещен». К тому же приезжие у нас не тратили ни цента. Генри был вежлив. И тих. А еще всегда спускал не меньше пятидесяти баксов — в основном на атавизмы прошлого, которые теперь не везде найдешь. Он покупал старое доброе мыло «Лайфбой», банки с кремом для обуви «Ангелус». Приходил, платил наличными и уезжал. *Удачного дня! До встречи!* А потом, как-то раз осенью 2007 года, я оторвался от блокнота и снова увидел его. Генри стоял по ту сторону конторки и смотрел на меня так, будто я ляпнул что-то возмутительное.

— Почему вы бросили?

— Что?

Генри указал на блокнот передо мной. Я всегда держал записную книжку поблизости, на случай, если осенит блестящая мысль (такого со мной, конечно, не приключалось, но, знаете ли, надо держать ухо востро!). За прошедшие четыре часа я набросал полстраницы однострочных идей для рассказов. Вторых строчек ничто не предвещало. Нижнюю часть страницы занимал нарисованный человечек, который хохотал на самом краю обрыва. Подпись гласила: «Над пропастью не ржи». К моему прискорбию, за последние несколько недель ничего остроумнее мне в голову не пришло.

— Книгу. Я спросил, почему вы бросили ее писать.

Я в недоумении воззрился на Генри. Мне почему-то представился мужчина с фонариком: он шарил по затянутым паутиной полкам на темном складе. Мысль не из приятных.

— Извините, я не...

— Не поняли, да. Извините, я вам помешал.

Господи... Ну вот, теперь меня тянет извиняться в ответ на извинение.

— Ничего страшного. Просто... С чего вы...

— Вы похожи на писателя.

Генри указал на полки в глубине магазинчика.

— Уважаете книги. Время от времени я замечал, как вы что-то пишете... Мне

⁴ Тогда его звали по-другому. В целях сохранения логической связи на протяжении всего повествования я называю его настоящим именем. (Здесь и далее, если не указано иное, — прим. автора.)

подумалось, что вами владеет страсть. Вот и поинтересовался, почему вы отrekliсь от нее.

Логично. Немного напыщенно (что, раз я работаю в городском магазинчике, так сразу отrekliсь от страсти?), но вполне логично: кажется, в комнате стало уже не так душно. Я ответил честно и угнетающе банально, что-то в стиле «жизнь — это то, что проходит, пока люди строят планы». Это привело к дискуссии о Джоне Ленноне, которая привела к дискуссии о «Битлз», которая привела к дискуссии о Йоко Оно, которая никуда не привела. Мы с Генри поговорили. Я спросил, нравится ли ему в наших краях. Как продвигается ремонт. Чем он занимается. На каждый мой вопрос Генри дал удовлетворительный ответ. Но на протяжении всей беседы, пока мы перекидывались вежливыми замечаниями — стоят себе два парня и болтают ни о чем, — меня не покидало ощущение, что одновременно течет еще один разговор. Разговор, в котором я не участвую. Вопросы Генри становились все более личными. Как и мои ответы. Он спрашивал меня о жене. О детях. О моей книге. Спрашивал про родителей. Про то, о чем я жалею. Я отвечал. Понимаю, странно. Но мне было все равно. Просто хотелось ему рассказать. Все рассказать этому молодому богатому парню с взъерошенными волосами, в дорожных джинсах и темных очках. Я отвечал парню, чьих глаз ни разу не видел. Я едва его знал. И мне хотелось все ему выложить. Слова лились сплошным потоком, словно Генри вытащил каменный заслон, который много лет закрывал мне рот, заслон, который удерживал внутри мои тайны. Мамина смерть, когда я был маленьким. Проблемы с отцом. Уход из дома. Творческие потуги. Сомнения. Раздражающая уверенность, что в жизни бывает что-то еще. Попытки свести концы с концами. Депрессия. Мечты о побеге. Мысли о самоубийстве.

С трудом могу припомнить половину того, что наговорил. Может, другой половины и вовсе не было.

В какой-то момент я попросил Генри прочитать мой неоконченный роман. Мысль о том, что кто-то — он или любой другой — прочитает мою книгу, повергала меня в ужас. Я и сам не решался ее перечитать. Но все равно попросил.

— Не стоит, — ответил он.

Наш разговор был, пожалуй, самым странным в моей жизни (по крайней мере, на тот момент). К тому времени, как Генри распрощался и ушел, мне казалось, что я пробежал миль десять в спринтерском темпе.

Такого больше не повторялось. Когда Генри зашел к нам в следующий раз, мы обменялись дежурными любезностями, и только. «Удачного дня». «До встречи». Он приобрел мыло и крем для обуви. Заплатил наличными. Так и продолжалось. Генри появлялся все реже и реже.

В последний раз он объявился в январе 2008 года, с небольшим свертком в коричневой бумаге, перевязанным бечевкой. Не говоря ни слова, Генри присел у кассы. Снег припорошил его серый свитер и алый шарф, мелкие капельки воды поблескивали на темных стеклах. Очки он так и не снял. Я не удивился. Сверху на свертке виднелся белый конверт с моим именем. Чернила смешались со снегом и потекли.

Я потянулся под прилавок и выключил звук на небольшом телевизоре, который держал, чтобы смотреть матчи команды «Янки». Сегодня показывали новости. В Айове начались первичные выборы; Барак Обама с Хиллари Клинтон шли ноздря в ноздю. Я мог смотреть что угодно, лишь бы время убить.

— Я бы хотел отдать вам вот это.

На какой-то миг я уставился на Генри так, будто он заговорил по-норвежски.

— Это что, мне? Что...

— Извините, меня ждет машина. Сначала прочитайте записку. Я с вами свяжусь.

И все. Я наблюдал, как Генри вышел на мороз, и думал: интересно, он кому-нибудь дает договорить или это только со мной такая история?

Весь оставшийся день сверток пролежал под прилавком. Я умирал от желания вскрыть чертову упаковку, но раз я понятия не имел, что за парень этот Генри, то не собирался рисковать: а вдруг там взрывчатка или килограмм черного как деготь героина... Я открою, а тут как раз придет какая-нибудь девчонка-скаут. Любопытство жгло меня. Наконец наступил вечер, и миссис Каллоп после полутора часов изнурительного обсуждения выбрала пряжу потемнее. Я закрыл магазинчик на несколько минут раньше обычного. Пусть сегодня опоздавшие идут к черту. Рождественские праздники уже закончились, но покупателей не прибавилось. В любом случае сейчас все разбежались по домам и наблюдали по телевизору айовскую драму с Обамой и Хиллари. Я решил тайком выкурить сигаретку в подвале, а уж потом идти домой узнавать результаты. Подхватил посылку Генри, погасил лампы дневного света и вывернул громкость телевизора на полную. Если появятся новости про выборы, услышу и внизу.

Подвальчик у нас был неказистый. В полупустой комнате на грязном бетонном полу стояло всего несколько коробок с инвентарем, а с потолка свисала одна-единственная лампочка на сорок ватт. У стены старый металлический стол, на нем компьютер, рядом — шкафчик с двумя ящиками: там мы храним кое-какие документы. Пара складных стульев. Водонагреватель. Панель с предохранителями. Два окошка выходят в переулок. В основном этим помещением я пользовался, чтобы курить зимой. Я поставил складной стул к столу, зажег сигарету и принялся развязывать аккуратный узел на бечевке...

Письмо.

Мысль пришла в голову неожиданно, как те гениальные озарения, ради которых я держал под рукой блокнот. Сначала надо прочесть письмо. Я нащупал в кармане швейцарский нож-брелок (семь двадцать плюс налоги, дешевле в округе Датчесс не найдете, это точно) и резким движением вскрыл конверт. Внутри обнаружился один-единственный ослепительно-белый листок, сложенный пополам. С одной стороны пестрели напечатанные имена и адреса. На обратной стороне я прочел сообщение, написанное от руки:

Есть несколько условий, о выполнении которых я хотел бы вас просить, прежде чем вы вскроете посылку. Во-первых, уясните: вы получаете данную вещь не в подарок, но во временное пользование. В любое время, по своему усмотрению, я могу потребовать ее возврата. В связи с этим я бы хотел, чтобы вы принесли торжественную клятву любой ценой защищать содержимое этой посылки, а также относиться к нему с достойными бесценного предмета заботой и уважением. Во-вторых, содержание того, что вам предстоит лицезреть, крайне деликатного свойства. Вам не следует обсуждать прочитанное ни с кем, кроме меня и одиннадцати лиц, перечисленных на обороте, пока я не сочту возможным дать другие указания. В-третьих, я предоставляю вам данные предметы в надежде, что вы используете их для создания рукописи, так скажем, достаточного объема, и предоставите свое произведение на мой суд. Не торопитесь. После того, как работа будет проделана удовлетворительным образом, вы получите справедливое вознаграждение.

Если по какой-либо причине вы не согласны выполнить любое из представленных требований, пожалуйста, не вскрывайте посылку и ожидайте моего визита. Если же согласны, можете приступить.

Полагаю, в этом ваше предназначение.

Г.

Черт... Теперь уж точно придется вскрыть этот сверток без промедления.

Я сорвал бумагу. Моим глазам предстала стопка писем, перетянутая красной резинкой, а еще — десять тетрадей разного формата в кожаных переплетах. Я открыл верхнюю. На стол выпал золотистый локон. Я взял его, внимательно рассмотрел, повертел в руках, а затем опустил глаза на разворот, в котором он хранился:

...желал бы исчезнуть с лица земли, ибо в жизни больше не осталось

радости. Ее забрали у меня, а с ней исчезла вся надежда на...

Как замороженный, я листал тетрадь. Где-то наверху дикторша перечисляла названия округов. Страницы, страницы... Каждый дюйм бумаги исписан убористым почерком. Даты: 6 ноября 1835 г., 3 июня 1841 г. Рисунки, списки. Имена и названия: Спид, Берри, Салем. И слово, которое попадалось мне вновь и вновь:

...вамфир...

Остальные тетради содержали примерно то же самое. Менялись лишь даты и почерк. Я пролистал все десять.

...там я впервые увидел, как мужчин, детей продавали словно... предосторожности, ведь мы знали, что в Балтиморе якшаются с... такого я простить не мог. Был вынужден разжаловать...

Очевидны были две вещи: во-первых, все дневники вел один и тот же человек, во-вторых, лет им очень и очень много. Кроме всего прочего, я понятия не имел, откуда они взялись и с чего вдруг Генри надумал передать их мне. И тут я наткнулся на первую страницу самой первой тетради и прочел три немыслимых слова: «Дневник Авраама Линкольна». Я громко рассмеялся.

Теперь понятно. Поразительно. Просто обалдеть. Но изумлялся я не тому, что держал в руках дневник «Великого освободителя», а тому, как неверно оценил Генри. Я-то решил, что он просто тихий отшельник. А со мной разговорился, потому что решил вылезти из раковины. Но нет, теперь-то все ясно. Парень попросту спятил. Или меня решил до психушки довести. Или нет, наверное, это шутка — богатеи, которым заняться нечем, любят иногда повалять дурака. Или все-таки не шутка? Зачем столько сил тратить? А может... Может, это роман, который написал сам Генри? Литературный проект в замысловатой обертке? Мне стало неловко. Ну да. Да, так и есть. Я еще раз перелистал дневники в поисках каких-нибудь отметин двадцать первого века. Высматривал скрытые проколы. Но ничего не обнаружил, по крайней мере с первого взгляда. Меня мучил еще один вопрос: если Генри дал мне свое произведение, зачем тогда приложил в записке одиннадцать имен с адресами? Почему просит создать произведение по мотивам дневников, а не переписать их? В голову снова полезли мысли о сумасшествии. Неужели? Вдруг он и правда верит, что дневники — действительно... Да нет, быть не может. Ведь не может?

Я сгорал от нетерпения поскорее рассказать все жене. Мне было необходимо поделиться с кем-то этой безумной историей. Среди городских сумасшедших парень урвал бы первый приз. Я поднялся, сложил тетради и письма, затушил сигарету каблуком, повернулся и...

Дюймах в шести от меня что-то стояло.

Я отшатнулся, споткнулся о складной стул, упал и стукнулся головой о край стола. Перед глазами все поплыло. Волосы намокли от крови. Нечто склонилось надо мной. Я увидел черное стекло глаз. Пульсирующие голубые вены под полупрозрачной кожей. И губы, едва скрывавшие влажные, блестящие клыки.

Надо мной стоял Генри.

— Я не причиню тебе вреда, — заверил он. — Просто хочу, чтобы ты понял.

Он ухватил меня за воротник и вздернул на ноги. Я чувствовал, как струйка крови стекает по шее.

Я потерял сознание.

Удачного дня. До встречи.

Мне было велено не вдаваться в подробности и не упоминать, куда Генри отвел меня той ночью и что он мне показал. Достаточно будет сказать, что после этого мне стало физически плохо. Не от ужасов, которым я был свидетелем, но от чувства вины: ведь я, пусть и невольно, являлся их участником.

Он провел со мной чуть меньше часа. За это время мое представление о мире коренным образом изменилось. Представление о смерти, о пространстве, о Боге... Все раз и навсегда перевернулось с ног на голову. За столь короткий срок я безоговорочно поверил в то, что еще часом раньше назвал бы абсолютным безумием.

Вампиры существуют.

Целую неделю я почти не спал. Сначала мне не давал покоя страх, затем — перевозбуждение. Я допоздна засиживался в магазине и читал, читал дневники Авраама Линкольна. Сверял невероятные утверждения с точными «фактами» его прославленных биографий. По стенам подвала я развесил распечатки старых фотографий. Временные шкалы. Генеалогические древа. По утрам я писал.

Через два месяца жена забеспокоилась. Еще через два — что-то заподозрила. Через полгода мы расстались. Я боялся за свою безопасность. За детей. За собственный рассудок. Меня мучили вопросы, но Генри не появлялся. В конце концов я набрался смелости и решил поговорить с одиннадцатью «лицами» из его списка. Некоторые беседовали со мной неохотно. Другие — неприязненно. Но все же с их помощью у меня в голове наконец сложилась картина: я писал о тайной истории американских вампиров. Об их роли в рождении и развитии нашей страны, а также о том, как они привели ее на край гибели. И о человеке, который освободил нацию от их тирании.

На семнадцать месяцев я отказался от всего ради десяти дневников в кожаных переплетах. Ради писем, перетянутых красной резинкой. В каком-то смысле это были лучшие месяцы моей жизни. Каждое утро, просыпаясь на надувном матрасе в подвале магазина, я вспоминал о своем предназначении. Я делал что-то поистине важное, пусть даже в полном, беспросветном одиночестве. Пусть даже не совсем в здравом уме.

Вампиры существуют. А Авраам Линкольн был одним из величайших охотников на вампиров своего времени. Дневники, которые он вел с одиннадцати лет и до самого дня гибели, — это потрясающий, сенсационный документ, хоть и сердце от него рвется. Дневники проливают свет на ключевые события американской истории и, кроме того, открывают нам новые грани в характере и без того невероятно многогранного человека.

О Линкольне написано более пятнадцати тысяч книг. О его детстве. О психическом здоровье. О сексуальности. О взглядах на расовые различия, религию и судебную систему. Многие произведения содержат изрядную долю правды. В некоторых даже упоминается о «тайном дневнике» и «одержимости оккультными науками». Но в них нет ни единого слова о главном деле его жизни. О той борьбе, которая позже вылилась в Гражданскую войну.

Миф о «честном Эйбе», которым нас пичкали в начальной школе, оборачивается ложью. Мозаикой полуправд и недомолвок.

Я представляю вам то, что разрушило мою жизнь. Представляю долгожданную правду.

Сет Грэм-Смит

Райнбек, штат Нью-Йорк

март 2010 г.

Часть I Мальчик

Глава 1 Необычный ребенок

В нашем печальном мире каждого навещает скорбь; для юных

она становится мучительным потрясением, ибо застигает их врасплох.

**Авраам Линкольн, из письма к Фанни Маккуллох
23 декабря 1862 г.**

I

Мальчик так долго сидел на корточках, что у него затекли ноги, но теперь он не решался пошевелиться. Ведь тут, в крохотной прогалине среди замерзшего леса, водились создания, которых он столько времени поджидал. Создания, которых он послан убить. Мальчик прикусил губу, чтобы не стучали зубы, и прицелился из отцовской кремниевой винтовки — в точности так, как учили. В туловище, припомнил он. «В туловище, не в шею». Тихо и аккуратно он взвел курок и навел дуло на цель — крупного самца, отставшего от своих. Спустя десятки лет мальчик не забудет, что случилось дальше:

Я колебался. Не из-за угрызений совести, но из страха, что винтовка промокла и не выстрелит. Страх мой оказался безосновательным, ибо когда я спустил курок, приклад ударил меня в плечо с такой силой, что я повалился на спину.

Индейки прыснули врассыпную, а Авраам Линкольн, семи лет от роду, поднялся с заснеженной земли. Он встал на ноги и ощупал неожиданно теплое пятно на подбородке. «Я прокусил губу, — писал он. — Но мне было плевать. Я спешил узнать, попал или нет».

Попал. Самец беспорядочно хлопал крыльями, описывая в снегу небольшие круги. Эйб наблюдал, стоя неподалеку, «боясь, что птица каким-то образом поднимется и разорвет» его «на куски». Взмахи крыльев; перья, бороздящие снег. В мире не осталось больше звуков. Только еще снег заскрипел под ногами мальчика, когда он собрался с духом и приблизился к добыче. Крылья слабели.

Птица умирала.

Пуля попала прямо в шею. Голова свесилась под неестественным углом и волочилась по снегу, индейка все продолжала биться. «В туловище, не в шею». С каждым ударом сердца кровь выплескивалась из раны на снег, где смешивалась с темными капельками из прокушенной губы Эйба и со слезами, которые струились по его лицу.

Она пыталась дышать, но не могла; в ее глазах был страх, какого я прежде не видел. Я стоял над несчастной птицей так долго, что казалось, прошел целый год, и молил Господа остановить ее крылья. Просил у Него прощения за то, что причинил вред существу, не сделавшему мне ничего дурного, не угрожавшему мне самому или моему имуществу. Наконец птица затихла, и, набравшись смелости, я протасил ее целую милю через лес и положил к ногам матери. Голову я склонил пониже, чтобы скрыть слезы.

Авраам Линкольн больше никогда не отнимет жизни. И все же станет одним из величайших убийц девятнадцатого века.

Той ночью расстроенный мальчик не сомкнул глаз.

У меня не шла из головы несправедливость, которую я сотворил с живым существом. Я не мог забыть то, что увидел в глазах у птицы: ужас перед лицом ускользающей жизни.

Эйб отказался есть свою добычу и последующие две недели питался чуть ли не одним хлебом, пока его мать, отец и старшая сестра дочиста обглаживали косточки. Неизвестно, как именно родственники мальчика восприняли его голодовку, но, вероятно, поступок Эйба сочли эксцентричным. В конце концов, в те дни обходиться без еды из какого-то

абстрактного принципа было странно для кого угодно, а особенно для мальчика, рожденного и воспитанного на американском фронтире.

Впрочем, Эйб Линкольн всегда отличался от остальных.

Америка была еще в пеленках, когда 12 февраля 1809 года родился ее будущий президент. Со дня подписания Декларации независимости прошло тридцать три года. Живы еще были гиганты американской революции — Роберт Трит Пэйн, Бенджамин Раш и Сэмюэль Чейз. Джону Адамсу с Томасом Джефферсоном оставалось три года до возобновления их беспокойной дружбы и семнадцать — до смерти, что примечательно, в один день. Четвертого июля.

Первые десятилетия американского государства были временем безграничных, казалось бы, возможностей. К тому моменту, как Авраам Линкольн появился на свет, Бостон и Филадельфия менее чем за десять лет увеличились вдвое. Население Нью-Йорка за тот же период возросло втрое. Города сделались оживленными и процветающими. «На каждого фермера найдется два галантерейщика; на каждого кузнеца — оперный театр», — шутил Вашингтон Ирвинг в своем нью-йоркском журнале «Салмагунди».

Но рост городского населения нес с собой опасность. Как и жители Лондона, Парижа и Рима, американские горожане столкнулись с растущим уровнем преступности. Список возглавляли кражи. Отпечатки пальцев еще не снимали, камер наблюдения не было, и воров ограничивала лишь собственная совесть и изобретательность. Сообщения о грабежах даже не попадали в газеты, разве что жертва оказывалась знаменитостью.

Сохранилась история о пожилой вдове по имени Агнес Пэндел Браун, проживавшей вдвоем с дворецким (своим ровесником, к тому же глухим как тетерев) в трехэтажном кирпичном особняке на Амстердам-авеню. 2 декабря 1799 года Агнес и дворецкий улеглись спать — хозяйка на третьем этаже, а слуга на первом. Проснувшись на следующее утро, они обнаружили, что исчезла вся мебель, картины, одежда, посуда и подсвечники (вместе со свечами). Легконогие грабители оставили в доме только кровати, в которых спали сама Агнес и старый дворецкий.

Случались и убийства. До Войны за независимость они были редкостью в американских городах (точное число жертв назвать невозможно, однако три бостонские газеты за период с 1775 по 1780 г. упоминают всего одиннадцать случаев, причем десять дел было тут же раскрыто). Большинство убийств диктовалось вопросами чести: дуэли, вендетты. Чаще всего даже обвинения не выдвигались. Законы в начале девятнадцатого века были довольно расплывчатыми и в отсутствие регулярной полиции практически не приводились в исполнение. Надо отметить, что убийство раба не считалось преступлением ни при каких обстоятельствах. Это называли «нанесением вреда имуществу».

Как только Америка отвоевала свою независимость, начали происходить странные вещи. Количество убийств в городах возросло буквально в одночасье. В отличие от старого доброго «кровопролития в защиту чести», новые преступления казались бессмысленными и беспричинными. С 1802 по 1807 г. в одном только Нью-Йорке зафиксировано рекордное количество нераскрытых убийств — двести четыре. Ни свидетелей, ни мотивов преступления, а зачастую и отсутствие видимой причины смерти. Сыщики (в большинстве своем необученные добровольцы) не вели записей, так что никаких материалов по этим делам не сохранилось, кроме пачки выцветших газетных статей. Одна, например, из «Нью-Йорк спектэйтор», описывает панику, охватившую город к июлю 1806 г.:

Некий мистер Строукс, проживающий в доме 210 по Десятой улице, совершая утренний моцион, обнаружил несчастную жертву, мулатку. Джентльмен отметил, что глаза женщины были широко раскрыты, а тело сделалось твердым, будто высохло на солнце. Констебль по фамилии Макли сообщил мне, что ни около бедняжки, ни на ее одежде не было найдено следов крови. Единственным повреждением оказалась небольшая царапинка на запястье. В этом году подобный конец встретила уже сорок вторая жертва. Почтенный Дьюитт Клинтон, наш мэр, обращается к добрым горожанам с просьбой не

ослаблять бдительности, пока негодяя не схватят. Женищинам и детям советуем совершать прогулки в сопровождении джентльмена, а джентльменам не рекомендуется ходить в одиночку после наступления сумерек.

Описание зловеще напоминает дюжину других случаев, зафиксированных тем же летом. Ни повреждений. Ни крови. Открытые глаза, застывшее тело. Маска ужаса на лице. В отношении жертв прослеживалась закономерность: все они были вольными неграми, бродягами, проститутками, путешественниками или слабоумными — людьми без друзей в городе, без родни. Их гибель не вызывала бурного негодования общественности. И Нью-Йорк не был одинок в своем несчастье. Сходные статьи тем летом наводнили газеты в Бостоне и Филадельфии, а встревоженные горожане пересказывали одни и те же истории. Шептались о неуловимом маньяке. Об иноземных шпионах.

Поговаривали даже о вампирах.

II

Ферма Синкинг-Спрингз находилась от Нью-Йорка так далеко, насколько это вообще было возможно в Америке девятнадцатого века. Трехсотакровый фермерский надел был расположен в лесистой местности. Каменистая почва в восточной части Кентукки не располагала к небывалым урожаям. Томас Линкольн, тридцати одного года, приобрел землю за двести долларов по векселю всего за несколько месяцев до рождения Эйба. Затем, будучи по профессии плотником, выстроил на участке однокомнатную хибару — всего восемнадцать на двадцать футов, с твердым и круглый год холодным земляным полом. В дождь протекала крыша. Порывы ветра пробивались сквозь бесчисленные щели в стенах. В таком скромном жилище небывало теплым воскресным утром на свет появился шестнадцатый президент Соединенных Штатов. Говорят, родившись, он не заплакал, только недоуменно посмотрел на мать — а потом улыбнулся ей.

Синкинг-Спрингз не сохранилась в памяти Эйба. Когда ему исполнилось два года, вокруг договора на землю возник спор, и Томас переехал с семьей на десять миль к северу, на меньшую, но более плодородную ферму Ноб-Крик. Земля здесь была значительно лучше, и Томас мог бы вести безбедную жизнь, торгуя зерном и кукурузой с местными поселенцами, но он вспахал меньше акра.

Это был неграмотный, праздный человек, который не умел даже написать своего имени, пока его не научила моя мать. Он был совершенно лишен честолюбия... лишен желания улучшить обстоятельства своей жизни или стремления обеспечить семью чем-либо помимо вещей первой необходимости. Он не сажал ни на борозду больше, чем требовалось, чтобы у нас не подводило животы, не заработал ни цента сверх того, что позволяло нам прикрыть наготу.

Так неоправданно резко Эйб (которому тогда был сорок один год) охарактеризовал отца в день его похорон, на которые сам не пошел и, возможно, чувствовал угрызения совести.

Никто не назвал бы Томаса Линкольна усердным человеком, но его можно считать надежным, если и не щедрым добытчиком. В его пользу говорит то, что он не покинул семью во времена отчаянных трудностей и горестей, не уехал с фронта ради удобств городской жизни, как многие из его современников. Томас не всегда понимал и одобрял устремления сына, но все же не препятствовал им (по крайней мере, впоследствии). Тем не менее Эйб так и не смог простить отцу трагедии, которая изменила их жизни.

Томасу Линкольну приходилось вести постоянную борьбу за выживание. Трагедии для того времени были не редкостью. Томас родился в 1778 году, позже, еще ребенком переехал из Вирджинии в Кентукки с отцом, Авраамом, и матерью, Батшебой. Когда Томасу было восемь, отца убили у него на глазах. Стояла весна, и Авраам-старший обрабатывал землю

под посадки, «когда на него из засады набросились дикари племени шауни». Томас беспомощно наблюдал, как отца забили до смерти, перерезали ему горло и сняли скальп. Что послужило причиной нападения (если причина вообще была) и почему его самого пощадили, он не знал. Как бы там ни было, жизнь Томаса Линкольна изменилась навсегда. Оставшись без наследства, он был вынужден бродить по городам в поисках заработков. Он был подмастерьем у плотника, служил тюремным охранником, водил плоскодонку по Миссисипи и Сангамону. Валил деревья, пахал и, где мог, ходил в церковь. Школьный порог Линкольн-старший, по-видимому, не переступал никогда.

Совершенно непримечательная жизнь Томаса ускользнула бы от внимания историков, если бы в один прекрасный день, двадцати восьми лет от роду, он не явился в Элизабеттаун, где встретил юную дочь фермера из Кентукки. Их свадьба состоялась 12 июня 1806 года и изменила ход истории так, как молодожены и вообразить не могли.

Все источники единогласно утверждают: Нэнси Хэнкс была умной, доброй и красивой девушкой, которая «удивительно» говорила (впрочем, из-за природной скромности она редко раскрывала рот в присутствии незнакомцев). Нэнси умела читать и писать, она получила школьное образование, которое так и не выпало на долю ее сына. Она оказалась находчивой женщиной, и, несмотря на то, что книг в глуши Кентукки было не сыскать, Нэнси всегда ухитрялась одолжить или выпросить какой-нибудь томик, чтобы читать потом в редкие минуты, когда дневные труды подходили к концу. Когда Эйб был еще совсем малышом, мать читала ему все, что попадалось ей в руки: «Кандида» Вольтера, «Приключения Робинзона Крузо» Дефо, стихи Китса и Байрона. Но больше всего юному Аврааму полюбилась Библия. Любознательный малыш сидел у матери на коленях и внимал невероятным историям из Ветхого Завета: он слушал о Давиде и Голиафе, о Ноеве ковчеге, о казнях египетских. Больше всего ребенка потрясло жизнеописание Иова, праведника, который все потерял. Ему пришлось пережить проклятия, скорби и предательства, и все же он продолжал любить и восхвалять Господа. «Он мог бы стать священником, — напишет про Эйба друг детства много лет спустя, в предвыборной брошюре, — обойдись судьба с ним помягче».

Жизнь на ферме Ноб-Крик была суровой даже для начала XIX века. Весной ливни наводняли реку, и посевы на полях утопали в грязи. Зимой краски ледяного пейзажа выцветали, а ветви деревьев обращались в крючковатые пальцы и постукивали на ветру. Именно с этими местами связаны ранние воспоминания Эйба: вот он гоняется за старшей сестрой, Сарой, по пастбищам Блю-Эш и Шэгбарк-Хикори, мчится верхом на пони, прильнув к его спине, рубит топориком хворост рядом с отцом. Здесь же он перенес первую в своей жизни тяжелую потерю. (И, увы, далеко не последнюю.)

Когда Эйбу было три года, Нэнси Линкольн родила мальчика, нареченного Томасом, в честь отца. Сыновья считались благословением для семей на фронтире, и Томас-старший, без сомнения, мечтал о том дне, когда двое ловких мальчишек смогут помогать ему по хозяйству. Но мечтаниям не суждено было сбыться. Не прошло и месяца, как младенец скончался. Эйб напишет об этом двадцать лет спустя, еще до того, как похоронит двух собственных сыновей:

Не помню, чтобы я горевал. Наверное, я был слишком мал, чтобы осознать всю значимость или непоправимость произошедшего. И все же мне никогда не забыть мучения матери и отца. Описывать их — тщетное занятие. Подобное страдание не описать словами. Могу сказать только одно — от этой боли невозможно оправиться. Родители словно умерли вместе с сыном.

Неизвестно, что убило Томаса Линкольна-младшего. Наиболее частыми причинами смерти были обезвоживание, воспаление легких или недостаточный вес ребенка. Врожденные и хромосомные отклонения не научатся понимать и диагностировать еще больше столетия. В самом лучшем случае уровень младенческой смертности в начале девятнадцатого века составлял десять процентов.

Томас-старший сколотил гроб и похоронил сына возле хижины. Могила не сохранилась. Нэнси взяла себя в руки и окружила заботой оставшихся в живых детей, особенно Эйба. Она поощряла неутолимое любопытство малыша, его врожденную тягу заучивать истории, имена и факты, а затем снова и снова пересказывать их. Несмотря на возражения мужа, еще до того, как Эйбу исполнилось пять лет, мать начала учить его читать и писать. «Отцу книги были ни к чему, — вспоминал Авраам много лет спустя. — Разве что на растопку, если дрова отсыреют». О чувствах Нэнси Линкольн записей не осталось, но, вероятно, она понимала, что ее сын — незаурядный ребенок. Вполне естественно, что она была полна решимости подарить ему лучшую жизнь, чем выпала на долю им с мужем.

Старая камберлендская дорога лежала прямо через Ноб-Крик. Маршрут этот, без сомнения, можно было назвать оживленным: он соединял Луисвилль с Нэшвиллем, и каждый день по нему проезжали и проходили жители всех штатов. Пятилетний Эйб часами просиживал на ограде: он посмеивался над перевозчиком черной патоки, который виртуозно проклинал своих мулов, махал рукой почтарю. Иногда мальчик наблюдал, как рабов везут на аукцион.

Мне вспоминается запряженная повозка, набитая неграми. Там было множество женщин разного возраста. Их запястья сковывали кандалы, рабыни сидели прямо на полу повозки. Им не дали ни охапки сена, чтобы смягчить тряску, ни одеяла, чтобы укрыться от зимнего ветра. Возницы, разумеется, восседали на подушках спереди и кутались в теплую одежду. Я встретился взглядом с самой младшей девочкой, кажется, моей ровесницей. Ей было лет пять или шесть. Мы смотрели друг на друга всего мгновение, а потом я не выдержал и отвернулся, не в силах выносить выражение скорби на ее лице.

Томас Линкольн был баптистом и полагал рабство грехом. Это убеждение принадлежит к тем немногим вещам, которые унаследовал от него сын.

Усталые путники со Старой камберлендской дороги могли переночевать на ферме Ноб-Крик. Сара стелила гостям в одной из хозяйственных построек (ферма состояла из хозяйской хижины, сарая и амбара). На закате Нэнси подавала горячий ужин. Хозяева никогда не требовали с постояльцев платы, хотя многие гости так или иначе благодарили их за гостеприимство. Кто-то давал денег, но чаще Линкольнам перепадало зерно, сахар или табак. После ужина женщины уходили к себе, а мужчины коротали вечер за стаканчиком виски и трубками. Эйб лежал на чердаке и подолгу слушал, как отец развлекает путешественников бесконечными рассказами про первых поселенцев и Войну за независимость, забавными анекдотами, баснями и правдивыми (или отчасти правдивыми) историями о собственных скитаниях.

Отца можно много в чем упрекнуть, но тут он был мастером. Ночь за ночью я дивился его умению увлечь слушателей. Его рассказы звучали так красочно и правдоподобно, что впоследствии слушатель мог бы поклясться, что сам был всему свидетелем. Я долго боролся со сном, пытался запомнить каждое слово, надеясь потом пересказать ту же самую историю своим друзьям так, чтобы они все поняли.

Как и отец, Эйб был прирожденным оратором и на протяжении жизни непрестанно развивал свой дар. Он умел общаться с людьми и знал, как выразить сложную мысль через простые, но красочные сравнения. Позднее этот талант очень помог ему в политической карьере.

От путников ждали новостей из окружающего мира. Некоторые попросту пересказывали истории из газет Луисвилля и Нэшвилля или повторяли сплетни, услышанные по дороге от других путешественников. «Порой за одну неделю мы раза три выслушивали один и тот же рассказ о пьянчуге, который свалился в канаву». Но иногда появлялся гость, говоривший совсем о другом. Эйб вспоминает, как одним декабрьским вечером, когда он

дрожал от холода под одеялом, француз-иммигрант описывал безумие, охватившее Париж в 1780-е годы:

«Люди стали звать город *la ville des morts* , — говорил он, — городом мертвых».

Каждую ночь раздавались крики, каждое утро на улицах находили побелевшие трупы с широко распахнутыми глазами, в сточных канавах, где вода окрашивалась красным, обнаруживали раздутые тела. По всему городу встречались останки мужчин, женщин и детей. Невинных жертв ничто не объединяло, разве что бедность, но все во Франции знали, кто их убийцы.

«*Les vampires!* — воскликнул он. — Мы видели их собственными глазами».

Он объяснил, что вампиры долгие века оставались «тихим проклятием» Парижа. Но теперь, когда на улицах властвовал голод и болезни, когда нищие ютились в трущобах, для вампиров наступило настоящее раздолье. Они все чаще утоляли свою жажду. «Вампиры пожирали голодающую бедноту, а Людовик вместе со своими *aristocrates pompeux* ⁵ сидел сложа руки, пока наконец подданные не покончили с королем».

Разумеется, историю француза, как и все рассказы о вампирах, приняли за побасенку, которой можно путать детей. Но Эйба она совершенно поразила. Мальчик часами сочинял сказки про «крылатых бессмертных с белыми клыками, обагранными кровью». Вампиры «поджидали в темноте следующую жертву». Свои выдумки он опробовал на сестре, которая «пугалась легче полевки, но тем не менее сочла рассказы увлекательными».

Однако если Томасу случалось застать Эйба за «вампирскими фантазиями», он неизменно бранил сына. Мол, не место «детским выдумкам» в светских беседах.

III

В 1816 году новый земельный спор положил конец жизни Линкольнов на ферме Ноб-Крик. Право собственности на землю фронта оставалось довольно расплывчатым понятием. Порой на один и тот же участок предъявляли документы несколько разных людей, а записи в книгах загадочным образом появлялись или исчезали (в зависимости от того, за что именно давалась взятка). Томас Линкольн не стал ввязываться в дорогостоящий судебный процесс и снялся с места со всей семьей (уже второй раз за семь лет жизни Эйба). На этот раз Линкольны отправились на запад: через реку Огайо, в Индиану. Там, по-видимому ничему не научившись на своих ошибках, Томас попросту занял надел в сто шестьдесят акров в лесистом поселении под названием Литл-Пиджин-Крик, неподалеку от нынешнего Джентривилля. Семья оставила Кентукки по практическим и моральным соображениям: после войны 1812 года, когда индейцам пришлось уйти с этой территории, после них осталось много дешевой земли; к тому же Томас был аболиционистом, а Индиана считалась свободным штатом.

По сравнению с Синкинг-Спрингз и Ноб-Крик новая вотчина Линкольнов представляла собой по-настоящему дикое место, окруженное «нетронутыми дебрями», где водились медведи и рыси. Звери совершенно не боялись людей. Первые месяцы семья провела в наспех построенном сарайчике, куда едва помещались четыре человека. С одной стороны стена отсутствовала, и единственная комнатка была открыта всем ветрам. В ту зиму они, должно быть, невыносимо страдали от холода.

Литл-Пиджин-Крик был далек от цивилизации, но не пустынен. В миле от дома Линкольнов проживало еще восемь или девять семей — большинство из них тоже выходцы из Кентукки.

⁵ Напыщенные аристократы (фр.).

Неподалеку можно было найти с десяток моих ровесников. Мы выступали единым фронтом и устраивали такие проказы, что в южной части Индианы до сих пор вспоминают о них.

Но растущая община не только служила местом детских игр. Как это часто бывало на фронтире, семьи объединили свои усилия, чтобы повысить шансы на выживание. Поселенцы вместе сажали и убирали урожай, обменивались товарами и услугами, а в дни болезни или несчастья спешили на помощь соседям. Томас слыл лучшим плотником во всей округе, так что работы ему хватало. Чуть ли не первым делом он выстроил маленькую однокомнатную школу, которую Эйб в последующие годы изредка посещал. Во время первой президентской кампании Линкольн напишет краткую автобиографию, в которой признается, что в общей сложности у него «едва ли наберется год, проведенный в школе». Несмотря на это, по меньшей мере один из его учителей того времени, Эйзел Уотерс Дорси, скажет, что Авраам Линкольн был «необычным ребенком».

После памятной встречи с индейкой Эйб объявил, что больше не станет охотиться на дичь. В наказание Томас заставил его колоть дрова, надеясь, что от тяжелого труда сын передумает. Хоть мальчик не мог поднять топор выше пояса, он час за часом неловко колот поленья и складывал их.

Я уже не чувствовал, где заканчивается топор и начинается моя рука. Наконец рукоять выскользнула у меня из пальцев, а руки бессильно повисли. Если отец заставлял меня за отдыхом, он принимался страшно сквернословить, хватал топор и за минуту рубил с дюжину дров, чтобы я устыдился своей слабости. Я не сдавался и с каждым днем становился все сильнее.

Вскоре за минуту Эйб мог нарубить больше поленьев, чем его отец.

С тех первых месяцев, проведенных в односкатной хижине, минуло два года. Теперь семья жила в небольшом крепком домике с каменным очагом, крышей, покрытой дранкой, и деревянным полом, который оставался теплым и сухим даже зимой. Как и раньше, Томас зарабатывал ровно столько, сколько требовалось, чтобы его дети были сыты и одеты. Из Кентукки приехали двоюродные дедушка и бабушка Нэнси — Том и Элизабет Спэрроу. Они жили в одной из пристроек и помогали семье на ферме. Дела шли в гору. «С тех пор затишье неизменно меня настораживало, — напишет Эйб в 1852 году. — За ним всегда, всегда следует большое несчастье».

Как-то в сентябре 1818 года Эйб неожиданно проснулся среди ночи. Мальчик сел в постели и заслонил лицо руками. Ему показалось, будто кто-то встал над ним и собирается обрушить ему на голову дубинку. Ничего не происходило. Убедившись, что опасность ему привиделась, Эйб опустил руки, отдышался и поглядел по сторонам. Все вокруг спали. Судя по углям в очаге, было два или три часа ночи.

Ребенок в одной ночной рубашке вышел во двор, не обращая внимания на осенний холод. Он направился к туалету, едва различимому в ночной мгле, сонно прикрыл за собой дверь и присел. Когда глаза привыкли к темноте, Эйб обнаружил, что между досками пробивается лунный свет, достаточно яркий, чтобы при нем можно было читать. Но книги у мальчика не было, поэтому он подставил ладони под лунные лучи и принялся изучать узоры, которые свет выписывал у него на пальцах.

Снаружи кто-то разговаривал.

Эйб задержал дыхание. Двое подошли чуть ближе, затем остановились: шаги смолкли. *Они же прямо перед домом.* Один из собеседников говорил зло и шепотом. Мальчик не мог разобрать слова, но понял, что этот человек не из Литл-Пиджин-Крик. «У него был высокий голос и британский акцент». Незнакомец некоторое время что-то с напором втолковывал собеседнику, потом замолчал. Он ждал ответа. И дождался. На этот раз Эйб услышал знакомый голос. Голос Томаса Линкольна.

Я посмотрел в щелку между двумя досками. Действительно, говорил отец, а рядом с ним стоял человек, которого я раньше никогда не видел. Незнакомец, коренастый и очень богато одетый. Одна рука до локтя у него отсутствовала, а рукав он аккуратно подколол к плечу. Отец, который был гораздо выше и крупнее гостя, словно съежился.

Мальчик прислушался, но мужчины отошли слишком далеко. Эйб наблюдал, пытаясь что-то разобрать по жестам и губам, и вот...

Отец, боясь нас разбудить, отвел гостя подальше от дома. Они приблизились, и я затаил дыхание. Я не сомневался, что меня выдаст бешеный стук сердца. Они остановились всего в четырех ярдах от меня. Так и вышло, что я расслышал последнюю фразу.

«Не смогу», — сказал отец.

Незнакомец молчал. Он явно был разочарован.

«В таком случае я возьму свое другим способом», — ответил он наконец.

IV

Том и Элизабет Спэрроу умирали. Три дня и три ночи напролет Нэнси сидела с двоюродными бабушкой и дедушкой. Она не оставляла их в обжигающем огне лихорадки, бреда и судорогах, столь сильных, что Том, шести футов роста, плакал как ребенок. Эйб с Сарой не отходили от матери, помогали ей менять компрессы, перестилать постель и молились с ней о чудесном выздоровлении, которому, как все они знали в глубине души, не суждено было наступить. Старики видали такое и раньше. Они звали это «молочной лихорадкой». От испорченного молока наступало медленное отравление. Неизлечимое. Смертельное. Эйб раньше не видел смерти и надеялся, что Бог простит его любопытство.

Он не осмелился говорить с отцом о том, чему стал свидетелем неделей раньше. С той самой ночи Томас отдалился от семьи. По большей части он вообще не появлялся дома и, кажется, не желал вместе со всеми нести вахту у постелей Тома и Элизабет.

Они умерли почти одновременно — сначала Том, затем, спустя несколько часов, и его жена. В глубине души Эйб испытал разочарование. Он ожидал стать свидетелем последнего вздоха или трогательного монолога — как в книгах, что он читал по ночам. Но Том с Элизабет попросту впали в беспамятство, пролежали так несколько часов и скончались. Томас Линкольн, не одарив жену ни словом соболезнования, принялся на следующее утро сооружать два дощатых гроба. К ужину супруги Спэрроу были преданы земле.

Отец никогда особенно не любил дядю и тетю. К тому же они были не первыми родственниками, которых ему довелось похоронить. И все же я никогда не видел, чтобы отец был таким молчаливым. Казалось, он погрузился в свои мысли. Очень нехорошие мысли.

Четыре дня спустя заболела Нэнси Линкольн. Поначалу она уверяла, что у нее всего-навсего болит голова — без сомнения, из-за переживаний, вызванных смертью Тома и Элизабет. Тем не менее Томас послал за ближайшим доктором, который жил в тридцати милях. К прибытию врача, на рассвете следующего дня, Нэнси уже бредила.

Мы с сестрой сидели подле матери и дрожали от страха. Глаза у нас уже слипались. Отец сидел на стуле, а доктор осматривал больную. Я знал, что она умирает. Знал, что Господь наказывает меня. Наказывает за любопытство, которое я испытал перед смертью дяди и тети. Наказывает за убийство создания, которое не желало мне зла. Винават был я один. Закончив осмотр, врач попросил

переговорить с отцом наедине. Когда отец вернулся в комнату, он не мог сдержать слез. Мы все плакали.

Той ночью Эйб не отходил от ложа матери. Сара уснула у очага, а Томас задремал на своем стуле. Нэнси впала в беспамятство. Уже несколько часов она кричала — вначале от кошмаров, а затем от боли. В какой-то момент Томасу и доктору пришлось держать ее, а она все выкрикивала, что «заглянула в лицо дьяволу».

Эйб снял компресс с головы больной и обмакнул его в миску с водой в изножье кровати. Скоро придется зажечь новую свечу. Та, что светила у постели, уже почти потухла. Он вынул компресс из воды, отжал его, и тут кто-то взял его за запястье.

— Сынок... — прошептала Нэнси.

Перемена казалась разительной. Мамино лицо было спокойным, голос ласковым, и даже в глазах снова зажегся свет. У меня перехватило дыхание. Что это, если не чудо, о котором я молился? Мама посмотрела на меня и улыбнулась.

«Сынок... — повторила она шепотом. — Живи».

По моим щекам заструились слезы. Вдруг это какое-то жестокое наваждение?

«Мама?» — позвал я.

«Живи», — снова проговорила она.

Я разрыдался. Господь простил меня. Господь вернул мне мать. Она улыбнулась. Я почувствовал, как рука соскальзывает с моего запястья, и пристально заглянул ей в глаза.

«Мама?»

И снова, на этот раз едва различимым шепотом, она повторила: «Живи».

Больше ей не суждено было открыть глаза.

Нэнси Хэнкс Линкольн умерла 5 октября 1818 года в возрасте тридцати четырех лет. Томас похоронил ее на склоне возле дома.

Эйб остался один-одинешенек.

Мать была его сердечным другом. Она дарила ему любовь и поддержку с самого первого дня его жизни. Читала сыну по ночам, держа книгу левой рукой, а правой гладила его темные волосы, пока мальчик не засыпал у нее на руках. Нэнси первой встретила его, когда он вошел в этот мир. Ребенок не плакал. Он посмотрел на мать и улыбнулся. Она воплощала любовь и свет. А теперь она умерла. Сын оплакивал ее.

Нэнси еще не успели предать земле, как Эйб задумал бежать. Ему было невыносимо оставаться в Литл-Пиджин-Крик с одиннадцатилетней сестрой и убитым горем отцом. Не прошло и двух дней, как девятилетний Эйб Линкольн уже шагал по просторам Индианы, завернув свои скудные пожитки в шерстяное одеяло. Он составил замечательный в своей простоте план. Мальчик собирался дойти пешком до реки Огайо, попроситься к кому-нибудь в плоскодонку и доплыть до Нижней Миссисипи, а там добраться до Нового Орлеана, где можно будет проникнуть зайцем на какой-нибудь корабль. Быть может, удастся доплыть до Нью-Йорка или Бостона. А может, он двинется в Европу и увидит бессмертные соборы и замки, которые так часто воображал.

Но в плане был один изъян: Эйб решил выйти из дому зимним днем, и к тому моменту, как он прошагал четыре мили, уже начало смеркаться. Мальчик оказался посреди неизведанной пустоши, с собой у него было только одеяло да немного еды. Он остановился, сел под деревом и заплакал. Эйб был совсем один в темноте, он хотел домой, но дома больше не существовало. Он скучал по матери. Ему хотелось зарыться лицом в волосы сестры и разрыдаться у нее на плече. Он с удивлением обнаружил, что жаждет очутиться в отцовских объятиях.

В ночи раздался слабый вой — долгий, животный, он эхом разносился вокруг. Я решил, что это медведи, которых наш сосед Ройбен Григсби приметил

у кряжа двумя днями ранее. Какой же я дурак, подумалось мне, что не взял даже ножа. Вой раздавался снова и снова. Звук, казалось, двигался вокруг меня, и чем дольше я вслушивался, тем яснее становилось, что так стенать не может ни медведь, ни пантера, ни какой-либо иной зверь. Нет, это был совершенно другой звук. Его издавал человек. И тут я понял, что слышал все это время. Не потрудившись собрать свои пожитки, я подскочил и со всех ног бросился домой.

Эйб слышал крики.

Глава 2 Две истории

Итак, выбрав путь, без обмана, с чистыми намерениями, давайте же обновим нашу веру в Господа и двинемся дальше без страха, сильные духом.

**Из обращения Линкольна к Конгрессу
4 июля 1861 г.**

I

Если Томас Линкольн и пытался утешить детей после смерти матери, интересовался их чувствами или делился своими, никаких сведений об этом в источниках не сохранилось. Судя по всему, несколько месяцев после гибели жены он провел, отгородившись от них каменной стеной молчания. Томас просыпался до рассвета. Варил себе кофе. Завтракал без аппетита. Работал до заката и чуть ли не каждый вечер напивался до беспамятства. Зачастую голос отца Эйб и Сара слышали только во время краткого благословения перед ужином:

Господь, щедра твоя рука,
Хвала тебе во все века!
Ты любишь нас и пищу шлешь,
Благослови же, что даешь!⁶

Но, невзирая на все недостатки, Томас Линкольн обладал тем, что старики называли «звериным чутьем». Он видел, что ситуация выходит из-под контроля, и понимал, что не сможет в одиночку прокормить семью.

Зимой 1819 года, спустя чуть более года после кончины Нэнси, Томас неожиданно объявил, что собирается уехать «недели на две-три», а когда вернется, то привезет детям новую мать.

Известие застало нас врасплох, ведь в течение года отец не проронил почти ни слова, и мы понятия не имели, что у него на уме. Отец не сказал, есть ли у него на примете какая-то женщина. Я гадал, что именно он собирался делать: дать объявление в «Газетт» или попросту блуждать по Луисвиллю, предлагая руку и сердце одиноким дамам, которые встретятся на пути. Честно говоря, ни то ни другое меня бы особенно не удивило.

Саре с Эйбом было невдомек, что Томас имеет виды на недавно овдовевшую знакомую из Элизабеттауна (того самого городка, где он впервые повстречал Нэнси тринадцать лет назад). Отец Авраама решил объявиться без предупреждения, сделать предложение и увести

⁶ В качестве перевода, наиболее близкого по смыслу к оригиналу, заимствовано стихотворное переложение молитвы, анонимно опубликованное на сайте католической общины кларетинов. (Прим. перев.)

новую жену в Литл-Пиджин-Крик. Вот и весь план.

Путешествие ознаменовало для Томаса окончание молчаливого траура. А девятилетний Эйб и одиннадцатилетняя Сара впервые остались одни.

По вечерам мы ставили зажженную свечу в центре комнаты, прятались под одеяла и подпирали дверь отцовской кроватью. Не знаю, от чего мы пытались защититься, но так нам было спокойнее. Мы сидели так почти всю ночь, прислушиваясь к звукам, которые раздавались на улице. Там бродили животные. Ветер приносил отдаленные голоса. Вокруг хижины от чьих-то шагов трещали ветки. Мы дрожали в кроватях, пока свеча не догорала, а потом шепотом спорили, кому выбираться из-под спасительных одеял и идти зажигать новую. Отец, вернувшись, задал нам трепку за то, что в столь короткий срок спалили так много свечей.

Томас оказался верен своему слову. Он вернулся с повозкой. А в ней приехали все земные богатства (или по крайней мере те, что влезли) новоявленной Сары Буш Линкольн и троих ее детей: Элизабет (13 лет), Матильды (10) и Джона (9). Эйбу с сестрой повозка, нагруженная мебелью, часами и кухонной утварью, показалась сундуком с «сокровищами магараджи». Молодую миссис Линкольн поверг в ужас вид босых грязных детей с фронта. В тот же вечер она раздела их и хорошенько отмыла.

Двух мнений быть не может: Сара Буш Линкольн красотой не блистала. Из-за глубоко посаженных глаз и узкого лица всегда казалось, будто она голодает. Высокий лоб выглядел еще выше из-за того, что она укладывала жесткие каштановые волосы в плотный пучок. Миссис Линкольн была тощей и вялой женщиной, к тому же у нее не доставало двух нижних зубов. Но вдовцу без перспектив и без доллара в кармане привередничать не приходилось. То же можно сказать о женщине с тремя детьми и уймой долгов. Их союз был основан на старом добром здравом смысле.

Эйб заранее приготовился возненавидеть мачеху. С того самого момента, как Томас объявил, что намерен жениться, мальчик начал строить коварные планы и придумывать, к чему бы придраться.

Неудобство заключалось в том, что она выказывала доброту, участие и бесконечное сочувствие. С пониманием она относилась и к тому, что мама всегда будет занимать особое место в наших с сестрой сердцах.

Как и Нэнси прежде, новая миссис Линкольн распознала тягу Эйба к книгам и неизменно поощряла ее. Среди привезенного из Кентукки добра нашелся орфографический словарь Уэбстера — настоящий клад для мальчика, лишенного возможности ходить в школу. Сара (неграмотная, как и ее нынешний муж) часто просила Эйба почитать после ужина из Библии. Мальчик с радостью потчевал семью отрывками из посланий к коринфянам и Книги Царств. Он читал о мудрости Соломона и неосмотрительности Навала. После смерти матери вера его окрепла. Ему нравилось представлять, как мама глядит с небес и перебирает ангельскими перстами мягкие каштановые волосы сына, пока он читает. Мама защищает его от зла. Утешает во времена нужды.

Эйб также привязался к сводным сестрам и брату — особенно к брату, которого он прозвал Генералом за любовь к военным играм.

Меня было не оторвать от книг, а Джона — от игр. Он вечно сочинял какую-нибудь воображаемую битву и собирал достаточно мальчишек, чтобы можно было ее разыграть. Он звал меня оторваться от книг и присоединиться к веселью. Я отказывался, но Джон не отставал и обещал назначить меня капитаном или полковником. Говорил, что будет делать за меня работу по дому, если я соглашусь. Он все упрасивал и упрасивал, и мне не оставалось ничего иного, кроме как оставить тихое пристанище под деревом и присоединиться к игре. В то время я

считал Джона простаком. Теперь же я понимаю, насколько он был мудр. Мальчику в детстве нужны не только книги.

На одиннадцатый день рождения Сара подарила Эйбу небольшой дневник в кожаном переплете (вопреки желанию Томаса). Она купила его на деньги, заработанные стиркой и починкой белья для мистера Грегсона, пожилого соседа, чья жена скончалась несколькими годами ранее. Книги на фронтире были редкостью, но дневники — настоящей роскошью, в особенности для маленьких мальчиков из бедных семей. Можно представить, как радовался Эйб, получив такой подарок. Он не стал терять время и в тот же день сделал первую запись, которую старательно внес в дневник неуверенным почерком.

Дневник Авраама Линкольна

9 февраля 1820 г. Этот дневник я получил в подарок в одиннадцатый [sic] день рождения от отца и мачехи, которую зовут миссис Сара Буш Линкольн. Я постораюсь [sic] использовать его каждый день, чтобы научиться лучше писать.

Авраам Линкольн

II

Ранним весенним вечером, вскоре после того, как были написаны эти строки, Томас отозвал сына посидеть у костра. Отец был пьян. Эйб понял это еще до того, как тот пригласил его присесть на пенек и согреться. Отец разводил костер снаружи, только когда собирался как следует надраться.

— Ты уже слышал историю про дедушку?

Он любил рассказывать ее, когда был пьян. В детстве Томас стал свидетелем жестокого убийства собственного отца — и это глубоко его травмировало. К сожалению, успокоительная кушетка Зигмунда Фрейда появится только через несколько десятилетий. В ее отсутствие Томас справлялся со своими печальми так же, как это делал любой уважающий себя мужчина с фронтира: напивался до бесчувствия и выкладывал все как на духу. Утешением Эйбу могло служить то, что его отец был одаренным рассказчиком — в его устах любая история оживала. Томас подражал говору, в лицах изображал события. Он менял тембр голоса и ритм повествования. Иначе говоря, был прирожденным актером. Увы, именно это представление Эйб видел уже не один раз. Он мог слово в слово пересказать сюжет: его дед (тоже Авраам) вспахивал поле неподалеку от своего дома в Кентукки. Восьмилетний Томас с братьями смотрел, как отец трудится в жаркий майский полдень, переворачивая землю. Вдруг послышались крики шауни — индейцы выскочили из засады и набросились на Авраама. Маленький Томас укрылся за деревом и смотрел, как дикари месят отцовский мозг каменным молотом. Перерезают ему горло томагавком. Он все мог описать — даже выражение бабушкиного лица, когда он выложил новости, вернувшись домой.

Но в тот день Томас поведал сыну другую историю.

Началась она как обычно — в жаркий майский день 1786 года. Томасу было восемь лет. С двумя старшими братьями, Иосией и Мордехаем, он проводил отца на четырехакровую вырубку в лесу неподалеку от фермы, которую они помогали строить несколькими годами ранее. Мальчик наблюдал, как отец направляет небольшой плуг вслед за Беном — старой рабочей лошадкой, которая была у них еще с довоенных времен. Палящее солнце наконец скрылось за горизонтом, и долина реки Огайо утонула в мягком голубом свете. Все же «было жарче, чем в адовой печке» и к тому же влажно. Авраам-старший снял рубашку, чтобы воздух остужал его мощный торс. Молодой Томас ехал верхом на Бене и правил, а братья шли следом и сеяли. Все они надеялись вот-вот услышать долгожданный звон, возвещавший ужин.

До сих пор Эйбу было знакомо каждое слово. Дальше обычно следовала часть, когда раздавался боевой клич шауни. Старый конь пытался и сбрасывал Томаса на землю. Мальчик

бежал в лес и смотрел, как отца забивают до смерти. Но на сей раз шауни так и не появились. Томас выдал совсем иную концовку. Эйб пересказал ее в письме к Джону Т. Стюарту более двадцати лет спустя.

«Правда в том, — прошептал отец, — что твоего дедушку убили не люди».

Полуобнаженный Авраам работал на краю вырубki, возле деревьев, когда в лесу раздался «громкий хруст и треск ветвей» — ярдах в двадцати от того места, где находился фермер с сыновьями.

«Папа велел мне прибрать поводья, а сам прислушался. Наверное, это просто олени шли через чащу, но нам и черные медведи порой попадались».

А еще ходили слухи. Рассказывали об отрядах шауни, нападавших на ничего не подозревающих поселенцев. Индейцы без зазрения совести убивали белых женщин и детей. Жгли дома. Заживо снимали с мужчин скальпы. Война за землю еще не окончилась. Индейцы были повсюду. Лишняя осторожность никогда не мешала.

«Теперь треск раздавался с другой стороны. Что бы это ни было, точно не олень. Отец обругал себя за то, что оставил дома кремниевое ружье, и принялся распрягать Бена. Он не собирался бросать лошадь на поживу индейцам. Моих братьев он отослал — Мордехая за ружьем, а Иосию за подмогой на станцию Хьюз».⁷

Треск зазвучал иначе. Начали гнуться верхушки деревьев — будто кто-то перепрыгивал по ним с одной на другую.

«Отец принялся быстрее распутывать постромки. „Шауни!“ — прошептал он. От этого слова сердце у меня ушло в пятки. Я следил за верхушками деревьев и ждал, что вот-вот толпа дикарей выбежит из леса, крича, улюлюкая и размахивая топорами. Я представлял, как увижу прямо перед собой красные лица. Чувствовал, как волосы натягивают... и снимают мой скальп».

Авраам все еще боролся с упряжью, когда Томас заметил, как что-то белое спрыгнуло с верхушки дерева «футов в пятьдесят высотой». Что-то, напоминающее размером и формой человека.

«Это был призрак. Он парил над землей. Белое тело словно расплывалось, когда он несся к нам. Дух шауни пришел, чтобы забрать наши души за то, что мы ступили на его землю».

Томас смотрел, как призрак летит к ним, но был слишком напуган, чтобы кричать или предупредить отца об опасности, о том, что нависло над ним. Прямо сейчас.

«Сверкнуло что-то белое, и раздался крик, способный поднять мертвых на милю вокруг. Старина Бен взбрыкнул, скинул меня прямо в грязь и помчался как бешеный — плуг все еще волочился за ним на одной постромке. Я вскинул голову и посмотрел туда, где только что стоял отец. Его не было».

Томас поднялся на ноги. У него кружилась голова и — хоть он не почувствует этого

⁷ Ранние поселенцы часто строили дома вокруг фортов или так называемых «станций». В случае нападения индейцев форты использовали в качестве убежища. Служили в них небольшие отряды добровольцев.

еще несколько часов — было сломано запястье. Призрак стоял в пятнадцати или двадцати футах, повернувшись к мальчику спиной. Словно какое-то божество, он возвышался над отцом, недвижимо и спокойно. И наслаждался беспомощностью жертвы.

«Это оказался не призрак. И не шауни. Даже со спины было видно, что незнакомец всего-навсего мальчишка, не старше моих братьев. Его рубашку будтошили на кого-то размером вдвое больше. Она была белее снега и выбивалась из полосатых серых штанов. Его кожа была такой же белоснежной, а на шее перекрещивались тонкие голубые линии. Он стоял, не двигаясь и не дыша, точно изваяние».

Аврааму-старшему едва минуло сорок два года. Благодаря хорошей наследственности он был высок и широкоплеч. Честный труд сделал его стройным и мускулистым. Он никогда не проигрывал в драке — и теперь не собирался. Авраам поднялся («медленно, словно у него были переломаны ребра»), выпрямился и сжал кулаки. Он ушибся, но это подождет. Для начала он выбьет из маленького сукина...

«Отец поглядел мальчику в лицо, и челюсть у него отвисла. Что бы он ни увидел, это напугало его до полусмерти».

— Ох ты госпо...

Мальчишка метил Аврааму в голову. *Он промахнулся.* Авраам отступил на шаг и вскинул кулаки, но замер, не нанося удара. *Промахнулся.* Слева щеку покалывало. *Промахнулся ведь?* Пощипывало под глазом. Отец Томаса провел кончиком указательного пальца по лицу... легко-легко. Полилась кровь — хлынула потоком из тонкого, как от бритвы, разреза, протянувшегося от рта до уха.

Не промахнулся.

Это последние мгновения моей жизни.

Авраам почувствовал, как его голова рванулась назад. Глазницы треснули. Повсюду свет. Он чувствовал, как из ноздрей струится кровь. Еще удар. И еще. Где-то кричит его сын. *Почему он не убегает?* Челюсть сломана. Выбиты зубы. Руки, сжатые в кулаки, кажутся такими далекими, крик тоже уходит вдаль. *Заснуть... и не просыпаться.*

Существо держало Авраама за волосы — и наносило удар за ударом, пока череп наконец «не проломился, как яичная скорлупа».

«Чудовище обхватило отца за шею и вздернуло его в воздух. Я снова вскрикнул — сейчас оно его задушит. Вместо этого оно погрузило длинные, подобные ножам, ногти больших пальцев в Адамово яблоко жертвы и — раз! — разорвало горло прямо посередине. Существо подставило рот под образовавшееся отверстие и с жадностью присосалось к нему, будто пьяница к бутылке виски. Оно глотало и глотало кровь. Если поток начинал иссякать, чудовище приобнимало отца за грудь и надавливало. Оно выжало сердце до последней капли, а потом бросило тело на землю и огляделось. Оно смотрело прямо на меня. Теперь я понял, чего так испугался отец. У него были черные как уголь глаза. Клыки, длинные и острые как у волка. Белое лицо демона. Порази меня Господь, если я лгу. Сердце у меня ушло в пятки. Дыхание замерло. Существо просто стояло, с лицом, покрытым кровью моего отца и... Клянусь тебе, оно прижало руки к груди и запело».

У существа оказался безупречно чистый юный голос. Да еще узнаваемый британский акцент.

Коль изнывает грудь от муки
И душу думы грустные мрачат,
То музыки серебряные звуки

Неужели этот звук мог исходить от воплощенного ужаса? Неужто белое лицо озаряла теплая улыбка? Это какая-то жестокая шутка. Демон завершил песню, низко и медленно поклонился, затем убежал в лес. «Он бежал, пока я не перестал различать в просветах между деревьями белые отблески». Восемилетний Томас склонился над изуродованным и опустошенным трупом отца. Он дрожал всем телом.

«Я понимал, что придется солгать. В жизни не смог бы рассказать ни одной живой душе о том, что видел, — любой счел бы меня идиотом, вруном или кем похуже. Да и чему я был свидетелем? Может быть, мне все привиделось. Когда Мордехай прибежал с ружьем и стал спрашивать, что случилось, я разрыдался и поведал единственную возможную историю. Ту самую, в которую он бы поверил: тут побывал отряд шауни, индейцы убили отца. Я не мог открыть правды. Не мог сказать, что его убил вампир».

Эйб онемел. Он тихо сидел напротив пьяного отца. Редкие искры от костра заполняли пустоту между ними.

Я слышал много его историй: некоторые повествовали о жизни других людей, некоторые — о его собственной. Но он ни разу ничего не выдумывал, даже в таком состоянии, как сейчас. Честно говоря, не думаю, что у него хватило бы воображения. К тому же мне в голову не шла разумная причина, по которой отец стал бы врать о подобных вещах. А следовательно, как ни прискорбно...

— Ты думаешь, что я спятил, — сказал Томас.

Именно так я и думал, но промолчал. Я научился в такие минуты держать рот на замке: самое невинное замечание могло быть истолковано превратно и вызвать бурю гнева. Я научился сидеть молча, пока отец не отошлет меня прочь или не уснет.

— Черт, я тебя понимаю.

Отец отхлебнул от заработка минувшей недели⁹ и посмотрел на меня с нежностью, которой я прежде в нем не замечал. На мгновение мир отступил, и я увидел нас — не такими, как на самом деле, а какими мы могли бы быть в другой, лучшей жизни. Отец и сын. Его глаза наполнились слезами. Я удивился и испугался. Он словно умолял меня поверить. Но не мог же я верить в столь безумный рассказ. Пьяница наплел с три короба. Вот и все.

— Я рассказал тебе, потому что ты должен знать. Ты... заслужил эту правду. Говорю тебе: в жизни я видел двух вампиров. Первого — там, на поле. А второго... — Томас отвел взгляд, снова пытаясь сдержать слезы. — Второго звали Джек Бартс. И его я увидел незадолго до смерти твоей матери.

Летом 1817 года отца одолел грех зависти. Он устал смотреть, как соседи собирают щедрые урожаи со своей земли, засеянной рожью и пшеницей. Устал рвать жилы на постройке амбаров, которые они использовали, чтобы наживать богатство, и самому не получать доли трофеев. Впервые в жизни отец казался не

⁸ Песня XVI века, сочиненная Ричардом Эдвардсом. Отсылка к ней встречается в «Ромео и Джульетте», акт IV, сцена 5. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

⁹ Многие фермеры держали винокурни, чтобы заработать побольше денег на своем урожае. Здесь Эйб имеет в виду, что Томас частенько выполнял плотницкую работу за ржаной виски — к ужасу новой жены.

чужд амбиций. Ему не хватало только денег.

Джек Бартс был коренастым и одноруким. Он дорого одевался и владел развивающимся экспедиторским делом в Луисвилле. К тому же он был одним из редких в Кентукки людей, которые промышляли частными займами. В юности Томас как-то на него работал — грузил и разгружал плоскодонные баржи на Огайо за двадцать центов в день. Бартс всегда хорошо к нему относился и не задерживал оплату. Когда Томас уволился, Джек проводил его рукопожатием и приглашением возвращаться на работу. Более двадцати лет спустя, весной 1818 года, Томас Линкольн напомнил Бартсу о его обещании. Теребя шляпу в руках и низко опустив голову, Томас сидел в конторе Джека Барта и просил о займе в семьдесят пять долларов — ровно столько, чтобы хватило на покупку плуга, рабочей лошади, семян и «всего остального, что необходимо для выращивания пшеницы, кроме солнечного света и дождя».

Бартс, «все такой же крепкий и жизнерадостный, в фиолетовом сюртуке с одним рукавом», немедленно согласился. Условие он поставил простое: Томас должен вернуть девяносто долларов (сумму займа плюс двадцать процентов сверху) не позднее первого сентября. Любая прибыль сверх оговоренного оставалась Томасу. Процент был вдвое выше, чем взял бы любой уважаемый банк. Но Томас, строго говоря, не владел никакой собственностью (участок в Литл-Пиджин-Крик он занял самовольно) и не имел финансовых гарантий — значит, ему было не к кому больше идти.

Отец согласился на предложенные условия и принялся валить деревья, корчевать пни, пахать и сеять. Это был изнуряющий труд. Он в одиночку засеял семь акров пшеницы. Если бы с каждого акра удалось собрать тридцать бушелей урожая, этого хватило бы, чтобы вернуть долг Бартсу, и еще немного осталось бы нам на зиму. В следующем году отец посеял бы больше. Еще через год нанял бы работника себе в помощь. Через пять лет у нас была бы самая большая ферма в округе. А через десять лет — в целом штате. Посеяв последние зерна, отец наконец мог вздохнуть свободно. Он ждал, когда будущее поднимется из земли.

Но лето 1818 года выдалось самым жарким и засушливым на памяти старожилов. С наступлением июля во всей Индиане не осталось ни единого зеленого побега.

Томас был разорен.

Ему осталось только продать плуг и лошадь, чтобы выручить хоть немного денег. Сбирать урожай никому не требовалось, так что спроса на его товар не было. Не осмеливаясь показаться Бартсу на глаза, Томас отослал ему двадцать восемь долларов вместе с письмом от первого сентября (письмо под диктовку писала Нэнси), в котором обещал прислать остаток долга, как только получится. Больше он сделать ничего не мог. Но Джека Барта это не удовлетворило.

Через две недели Томас Линкольн шепотом произносил мольбы, которые словно обретали форму в колючем ночном воздухе. Он пробудился ото сна всего несколько минут назад. Его разбудило прикосновение к щеке. Прикосновение шелкового голубого рукава. И пачки банкнот — двадцати восьми долларов. Над постелью Томаса стоял Джек Бартс.

Бартс не собирался спорить, он пришел предупредить. Отец ему нравился. Нравился всегда. Поэтому он даст должнику еще три дня, чтобы собрать недостающие деньги. Понимаешь ли, дело есть дело. Если пройдет слух, что Джек Бартс идет на поводу у своих должников, другие еще дважды подумают, стоит ли платить ему вовремя. И куда ему после этого деваться? В богадельню? Нет, нет. Ничего личного. Исключительно вопрос платежеспособности.

Они стояли возле деревянного туалета, чтобы шепот не разбудил обитателей хижины. Бартс повторил свой вопрос:

— Сможешь отдать деньги через три дня?

Томас опять понурился:

— Не смогу.

Бартс улыбнулся и отвел глаза.

— В таком случае...

Он повернулся к Томасу — лицо кредитора исчезло, и на его месте возникло лицо демона. Окно в ад. Черные глаза, белая кожа и — *клыки, длиннющие, острые как у волка, порази меня Господь, если я лгу!*

— Я возьму свое другим способом.

Эйб смотрел на отца сквозь огонь.

Ужас. Меня обуял ужас. Сковал по рукам и ногам. Я ослабел. Мне стало дурно. Я больше не желал это слушать. Не сегодня. И никогда. Но отец не мог остановиться. Не теперь, когда он был столь близок к окончанию своего рассказа — к окончанию, о котором я догадывался, но в которое не решался поверить.

— Вампир отнял у меня отца...

— Замолчи...

— Отнял Спэрроу...

— Не надо!

— И вампир отнял у нас твою...

— Иди к черту!

Томас разрыдался.

Один вид его пробуждал во мне неведомую доселе ненависть. Ненависть к отцу. Ко всему на свете. Отец вызывал у меня отвращение. Я убежал в темноту, страхась слов, которые могли у меня вырваться, и того, что я мог сделать, останься я с ним еще хоть на мгновение. Злость не пускала меня домой три дня и три ночи. Я спал в амбарах и хозяйственных пристройках у соседей. Воровал яйца и пшеничные колоски. Бродил по окрестностям, пока ноги не начинали дрожать от изнеможения. Вспоминал мать и плакал. Они отняли ее у меня. Отец и Джек Бартс. Я ненавидел себя за то, что был слишком мал, чтобы защитить ее. Ненавидел отца за то, что он рассказал мне нечто столь невозможное и невыразимое. Но все же я понимал, что все это — правда. Не могу объяснить, откуда взялась моя уверенность, но у меня не было сомнений. Я вспомнил, как отец одергивал нас, когда мы сочиняли истории про вампиров. Крики, которые ветер доносил по ночам. Горячий шепот матери про то, как она «заглянула в глаза дьяволу». Отец был пьянчужой. Праздным и черствым пьянчужой. Но не лжецом. За три дня ярости и горя я поддался безумию и признался самому себе: я верю в вампиров. Я верил в них и всех их ненавидел.

Когда Эйб наконец вернулся домой (к перепуганной мачехе и притихшему отцу), он не проронил ни слова. Взял дневник и записал одно-единственное предложение. То самое, которое кардинальным образом изменит течение его жизни и приведет молодую страну на грань катастрофы:

Отныне я твердо намерен убить всех до единого вампиров в Америке.

III

Сара надеялась, что Эйб почитает им после ужина. Было довольно поздно, но огонь разгорелся вовсю, и оставалось достаточно времени, чтобы послушать несколько страниц о приключениях Ионы или разноцветных одеждах Иосифа. Сара любила, когда Эйб читал — так живо, так ясно и выразительно. Мальчик был мудр не по годам. Нечасто встретишь у

ребенка такую обходительность и прекрасные манеры. Как Сара сказала Уильяму Херндону после убийства пасынка, он был «лучшим мальчиком из всех, кого я встречала или надеюсь когда-либо повстречать».

Но Библии нигде не было. Неужели она одолжила книгу соседке и забыла? Или оставила у мистера Грегсона? Сара искала повсюду. Поиски были напрасны. Женщина больше никогда не увидит своей Библии.

Эйб ее сжег.

Он по-детски сорвал злость на книге и всегда раскаивался (хотя, похоже, недостаточно глубоко, чтобы поведать мачехе правду). Много лет спустя он пытался объяснить свой поступок:

Как я мог почитать Бога, который позволил существовать [вампирам]? Бога, который дал моей матери пасть жертвой их злого замысла?¹⁰ Либо Он был бессилен им помешать, либо был их сообщником. В любом случае Он не заслуживал моих молитв. В любом случае Он стал моим врагом. Так думал двенадцатилетний мальчик. Мир представлялся ему выбором между двумя неравными данностями. Он верил, что дела «непременно» обстоят так или иначе. Мне стыдно за этот поступок, да. Но я не стану обременять свою совесть еще сильнее, притворяясь, будто не совершал его.

Вера Эйба рухнула, и мальчик продолжил свою клятву в недатированном манифесте (август 1820 г.):

Отныне я посвящу жизнь ниустанному [sic] поиску знаний и служению. Я сделаюсь образованным во всех сферах. Стану воителем, более виликим [sic], чем Александр. В моей жизни будет только одна цель — убить как можно больше вампиров. В этом дневнике я буду писать об их убийстве.¹¹ Никто, кроме меня, его не прочтает [sic].

Увлечение книгами, ранее проявлявшееся всего лишь в виде ненасытного интереса, превратилось в самую настоящую навязчивую идею. Эйб два раза в неделю совершал часовые прогулки к дому Аарона Штибеля (сапожника, который мог похвастаться личной библиотекой в сто пятьдесят томов), чтобы вернуть хозяину одну охапку книг и одолжить другую. Когда мачехе случалось ехать в Элизабеттаун навестить родственников, он неизменно сопровождал ее, только чтобы засесть в доме Сэмюэля Хейкрафта-старшего на Вилледж-стрит. Хейкрафт являлся одним из основателей города и гордым владельцем около пяти сотен книг. Эйб читал мистику, искал упоминания о вампирах в европейском фольклоре. Он составил список их предполагаемых слабостей, отличительных черт и привычек. С утра Сара частенько находила пасынка спящим за столом: его голова покоилась на раскрытых страницах.

Когда Авраам не был занят совершенствованием разума, он упражнял свое тело. Мальчик теперь ежедневно колот вдвое больше дров. Строил длинные извилистые заборы из камня. Учился метать топор в дерево — сначала с десяти ярдов. Потом с двадцати. Когда Джон, сводный брат, позвал Эйба играть в войну, он с радостью согласился и дрался с такой

¹⁰ Неизвестно, как именно Бартс убил Нэнси Линкольн и супругов Спэрроу, но, судя по информации в других частях дневника, скорее всего, он использовал небольшое количество собственной крови. Зачастую вампиру достаточно уколоть палец и выдавить несколько капель крови в рот спящей жертвы. Такой объем способен вызвать побочные эффекты перерождения (болезнь и смерть), но недостаточен для долгосрочных последствий.

¹¹ Интересно отметить навязчивое употребление слов «убить» и «убийство» в ранних записях. Позже Эйб начнет прибегать к более точным формулировкам: «истреблять» и «уничтожать».

яростью, что не один соседский мальчик остался с разбитой губой. Основываясь на информации, вычитанной в книгах, Авраам выстрогал дюжину кольев и сделал для них колчан. Он соорудил небольшое распятие (хоть Эйб и провозгласил Бога «врагом», Его помощь все равно бы не помешала). Взял за правило носить при себе мешочки с чесноком или горчичным семенем. Он точил топор, пока лезвие не «ослепляло всех, кто на него глядел». По ночам Эйбу снилась смерть. Ему снилось, как он настигает врагов и всаживает колья в их сердца. Отрубает головы. Доблестно бьется. Позже, когда тучи Гражданской войны сгустились на горизонте, Эйб вспоминал свою юношескую жажду крови:

Два вида людей хотят войны: те, кто сами не собираются сражаться, и те, кто понятия не имеют, что им предстоит. Вспоминая свою молодость, могу сказать, что последнее относилось ко мне в полной мере. Я рвался воевать с вампирами, не представляя себе последствий. Я не знал, какво обнимать умирающего друга или хоронить свое дитя. Любой, кто заглянул в лицо смерти, найдет занятие получше, чем снова искать встречи с ней.

Но летом 1821 года до этих уроков было еще далеко. Эйб хотел сражаться с вампирами, и по прошествии нескольких месяцев, посвященных тщательному сбору сведений и тренировкам, он был готов дать первый залп. Эйб сочинил письмо.

IV

Для двенадцатилетнего мальчика Эйб был необыкновенно высок. Он уже сравнялся с отцом (который был ростом 5 футов и 9 дюймов). Мальчик пошел в своего злополучного деда: хорошие гены и годы упорного труда сделали его удивительно сильным.

Стоял понедельник. «Такие летние дни бывают только в Кентукки: солнечные, зеленые, с легким ветерком, приносящим тепло и семена одуванчиков». Эйб с Томасом сидели на крыше одной из хозяйственных построек и чинили прохудившуюся за зиму кровлю. Ненависть мальчика несколько остыла, но ему все еще было нелегко находиться рядом с отцом. Запись в дневнике от 2 декабря 1843 г. (сделанная почти сразу после рождения Роберта, сына Эйба) проливает свет на причину такого презрения:

Возраст принес мне умеренность в суждениях, но в одном я остаюсь непреклонным. Как он был слаб! Как нерешителен! Он не смог защитить свою семью. Думал только о себе, а остальных бросил на произвол судьбы. Он мог бы бежать вместе с нами далеко-далеко. Мог занять денег у соседей в счет будущей работы. Но он ничего не сделал. Просто бездействовал. Молча. Тайком на что-то надеялся — на то, что его беды каким-то чудом исчезнут. Нет, больше тут говорить не о чем: будь он другим человеком, мама все еще оставалась бы со мной. Я не могу этого простить.

К чести Томаса надо отметить, что он, казалось, понял и принял порицание сына. С того самого вечера он больше не говорил о вампирах. И Эйба не подталкивал к разговору.

В тот понедельник Сара попросила девочек помочь ей с уборкой у мистера Грегсона, а Джон сражался в воображаемой битве. Линкольны чинили крышу, когда к дому подошла лошадь с ребенком в седле. Ребенок был коренаст и одет в зеленый сюртук. Или же это был очень низенький мужчина. Низенький мужчина в темных очках и... с одной рукой.

Джек Бартс.

Томас опустил молоток. Сердце отчаянно билось в груди. Что Бартсу понадобилось на этот раз? К тому моменту, как отец спустился на землю и пошел встречать нежданного гостя, Эйб уже почти добрался до хижины. Бартс передал Томасу поводья и несколько неловко спешился: рукой он придерживался за седло, пока коротенькие ножки пытались нащупать опору. Наконец преуспев, он нашарил в кармане веер и принялся обмахиваться. Томас

заметил, что на лице гостя не было ни капли пота.

— Ужасно... Ужасно жарко.

— Мистер Бартс, я...

— Должен признать, мистер Линкольн, ваше письмо стало для меня неожиданностью. Приятной неожиданностью, но тем не менее.

— Письмо, мистер Ба...

— Если бы вы прислали его раньше, возможно, неприятности, произошедшей между нами, удалось бы избежать. Чудовищно... Чудовищно...

Томас, окончательно сбитый с толку, не заметил, что Эйб приближается к ним, неся продолговатый деревянный предмет.

— Простите мое нетерпение, — продолжал Бартс, — но мне немедленно надо отправляться. Вечером у меня дела в Луисвилле.

Томас не знал, что сказать. В голову ничего не приходило.

— Так что же, мистер Линкольн? Где они?

Подошел Эйб. В руках у него был самодельный длинный сундук с крышкой на петлях. Крошечный гробик для хрупкого покойника. Мальчик стоял рядом с отцом, повернувшись к Бартсу. Он возвышался над гостем. Глядел на него с недоброй ухмылкой.

— Странно, — нарушил молчание Эйб. — Не думал, что вы появитесь днем.

Теперь уже Бартс не нашелся, что ответить.

— Что это за мальчик?

— Мой сын, — цепenea от ужаса, пояснил Томас.

— Они здесь. — Эйб приподнял сундук. — До цента. Ровно сто долларов, как и сказано в письме.

Томас решил, что ослышался. Ему это снится. Бартс уставился на Эйба с подозрением. Потом с удивлением. Лицо его расплылось в улыбке.

— Боже! — воскликнул ростовщик. — А я было решил, что мы все спятили.

Он рассмеялся. Эйб приоткрыл крышку — ровно настолько, чтобы можно было просунуть руку.

— Молодец! — похвалил Бартс, смеясь от души. — Давай-ка сюда.

Он протянул руку, провел толстыми пальцами по моим волосам. Я мог думать только о том, как мама так же гладила меня, когда читала мне вслух. Мне представлялось ее милое лицо. Я посмотрел вниз на этого человека, на это существо, и рассмеялся вместе с ним. Отец беспомощно стоял в стороне. У меня в груди разгорался огонь. Я нащупал деревянный кол. Мне все было подвластно. Я стал Богом.

Это последние мгновения твоей жизни.

Не помню, как я вогнал его, — помню только, что решился. Смех прекратился, и Бартс неловко отступил на шаг. Его глаза моментально почернели, словно в глазницах под стеклом разлились чернильные кляксы. Показались клыки, а под кожей я различил бледную голубоватую паутину. До этой минуты я еще мог сомневаться. Но теперь увидел все собственными глазами. Теперь я был уверен.

Вампиры существуют .

Бартс вскинул руку, и крепкая ладонь инстинктивно обхватила кол. На его лице еще не было страха. Только удивление, будто он пытался осознать, какое отношение этот предмет имеет к его телу. Вампир потерял равновесие, сел на землю и только через мгновение упал на спину. Рука разжалась и обмякла.

Я обошел вокруг, стараясь угадать, когда он нанесет удар. Я ждал, что враг рассмеется над тщетностью моей попытки и сразит меня. Бартс следил за мной глазами, но больше не двигался. В его взгляде был страх. Он умирал... и боялся. Лицо его сделалось еще бледнее прежнего. Густая темная кровь заструилась из ноздрей — она текла по щекам и заливала глаза. Я никогда не видел столько крови.

Я наблюдал, как его душа (если она у него была) покидает тело. Бартс заканчивал неожиданное и страшное прощание с длинной-предлинной жизнью — без сомнения, наполненной счастьем, страданием, борьбой и успехом. С жизнью, в которой были минуты, слишком прекрасные, чтобы с кем-то их разделить. Или слишком болезненные, чтобы вспоминать о них. Теперь всему наступал конец, и он боялся. Боялся ожидавшей его пустоты. Или, что хуже, наказания.

Затем он умер. Я думал, что заплачу. Испытаю угрызения совести, осознав, что я наделал. Признаюсь, я ничего не почувствовал. Только пожалел, что не заставил его мучиться дольше.

Томас был ошеломлен.

— Что ты наделал! — воскликнул он, прервав тошнотворную тишину. — Ты погубил нас!

— Напротив. Я погубил его.

— Придут другие.

Эйб уже уходил.

— В таком случае мне понадобятся еще колья.

Глава 3 Генри

В мире идет беспрестанная борьба между добром и злом. Эти два принципа враждовали от начала времен — и будут продолжать свое противостояние вечно.

**Линкольн, из дебатов со Стивеном Дугласом
15 октября 1858 г.**

I

Летом 1825 года юго-восточная Индиана погрузилась в кошмар. За шесть недель с начала апреля пропало трое детей. Первый, семилетний Сэмюэл Грин, исчез, когда играл в лесу неподалеку от родительской фермы в Мэдисоне — процветающем городе на берегах Огайо. На поиски пустилось несколько отрядов. Они прочесали все окрестные пруды. Но мальчик как сквозь землю провалился. Не минуло и двух недель, поиски еще продолжались, когда шестилетняя Гертруда Уилкокс посреди ночи пропала из собственной постели. Тревога переросла в панику. Родители не пускали детей гулять. Соседи возводили напраслину друг на друга. Прошло три недели. Двадцатого мая исчез третий ребенок — не в Мэдисоне, а в Джефферсонвилле, в двадцати милях вниз по реке. На этот раз тело нашли через несколько дней — вместе с двумя другими. Страшное открытие совершил охотник, последовавший за собаками в неглубокий лесистый овраг, где и лежали три искореженных трупа, в спешке прикрытые ветвями. Тела противоестественным образом разложились и почти потеряли цвет. На лицах застыли гримасы ужаса, глаза были открыты.

К тому лету Эйбу Линкольну исполнилось шестнадцать, и его решение «убить всех до единого вампиров в Америке» не спешило претворяться в жизнь. Страхи Томаса оказались беспочвенными. Никто не явился мстить за Джека Бартса. По правде сказать, за четыре года, прошедших с тех пор, как Бартс пал от деревянного кола, Эйб больше не видел ни одного вампира. Не потому, что он не прикладывал усилий. Бессчетное количество ночей он потратил, тщетно пытаясь выяснить, откуда ветер доносит крики, или наблюдая за только что вырытыми могилами (на всякий случай, в легендах ведь сказано, что вампиры приходят полакомиться свежим трупом). Однако у Эйба не было наставников, кроме старых книг и сказок, отец помогать не желал, так что четыре года мальчика преследовали сплошные разочарования. Ему ничего не оставалось, кроме как продолжать тренировки. Он вытянулся

до шести футов четырех дюймов и развил стальные мышцы. Авраам мог побороть и обогнать большинство мужчин вдвое старше его. Вгонял топор в дерево с тридцати ярдов. Пахал не хуже лошади и поднимал над головой бревно весом в двести пятьдесят фунтов.

Вот только шить он не умел. Угробив несколько недель на попытку сшить длинный «охотничий плащ», который в итоге тут же развалился на ходу, Эйб смирился и заказал его у портнихи. Мачеху мальчик не попросил о помощи из страха, что она полюбостыдится, зачем ему понадобился подобный предмет одежды. Длинный черный плащ был подбит толстой тканью на груди и животе и скрывал внутренние карманы для хранения разнообразных ножей, зубчиков чеснока и фляжки со святой водой, которую Эйб сам и благословил. Колчан с кольями он носил на спине, а на шее — толстый кожаный воротник, приобретенный у кожевенника в Элизабеттауне.

Когда слухи об изуродованных телах достигли Литл-Пиджин-Крик, Эйб не мешкая отправился к реке.

Я сказал отцу, что нанялся на баржу до Нового Орлеана и вернусь через полтора месяца с двадцатью долларами заработка. Никакой работы на самом деле не было, и я понятия не имел, где добыть деньги. Просто не смог придумать другой причины, чтобы на столь длительный срок отпроситься у отца.

Несмотря на свою репутацию безупречно честного человека, Эйб легко мог и солгать ради благородной цели. Ему представилась возможность, которой он дожидался четыре долгих года. Возможность испытать свои силы. И оружие. Шанс почувствовать наслаждение, когда вампир рухнет ему под ноги; увидеть ужас в глазах чудовища.

Авраам Линкольн не был выдающимся следопытом. Многие могли похвастаться более близким знакомством с рекой Огайо. Но в Кентукки или Индиане едва ли сыскался бы человек, лучше разбиравшийся в таинственных исчезновениях и нераскрытых убийствах.

Когда я услышал описание трупов из Джефферсонвилля, я сразу понял, что тут замешан вампир. Мне было прекрасно известно, куда он направляется. Я читал о похожем случае в сочинении Дюгре «Об истории реки Миссисипи» — то происшествие смущало умы поселенцев почти пятьдесят лет назад. В городках на берегах реки посреди ночи из собственных постелей стали пропадать дети.

Началось все в Натчезе и продолжалось до самого Дональдсонвилля. С севера на юг. Тела обнаруживали вдоль реки в совершенно разложившемся состоянии. Что еще более противоестественно, на жертвах не находили никаких повреждений, кроме мелких порезов на конечностях. Я мог биться об заклад, что, как и тот вампир, этот идет на юг по течению. Опять же, я был готов поспорить, что он плывет на лодке. И на лодке он рано или поздно непременно окажется в Эвансвилле.

Там Эйб и принялся ждать в ночь на четверг, 30 июня 1825 года, спрятавшись за кустарником на лесистых берегах Огайо.

К счастью, полная луна освещала мельчайшие детали ночного пейзажа. Легкий туман висел над поверхностью реки, капельки росы поблескивали на листьях вокруг моего укрытия, на ветке дерева можно было различить силуэты спящих птиц — а менее чем в тридцати ярдах была привязана плоскодонка. Она ничем не отличалась от маленьких барж, которые сновали вверх-вниз по реке: сорок на двенадцать футов, сооружена из грубых досок, две трети палубы занято жилым помещением. И все же уже много часов мой взгляд был прикован к этой лодке. Я был уверен, что внутри находится вампир.

Эйб несколько дней наблюдал за плоскодонками, приплывавшими в Эвансвилль. Он внимательно изучал каждого человека, сходявшего на берег, выискивая характерные

признаки, о которых так много читал: бледную кожу, нелюбовь к солнечному свету, боязнь распятый... Авраам даже проследил за несколькими «подозрительными» пришельцами, когда они направились по делам в город. Плодов это не принесло. В конце концов внимание охотника привлекла лодка, которая не приставала к берегу.

Я уже был готов сдаться. Солнце почти закатилось, и баржи начинали швартоваться на ночь. Тут я кое-что заметил. В темноте виднелся едва различимый силуэт плоскодонки: она проплыла вдоль берега. Странно, что лодка миновала один из самых оживленных городов в этих местах и не подошла к причалу. Еще более странно, что это произошло на ночь глядя.

Эйб бросился бегом вдоль реки, полный решимости преследовать подозрительную лодку (которой, насколько было можно разглядеть, никто не правил) так долго, как только сумеет.

Проливные дожди ускорили течение, и мне с трудом удавалось не отставать. Лодка ускользала от меня, и когда она скрылась за речной излучиной, я испугался, что насовсем потеряю ее из виду.

Однако через полчаса изнуряющего бега Эйб нагнал плоскодонку. Она оказалась привязана к небольшому причалу, который вел к тому же самому берегу в нескольких милях от города. Авраам устроился поодаль и приготовился бодрствовать всю ночь. Проходили часы, но Эйб, невзирая на голод и усталость, не покидал своего укрытия. Он обещал себе не сводить с лодки глаз.

Я так долго не шевелился, ожидая, пока солнце скроется за горизонтом, что начал опасаться, как бы ноги не подвели меня, когда придет время действовать. Но я не решался нанести удар, пока не разгляжу противника, пока не увижу, как это существо покажется из своего логова. Я опустил взгляд на топор в своих руках, чтобы убедиться, что он никуда не делся. Я предвкушал, как лезвие вонзится в его тело, и вздрагивал от нетерпения. Мне хотелось видеть страх на его лице, когда остатки его сущности будут покидать наш мир.

На севере слышался слабый шорох листвы и треск хвороста. Кто-то приближался, шел по лесу вдоль берега. Эйб постарался дышать ровнее и правой рукой ощупал рукоять топора. Он уже воображал себе звук, с которым оружие разрубит кожу, и кости, и легкие.

Все эти часы я ожидал появления чудовища. Мне не приходило в голову, что вампир мог уже бодрствовать. Не важно. Я вскинул топор и приготовился взглянуть на противника.

«Он» оказался невысокой женщиной в черном платье и чепце. Очертания ее тела подсказывали, что она стара, однако она с легкостью шагала по неровному берегу.

У меня и в мыслях не было, что вампир может оказаться женщиной, к тому же пожилой. Я тотчас же ясно осознал безумие происходящего. Какие у меня доказательства? Какие доказательства, кроме подозрения, что в этой лодке затаился вампир? Неужели я собирался просто-напросто прикончить ее хозяина, кто бы им ни был, и надеяться, что не ошибся? Готов ли я убить старуху, не имея твердой уверенности в своей правоте?

Эйбу не пришлось долго мучиться сомнениями. Когда женщина приблизилась, он разглядел у нее на руках ношу. Что-то белело в темноте.

Ребенок.

Я смотрел, как она несла его по лесу прямо к лодке. Мальчик был не старше пяти, одет в белую ночную сорочку. Ноги и руки свисали вниз. На воротничке я различил кровь. И на рукавах. Я не мог нанести удар с такого расстояния, так как опасался промахнуться и случайно задеть ребенка (если он был еще жив).

Эйб наблюдал, как вампирша приблизилась к лодке и двинулась было вверх по небольшим сходам, но вдруг замерла на полпути.

Ее тело напряглось. Она принялась, как это делают животные, почуяв опасность. Вампирша посмотрела в темноту на противоположный берег, а потом повернулась в мою сторону.

Эйб застыл. Он не дышал. Не шевелился. Убедившись, что все благополучно, старуха поднялась в лодку.

Мне сделалось дурно. Я злился не на вампиршу, но на себя самого. Как я могу ничего не предпринимать и обрекать ребенка на гибель? Почему я позволил какому-то страху, столь же незначительному, как и моя жизнь, удержать меня от верных действий? Нет! Нет, лучше я умру от ее руки, чем от позора! Я поднялся из укрытия и ринулся к реке. Прямо к плоскодонке. Старуха немедленно услышала мои шаги, круто обернулась и отшвырнула мальчика на палубу. Вот! Вот он, мой шанс! Я вскинул топор, метнул его и проследил за полетом. Вопреки ожиданиям женщина оказалась довольно проворной: она уклонилась от удара, и топор скрылся на дне Огайо. Я рвался вперед, убежденный, что сила и выносливость все же позволят мне победить. Собственно, других вариантов у меня не было. В карманах плаща я нащупал ножи. Вампирша поджидала меня, растопырив когтистые пальцы. Черные глаза, черный чепец. Я взлетел по сходам, прыгнул на нее, но она легко отбросила меня, как лошадь отгоняет муху. Удар вышиб воздух у меня из легких, когда я грянулся на палубу. Я перекатился на спину. Все тело болело, но я выставил ножи перед собой, чтобы удержать старуху на расстоянии. И тут она ухватила ножи прямо за лезвия и выдернула их у меня из ладоней. Теперь мне осталось только защищаться голыми руками. Я вскочил на ноги и бросился на чудовище, бешено молотя кулаками. С тем же успехом я мог бы гоняться за ней с завязанными глазами. Она с легкостью уходила от ударов. Грудь пронзила боль, и я чуть не рухнул вниз, прямо на спящего мальчика.

У Эйба было сломано несколько ребер. Он пошатнулся, но вампирша ударила его в живот — еще раз и еще... Авраам закашлялся, и в лицо женщине полетели брызги его крови.

Тут она замерла, провела своим мерзким пальцем по щеке и облизала его. «Объединение!» — улыбнулась она. Я изо всех сил старался устоять на ногах, понимая, что если упаду, то больше мне не подняться. Мне вспомнился дедушка — как вампир проминал кулаками его череп, а он не смог нанести ни одного удара в ответ. Я не согласен на подобную участь. Я решил воспользоваться передышкой и нащупал в карманах плаща последнее оружие — небольшой ножик. Изо всех сил я метнул его в вампиршу. Лезвие погрузилось ей в живот. Это еще больше развеселило ее: она схватила меня за запястье и провела ножом по своему животу, не переставая смеяться. Палуба ушла у меня из-под ног; пальцы вампирши сомкнулись на моем горле. Еще через мгновение я тонул. Она удерживала мою голову под водой, а спину прижимала к борту плоскодонки. Я яростно лягся, но сумел только заглянуть старухе в лицо. Под толщей воды мне казалось, что морщины разгладились на ее лице. Мысли о борьбе покинули меня. Накатила непонятная радость. Скоро все закончится, и я отдохну. Черные глаза надо мной меняли форму, вода успокаивалась, и успокаивался я сам. Скоро я буду с ней. Стояла ночь.

А потом явился он.

Эйб уже почти потерял сознание, когда старуха вдруг пропала — кто-то втянул ее в лодку. Руки вампирши больше не держали Авраама, и он медленно погрузился на дно реки.

Из глубины меня подняли руки Господа. Он положил меня на палубу лодчонки рядом со спящим мальчиком в белой ночной сорочке. Снизу, то и дело погружаясь в сон и снова выскальзывая из него, я наблюдал, как разыгрывался остаток спектакля. Я слышал, как женщина вскрикнула: «Предатель!»

Разглядел силуэт мужчины, который с ней боролся. Потом голова вампирши упала на палубу рядом со мной. Тела не было. Больше я ничего не видел.

II

— Нередко, чтобы нас завлечь в беду, орудья мрака говорят нам правду, заманивают всяким честным вздором, чтоб в глубочайшем деле обмануть...¹²

Я пробудился в комнате без окон. У масляной лампы читал мужчина. Лет двадцати пяти, стройный, с темными волосами до плеч. Увидев, что я проснулся, он оставил чтение и заложил страницу толстой книги в кожаном переплете. Я задал всего один, самый важный вопрос. Тот, который беспокоил меня во сне.

— Мальчик... Он...

— В безопасности. Там, где его отыщут.

Акцент незнакомца не выдавал происхождения. Англичанин? Американец? Шотландец? Он сидел подле меня на стуле с высокой спинкой и замысловатой резьбой, положив одну ногу, обтянутую темными брюками, на другую. Рукава синей рубашки были закатаны до локтей, а на шее висел небольшой серебряный крестик. Мои глаза привыкли к полумраку, и я оглядел комнату, освещенную лишь масляной лампой. Стены, казалось, были сложены из нагроможденных друг на друга камней, а все щели замазаны глиной. Повсюду висели картины в золоченых рамах. Туземки с обнаженной грудью несли воду с ручья. Пейзажи купались в солнечном свете. Портрет юной дамы рядом с изображением женщины постарше — их черты были удивительно схожи. Я заметил, что мои вещи аккуратно сложены на сундук в дальнем углу комнаты. Плащ. Ножи. Топор — чудесным образом добытый со дна Огайо. Вокруг находилась самая изящная мебель, какую мне доводилось видеть. А книги! Книги в самых разных переплетах и всевозможной толщины были сложены в стопки.

— Меня зовут Генри Стерджес, — сказал он. — Вы у меня в гостях.

— Авраам... Линкольн...

— «Отец народов»... Рад знакомству.

Я попытался сесть, но чуть не потерял сознание от боли. Тогда я опустился на спину и осмотрел себя. Грудь и живот были покрыты влажными повязками.

— Простите мне посягательство на вашу скромность, но вы были серьезно ранены. Пусть вас не пугает запах. Бинты пропитаны смесью масел — весьма полезной для заживления ран, заверяю вас. Однако, боюсь, не слишком приятной для обоняния.

¹² У. Шекспир, «Макбет», акт I, сцена 3. Перевод М. Л. Лозинского.

- Как?..
- Два дня и две ночи. Признаться, первые полдня вы были на грани. Я не был уверен, что вы очнетесь. Ваше здоровье делает вам честь. То, что вы выжи...
- Нет... Как вы ее убили?
- Ах это. Очень просто. Она оказалась довольно слабой.

Странно говорить такое человеку, которого эта «слабость» сокрушила.

— К тому же была занята тем, что пыталась вас утопить. В связи с этим, полагаю, мне следует поблагодарить вас за то, что вы отвлек... Можно спросить?

Мое молчание послужило знаком согласия.

— Сколько вампиров вы убили?

Было странно слышать, как это слово произносит незнакомец. До того дня я не слышал, чтобы кто-либо, кроме моего отца, говорил о них как о реально существующих созданиях. Я подумал было приврать, но все же дал честный ответ.

- Одного, — признался Эйб.
- Да... Похоже на правду.
- А вы, сэр?.. Скольких убили вы?
- Одного.

Я ничего не понимал. Разве может искусный воин, с легкостью победивший вампиру, быть столь неопытен?

— Вы не охотник на вампиров?

Генри расхохотался.

— Нет уж, увольте. Хотя, признаться, это было бы своеобразным выбором профессии.

Я еще не пришел в себя и не сразу осознал смысл сказанного. Когда это все-таки произошло, истина пронзила меня. Я испытал ужас и ярость. Он убил вампиру. Но не для того, чтобы спасти меня от гибели, а чтобы самому заполучить добычу. Боль исчезла. В груди разгорался огонь. Я бросился на него со всей силой, со всей яростью, но не смог дотянуться до его горла. Мои запястья оказались привязаны к кровати. Я дико закричал. Словно обезумев, я рвался из пут, пока не побагровел от натуги. Генри невозмутимо наблюдал за мной.

— Да, — сказал он наконец. — Я предполагал подобную реакцию.

III

Следующие два дня я отказывался разговаривать. Отказывался есть, спать или смотреть в лицо хозяину дома. Как я мог что-то делать, зная, что в любой момент моя жизнь может оборваться? Я помнил, что вампир (Заклятый враг! Убийца моей матери!) не отходит от меня дальше чем на несколько шагов. Сколько крови он выпил из меня, пока я спал? Я слышал, как он поднимается и спускается по деревянной лестнице. Различал поскрипывание и стук двери, которую открывали и закрывали. Но из внешнего мира до меня не доносилось никаких звуков. Ни птичьего пения. Ни церковных колоколов. Я не знал, день на дворе или

ночь. Единственным способом мерить время для меня оставалось чирканье спичек. Огонь в печке. Кипящий чайник. Каждые несколько часов Генри заходил в комнату с миской горячего бульона, садился у моей постели и предлагал мне поесть. Я немедленно отказывался. Генри так же немедленно принимал мой отказ, брал томик «Избранных сочинений Уильяма Шекспира» и продолжал читать с того места, на котором остановился. Таковы были правила нашей игры. На протяжении двух дней я не желал ни есть, ни слушать. Два дня он готовил мне еду и читал. Дабы отвлечься от Шекспира, я пытался думать о повседневных вещах. Сочинял песни и рассказы. Только бы не баловать вампира своим вниманием. Но на третий день голод взял свое, и я согласился поесть, когда Генри предложил мне бульона. Я поклялся проглотить лишь первую ложку — ровно столько, чтобы заглушить боль в желудке, не больше.

Эйб съел три миски бульона за один присест. Когда он насытился, они с Генри «казалось, целый час» просидели в молчании. Наконец Эйб подал голос:

— Почему ты не убил меня?

Мне было тошно на него смотреть. Плевать на его доброту. Плевать, что он спас мне жизнь, лечил мои раны и кормил меня. Мне было плевать, что он за человек. Важно было, что он за существо.

— Скажи на милость, с чего мне тебя убивать?

— Ты вампир.

— И что, в этом весь я? Разве я не обладаю человеческим разумом? Разве у меня не те же потребности? Разве не надо мне питаться, одеваться и искать утешения? Не меряй нас одной мерой, Авраам.

— Ты говоришь так, будто тебе не надо убивать, чтобы «питаться»! Будто из-за твоих «потребностей» дети не лишаются матерей!

— Ясно, — кивнул Генри. — Значит, тебя лишил матери один из моих братьев.

Всякое подобие выдержки оставило меня. Меня взбесила легкость, с которой он об этом говорил. Его бессердечие. Я снова обезумел. Бросился на него, сбив миску из-под бульона на каменный пол. Она разбилась вдребезги. Если бы не пути на руках, я разорвал бы Генри на куски.

— Не смей о ней говорить! Никогда!

Генри подождал, пока мой порыв утихнет, опустился на колени и собрал осколки.

— Прости, — произнес он. — Я слишком давно был твоим ровесником и позабыл, как вспыльчивы юнцы. Отныне постараюсь тщательнее выбирать слова.

Подняв с пола последние черепки, он поднялся и пошел к двери, но на пороге остановился.

— Попробуй ответить себе на вопрос: неужели мы с тобой настолько непохожи? Разве не стали мы оба невольными заложниками моего положения? Разве не потеряли из-за него нечто важное? Ты — мать. А я — жизнь.

Генри ушел, оставив меня предаваться гневу. Я крикнул ему вслед: «Почему ты оставил меня в живых?» Он спокойно ответил из соседней комнаты: «Некоторые люди, Авраам, представляют слишком большой интерес, чтобы их убивать».

IV

С каждым днем Эйбу становилось лучше. Он охотно принимал пищу и все с большим интересом слушал, как Генри читает Шекспира.

Его вид по-прежнему внушал мне ярость и недоверие, однако постепенно злые чувства теряли силу, а мое тело, напротив, крепло. Генри ослабил путы, чтобы я мог питаться самостоятельно. Он оставлял у постели книги, чтобы в одиночестве я мог читать. Чем лучше я узнавал Генри, тем больше уверялся, что он не собирается меня убивать. Мы говорили о книгах. О великих городах мира. О Джеке Бартсе. Мы даже говорили о моей матери. Но в основном мы говорили о вампирах. Мне не хватало слов, чтобы задавать нужные вопросы. Я хотел знать абсолютно все. Четыре долгих года я блуждал в темноте, полагаясь на собственные умозаключения и надеясь, что providение сведет меня лицом к лицу с вампиром. Теперь у меня наконец появилась возможность все разузнать. Как им удастся питаться исключительно кровью? Есть ли у них душа? Откуда они вообще взялись?

К сожалению, Генри не мог дать ответов на эти вопросы. Как и большинство вампиров, он потратил немало времени, пытаясь проследить свою «родословную» и отыскать «самого первого вампира» в надежде, что ответ приоткроет некую тайну (или даже поможет отыскать лекарство). Как и все они, Генри потерпел неудачу. Даже самым изобретательным вампирам не удавалось забраться глубже двух-трех поколений.

— Причина, — объяснил Генри, — в том, что по натуре мы одиночки.

Действительно, вампиры редко склонны к общению, и почти никогда — к общению с себе подобными. Легкая добыча — большая редкость, что порождает жестокую конкуренцию, а бродячий образ жизни не способствует созданию долгосрочных связей. Иногда вампирам случается охотиться парами или в стае, но подобные альянсы, чаще всего временные, порождает отчаяние.

— Что до нашего предка, — продолжал Генри, — боюсь, эта тайна навеки покрыта тьмой. Кто-то верит, что нас породил злой дух или демон, путешествовавший от одной несчастной души к другой. Проклятие передавалось через кровь. Другие говорят, что наш прародитель — сам дьявол. А иные, и я в их числе, полагают, что никакого «проклятия» не было, просто вампир и человек — разные существа. Два отдельных биологических вида сосуществовали с тех пор, как Адама и Еву изгнали из рая. Одна раса одарена невероятными способностями и долголетием, другая, более хрупкая и наделенная быстротечной жизнью, гораздо более многочисленна. С уверенностью можно сказать только то, что точного ответа не отыскать.

Зато в вопросах вампирского существования Генри представлял собой кладезь знаний. Он умел объяснять особенности своего положения таким образом, что мне, в столь юном возрасте, все становилось понятно. У него был талант: благодаря ему человек мог познать бессмертие.

— Люди ограничены временем, — объяснял он. — Их жизни положен предел. Отсюда честолюбие. Приходится выбирать наиболее важное, из всех сил держаться за то, что дорого. В человеческой жизни есть времена года, обряды инициации, последствия. И в итоге конец. Но что такое жизнь без привкуса безотлагательности? Что случится с честолюбием? А с любовью?

Первые сотни лет небезынтересны, это верно. Мир неустанно потворствует нашим капризам. Мы совершенствуем умение добывать пищу, учимся расставлять сети и как

следует наслаждаться добычей. Путешествуем по всему миру, созерцаем при лунном свете чудеса цивилизации; приумножаем скромное состояние, забирая ценности у бесчисленных жертв. Мы исполняем любые мыслимые прихоти плоти. О да, это захватывает.

По прошествии победоносного столетия наши тела переполняются опытом — но разум все еще голодает. К этому моменту большинство из нас успевает выработать устойчивость к пагубному воздействию солнечного света. Мир живых попадает в пределы досягаемости — и мы свободны испытать все, что было скрыто тьмой на протяжении первого века. Мы идем в библиотеки, штудируем классиков; собственными глазами наблюдаем выдающиеся произведения искусства. Занимаемся музыкой, живописью, пишем стихи. Возвращаемся в излюбленные города, чтобы по-новому насладиться ими. Состояния разрастаются. Сила крепнет.

К третьему столетию очарование вечности блекнет. Исполнены все мыслимые желания. Упоение власти над чужой жизнью многократно испытано. Все сокровища мира к нашим услугам, но мы не находим в них утешения. Именно в это столетие, Авраам, большинство из нас кончает жизнь самоубийством: кто-то морит себя голодом, кто-то пронзает сердце колом, кто-то умудряется отрубить себе голову, а кто-то — в самых безнадежных случаях — сжигает себя заживо. Лишь сильнейшие, те, у кого негибкая воля и неизменная цель, живут четыре, пять веков или даже дольше.

Я не мог понять, с чего существу, которое свободно от неизбежной смерти, самому ее выбирать, — и сказал об этом Генри.

«Без смерти, — ответил он, — жизнь лишена смысла. Это история, которую никто не расскажет, песня, которую не споют, ибо как же ее закончить?»

* * *

Вскоре Эйб достаточно окреп, чтобы сидеть в постели, а Генри начал доверять ему настолько, что снял путы. Не получив ответов на общие вопросы про вампиров, Авраам обратился к бездонному колодцу частных тайн. Он спрашивал про солнечный свет:

— Новообращенный вампир, попав под самый слабый солнечный луч, обжигается до волдырей и заболевает. Что-то вроде теплового удара, как у обычного человека, перегревшегося на солнцепеке. Со временем у нас вырабатывается устойчивость, и мы свободно ходим днем — хотя, конечно, держимся подальше от яркого света. Однако наши глаза приспособиться не в состоянии.

Про чеснок:

— Боюсь, это только поможет почуять тебя на расстоянии.

Про ночевки в гробах:

— За других не скажу, но мне и в постели неплохо.

Когда Эйб дошел до вопроса о том, каким образом человек превращается в вампира, Генри замялся.

— Я расскажу, как это случилось со мной.

V

Тридцатого августа 1825 года, вскоре после возвращения в Литл-Пиджин-Крик, Эйб сделал следующую запись в дневнике:

Далее приведена история точно в том виде, как ее поведал Генри. Я ничего не приукрашивал, не скрывал и не проверял. Здесь я всего-навсего повторяю его рассказ, чтобы он сохранился в письменном виде.

«22 июля 1587 года, — начал Генри, — три корабля со ста семнадцатью английскими душами на борту пристали к берегам острова Роанок, в тех местах,

что теперь зовутся Северной Каролиной».

Среди толпы мужчин, женщин и детей был и двадцатитрехлетний подмастерье кузнеца по имени Генри О. Стерджес, среднего роста и телосложения, с длинными темными волосами. С ним приплыла его молодая жена, Эдева.

«Моя ровесница, почти одного со мной роста, с прекрасными льняными волосами и карими глазами необычного оттенка. Мир не знал более изящного и очаровательного создания».

Они только что перенесли мучительное плавание, отравленное не по сезону плохой погодой и исключительным невезением. Хотя в болезнях и смертях во время путешествия через Атлантику не было ничего удивительного (корабли в XVI веке обычно были покрыты плесенью, кишели крысами и являли собой рассадник болезней, передающихся воздушным путем или через пищу), две непредвиденные и никак не связанные между собой кончины произвели достаточно зловещее впечатление, чтобы пассажиры встревожились.

Оба несчастных погибли на «Лионе», самом большом корабле из трех, капитаном которого был Джон Уайт. Сорокасемилетнего художника выбрал лично сэр Уолтер Рэли, чтобы тот обеспечил постоянное присутствие англичан в Новом Свете. Уайт двумя годами ранее принимал участие в первой попытке колонизировать Роанок. Она провалилась, поскольку колонисты (все поголовно мужчины) остались без продовольствия и вернулись в Англию за компанией с сэром Фрэнсисом Дрейком (он по стечению обстоятельств как раз решил бросить якорь неподалеку и передохнуть от грабежа испанских кораблей).

«На этот раз, — продолжал Генри, — у Рэли родился более амбициозный план. Вместо неотесанных моряков он послал за океан молодые семьи, которые должны были пустить там корни. Родить детей. Возвести церкви и школы. Ему представилась возможность построить „новую Англию в Новом Свете“. Для нас с Эдовой это был шанс оставить дом, где мы не знали счастья. Всего собралось девяносто мужчин, девять детей и семнадцать женщин, включая и дочь самого Джона Уайта, Элеанор Дэр».

Элеанор была на восьмом месяце беременности. На борту «Лиона» вместе с ней находился ее муж Анания. Миссис Дэр была «необыкновенно красивая» женщина двадцати четырех лет, с роскошными рыжими волосами и веснушчатым личиком. Можно только представить, как она томила на сто двадцатитонном судне в июльскую жару, когда солнце превращало корабельные помещения в гигантскую духовку.

«Даже самые крепкие моряки порой зеленели и перегибались через перила, когда море волновалось, а солнце нещадно палило».

Первый человек умер в воскресенье, 24 мая — спустя две с небольшим недели после отплытия из Плимута. Матрос по имени Блум (или Блуум, Генри так и не узнал, как правильно пишется его фамилия) ночью дежурил на марсе и заметил на горизонте какие-то силуэты. Испанские карраки, грабившие английские суда, представляли вполне реальную угрозу. Вскоре после полуночи рулевой Симон Фердинандо, уже прославившийся в экспедициях в Мэн и Вирджинию, услышал «треск» на верхней палубе. Через несколько мгновений он понял, что у него под ногами лежит бездыханное тело мистера Блума со сломанной шеей.

«Мистер Фердинандо удивился, что столь опытный моряк, к тому же завязавший с выпивкой, мог свалиться при отсутствии всякого волнения на море. Но такова уж жизнь на кораблях. От несчастных случаев никуда не денешься. Помолвившись за душу злополучного мистера Блума, ни пассажиры, ни члены

экипажа о нем больше не упоминали».

Капитан Уайт сделал краткую сухую запись в судовом журнале: «Матрос свалился с марса. Умер. Выкинули за борт».

«Будь это единственным происшествием за все плавание, мы бы сочли себя счастливыми. Но мы снова подверглись испытанию во вторник, 30 июня, когда ночью пропала Элизабет Баррингтон».

Элизабет, комично низенькую шестнадцатилетнюю девушку с кудрявой шевелюрой, в буквальном смысле приволок на корабль ее собственный отец вместе с несколькими матросами. Девушка всю дорогу брыкалась, кричала и кусалась. «Лион» представлялся ей тюрьмой.

За несколько месяцев до отбытия она влюбилась в молодого служащего в отцовской юридической конторе. Влюбленные понимали, что родители никогда не благословят их союз, поэтому хранили связь в тайне. Секрет открылся и произвел небольшую сенсацию в Судебных иннах, а также серьезно подмочил репутацию отца девушки в адвокатских кругах. Мистер Баррингтон оказался в весьма неловком положении и с радостью ухватился за возможность начать новую жизнь по ту сторону Атлантики, а заодно забрать с собой нахальную дочку.

«В тот вторник погода окончательно испортилась, и корабли плыли сквозь завесу грозовых туч. К закату все, кроме нескольких матросов, ушли с палубы, чтобы укрыться от ливня и ветра. Корабль болтало так сильно, что капитан Уайт приказал задуть свечи, опасаясь, как бы волны не сбили их и не начался пожар. Я обнял Эдеву и устроился рядом с остальными в кромешной тьме под палубой. Я чувствовал головокружительную корабельную качку, слышал, как стонут деревянные балки и как тошнит других пассажиров. Элизабет Баррингтон точно была с нами, когда погасили свет. Я видел ее собственными глазами. Но наутро она пропала».

Гроза миновала, солнце снова пекло. Элизабет и раньше нечасто поднималась на палубу, поэтому ее хватились только поздним утром. Пассажиры звали девушку по имени, но она не откликнулась. Обыск корабля ничего не дал. Во время второго обыска опустошили мешки с мукой, просеяли порох в бочках, но снова никого не нашли. Элизабет исчезла. Капитан Уайт снова сделал сухую и бесстрастную запись в своем журнале: «Девушка свалилась за борт в бурю. Умерла».

«Никто не произносил этого вслух, но все понимали, что несчастная покончила с собой. Кинулась в море и утонула. Мы помолились за ее душу (хотя и знали, что она попадет в ад; самоубийство — непростительный грех в глазах Господа)».

За последние три недели плавания больше ничего не произошло. Им сопутствовала хорошая погода, но все же путешественники были несказанно рады увидеть землю. Колонисты принялись валить деревья, перестраивать заброшенные укрытия, засеивать поля и налаживать контакт с местными, особенно с кроатанами, которые в прошлом уже приветствовали англичан. Однако на этот раз миру быстро пришел конец. Ровно через неделю после того, как первые корабли Джона Уайта достигли острова Роанок, одного из поселенцев, Джорджа Хоува, обнаружили лежащим лицом вниз на мелководье дельты Альбермейла. Он рыбачил в одиночестве, и отряд «дикарей» застал его врасплох. Уайт восстановил картину нападения по уликам на месте трагедии. Вот запись из его журнала:

Трое дикарей затаились в высоком тростнике, где часто охотились на

спящих оленей, и следили за нашим соратником. Он бродил в воде один, почти голый, безоружный, с одной только острогой в руках. Хоув ловил крабов и на две мили удалился от остальных. Дикари стали стрелять, и шестнадцать стрел попали в цель. Затем они зарубили его деревянными мечами, разбили голову и скрылись по воде.

Уайт заключил, что в Хоува попало шестнадцать «стрел», потому что на трупе обнаружились небольшие колотые ранки.

«В действительности ни в теле мистера Хоува, ни рядом с ним не было найдено ни одной стрелы. Губернатор Уайт опустил в своих записях еще одну важную подробность: труп уже начал разлагаться, хотя мистер Хоув погиб всего за несколько часов до того, как его разыскали».

Восемнадцатого августа колонисты позабыли о кроатанах и праздновали рождение Вирджинии Дэр, внучки Джона Уайта. Она стала первым английским младенцем, родившимся в Новом Свете, и унаследовала от матери роскошные рыжие волосы. Роды принимал единственный врач в колонии, Томас Кроули.

«Кроули был крепким седеющим мужчиной шестидесяти пяти лет. Он отличался статью, добродушным рябым лицом и любовью к шуткам. За все это да еще за медицинское искусство его высоко ценили. Ничто не доставляло Кроули большее удовольствие, чем рассмешить больного и помочь ему позабыть о бедах».

Убедившись, что колонии положено крепкое начало (если не принимать во внимание недоразумение с кончиной мистера Хоува), Джон Уайт отплыл обратно в Англию, чтобы сообщить об успехах и пополнить запасы. В Новом Свете он оставил сто тринадцать мужчин, женщин и детей, в том числе и свою маленькую внучку Вирджинию. Он рассчитывал вернуться через несколько месяцев с продовольствием, строительными материалами и товарами для торговли с туземцами.

«Его расчет не оправдался».

Черeda препятствий, как нарочно, задержала Джона Уайта в Англии на целых три года.

Во-первых, команда отказалась совершать обратный путь в опасные зимние месяцы. Летнее плавание и так вышло достаточно трудным. Уайт не смог подобрать других моряков и, досадуя, остался пережить тревожную зиму. К весне Англия ввязалась в войну с Испанией, и королеве Елизавете понадобились все боеспособные корабли. Это касалось и тех, которые Уайт собирался повести к Новому Свету. Капитан с трудом отыскал небольшие старые суда, не востребованные Ее Величеством. Однако вскоре после начала плавания оба корабля ограбили испанские пираты. Оставшись без припасов для колонистов, Уайт развернулся и поплыл обратно в Англию. Война с Испанией бушевала еще два года, и растерянному Джону Уайту пришлось сидеть на родине. В 1590 году, отчаявшись собрать запасы, он наконец втиснулся пассажиром на торговое судно. 18 августа, в день рождения своей внучки Вирджинии, Уайт вновь ступил на Роанок.

Все исчезли.

Мужчины, женщины, дети. Его дочь. И маленькая внучка. Баррингтоны. Исчезли. Колония словно растворилась в воздухе. Дома пострадали от непогоды и заросли сорняками, но стояли как прежде. Инструменты и припасы были на своих местах. Не могли ведь они умереть с голоду среди плодородных полей и щедрой природы? Если случился мор, то где братские могилы? Если была война, где ее признаки? Уайт ничего не понимал.

Осталось только две подсказки: слово «кроатаны», вырезанное на столбе внешней ограды, и три буквы, «КРО», на коре дерева, росшего неподалеку. Неужели кроатаны напали

на колонию? Эта версия вызывала сомнения. Для начала, они сожгли бы поселение до основания. Остались бы тела. Доказательства. Хотя что-нибудь! Уайт предположил (или по крайней мере надеялся), что странные надписи означают другое: колонисты по какой-то причине перебрались на близлежащий остров Кроатан. Возможности проверить догадку ему не представилось. Погода ухудшалась, и команда торгового судна отказалась ждать. Уайт три года мечтал о возвращении, на твердой земле он провел всего несколько часов, и теперь перед ним встал выбор: отправиться обратно в Англию и попытаться собрать новую экспедицию или же остаться одному на чужом материке, без малейшего понятия, куда делись его соотечественники и живы ли они вообще. Уайт отплыл и больше не возвращался в Новый Свет. Остаток дней он горевал, его преследовало чувство вины и — самое главное — недоумение, куда же пропали сто тринадцать поселенцев.

«Полагаю, — сказал мне Генри, — хорошо, что правды он так и не узнал».

* * *

Вскоре после первого отъезда губернатора Уайта в Англию жителей Роанока поразил странный недуг. У жертв начинался сильный жар, за которым следовали галлюцинации, беспамятство, а затем — смерть.

«Доктор Кроули полагал, что это какая-то местная болезнь. В борьбе с ней он был бессилён. В течение трех месяцев после того, как нас покинул губернатор Уайт, десять колонистов пали жертвами мора. В течение последующих трех месяцев — еще дюжина. Их тела уносили подальше в лес и зарывали, чтобы зараза не проникла в поселение через почву. Каждый боялся, что в следующий раз унесут уже его труп. На восточном берегу установилось почти круглосуточное дежурство. Мы надеялись, что на горизонте появятся паруса. Но этого не происходило. Вполне возможно, что события продолжали бы развиваться подобным образом, если бы не чудовищное открытие».

Элеанор Дэр не могла уснуть. Ее муж боролся за жизнь всего в каких-нибудь пятидесяти футах отсюда. Женщина оделась, завернула спящую малышку Вирджинию в одеяло, вышла на холод и направилась к строению, которое занимал доктор Кроули, твердо решив провести остаток бессонной ночи в молитвах у постели мужа.

«Войдя, миссис Дэр узрела чудовищную сцену: Кроули впился в шею ее мужа. Врач отпрянул, она увидела клыки и закричала. В дом ворвались встревоженные мужчины с саблями и арбалетами. Они обнаружили убитую женщину, а малышку Вирджинию — в когтях у вампира. Кроули приказал им отступить. Поселенцы отказались. Они ничего не знали о вампирах и сразу же погибли».

Крики перебудили остальных поселенцев, включая Генри.

«Я оделся и велел Эдеве сделать то же самое, полагая, что на нас напали туземцы. Затем схватил пистолет и бросился в ночь, полный решимости защищать свой дом до конца. Но когда я прибежал к небольшой площадке в центре деревни, моим глазам предстало небывалое зрелище. Небывалое и ужасающее. Томас Кроули с почерневшими глазами и острыми белоснежными клыками — он разорвал Джека Баррингтона пополам и разбросал его внутренности во все стороны. Я увидел на земле своих растерзанных друзей. У некоторых были оторваны конечности. У кого-то — головы. Кроули заметил меня и двинулся в наступление. Я прицелился и выстрелил. Пуля пробила вампиру грудь, но он даже

не обратил внимания и продолжал наступать. Без всякого стыда признаюсь, что храбрость оставила меня. Я думал только о том, как бежать, только о жене и нерожденном ребенке в ее чреве».

Генри развернулся и сломя голову пролетел пятьдесят ярдов, которые отделяли его от дома. Эдева уже ждала мужа в дверях. Не останавливаясь, он схватил ее за руку и потащил к лесу. *На берег! Скорее, на бе...*

«Я слышал, что он гонится за нами. От его поступи содрогалась земля. И каждый шаг приближал вампира к нам. Мы ворвались под сень леса. Бежали, пока легкие не запылали огнем, а Эдева не выбилась из сил. Но позади все еще слышались шаги».

Нам не добраться до берега.

«Я ничего не помню. Очнувшись ничком, я сразу понял, что получил смертельные раны. Мое тело было изувечено. Руки и ноги остались на месте, но я не мог пошевелиться. Высохшая корка крови на глазах почти ослепила меня. По тяжелому дыханию Эдевы я понял, что она еще ближе к смерти, чем я. Она лежала на боку, желтое платье и золотистые волосы пропитались кровью. Опираясь на переломанные руки, я подполз к жене. Заглянул в ее распахнутые глаза и встретил отсутствующий взгляд. Я гладил ее волосы и смотрел ей в лицо. Просто слушал, как ее дыхание все замедляется, и шептал: „Не бойся, любовь моя!“ Потом она умерла».

К рассвету Кроули затащил в лес и растерзал почти всех поселенцев. У него не осталось выбора. Легко оправдать мор. Почти так же легко, как объяснить, почему матрос свалился с марса, девушка выбросилась за борт или на рыбака напали дикари. Но ночные крики, исчезновение четверых мужчин, женщины и ребенка? Тут уж ему не отвертеться. Его станут допрашивать. Все откроется. Нет, Кроули не мог этого допустить. Он перетаскивал все истерзанные тела — одно за другим. Из ста двенадцати колонистов лишь один избежал кары.

Кроули не решился убить Вирджинию Дэр. Ребенок, которого он принял собственными руками? Первый английский младенец в Новом Свете? Вампиры тоже не лишены сентиментальности. И потом, девочка ничего не вспомнит, а в грядущие одинокие годы компаньонка может оказаться как нельзя кстати.

«Он вернулся из леса с младенцем на руках. Признаться, Кроули удивился, что я все еще жив, хотя и на грани смерти, к тому же из последних сил вырезаю на дереве начало слова „КРО...“ в предсмертной попытке разоблачить убийцу моей жены и ребенка. Справившись с удивлением, Кроули рассмеялся: я невольно подал ему блестящую идею. Он опустил ребенка на землю, взял мой нож и вырезал на ближайшем столбе „кроатаны“, продолжая улыбаться при мысли о том, как Джон Уайт кроваво отомстит ничего не подозревающим туземцам».

Кроули собрался было прикончить Генри, но призадумался.

«Ему пришло в голову, что на ближайшие три тысячи миль вокруг он останется единственным человеком, который говорит по-английски. Безрадостная перспектива для весельчака. Кто станет смеяться над его шутками? Он склонился надо мной, ногтем вскрыл себе запястье, и его кровь залила мне лицо и рот».

Вампир похоронил оставшихся поселенцев и направился на юг, в испанские земли, одной рукой удерживая плачущего младенца, а другой — полумертвое тело молодого Генри. Боль и бред миновали, кости срослись сами собой, и вскоре спутник вампира очнулся, чтобы начать новую жизнь в Новом Свете. Но прежде Томас Кроули отпраздновал победу, отведав

первой английской крови, рожденной на этой земле.

Сначала он полакомился Вирджинией Дэр.

VI

Через двадцать один день после того, как Генри принес бесчувственного Эйба в свое жилище, гость наконец оправился достаточно, чтобы выйти из комнаты без окон и осмотреть весь дом.

Я с удивлением обнаружил, что окон нет нигде. Помещения были выкопаны в земле, а стены и полы тщательно выложены камнем и промазаны глиной. Кухня, где Генри готовил мне пищу на дровяной печи. Библиотека, из которой он приносил книги. Вторая спальня. Весь дом освещался масляными лампами и был украшен изящной мебелью и картинами в золоченых рамах, будто они служили хозяину окнами в окружающий мир.

— Этот дом, — объяснил Генри, — плод семилетнего труда. Я собирал его по камешку.

Четыре комнаты окружали небольшой лестничный пролет, единственное место, куда сверху пробивался мягкий солнечный свет. Здесь и находились деревянные ступеньки, скрип которых доносился до меня, когда Генри без конца ходил вверх и вниз. Мы поднялись к непрочной деревянной дверце. В щелях между досками поблескивало солнце. Я отворил ее, вышел и с удивлением обнаружил, что стою в небольшой бревенчатой хижине. Моим глазам предстала скромная обстановка: печь, коврик и кровать. Когда мы вышли из темноты, Генри надел очки с темными стеклами. Теперь я наконец смог оценить его хитроумный замысел: снаружи жилище выглядело простой хижинкой на лесистом склоне. «Начнем?» — предложил Генри.

Так было положено начало единственному настоящему образованию, которое получил Авраам Линкольн.

Каждое утро на протяжении последующих четырех недель Эйб и Генри поднимались по ступенькам в хижину. Каждый день Эйб узнавал от своего учителя, как искать вампиров и сражаться с ними.

Каждую ночь они претворяли теорию в практику: Генри заставлял Эйба охотиться на себя в темноте.

Чеснок и святая вода оказались не у дел, так же как и мои ножи. Мне остались колья, топор и разум. Большую часть времени Генри оттачивал мое мастерство во владении последним оружием: он учил меня, как скрыться от звериного чутья вампиров. Как обратить их стремительность себе на пользу. Как выманить добычу из засады и прикончить, не рискуя собственной шеей. Но из всех уроков Генри больше всего пользы принесли мне те часы, когда мы пытались друг друга убить. В первый раз меня поразила его быстрота и сила, я был убежден, что с вампиром мне никогда не сравниться. Однако со временем я стал замечать, что каждый раз победа отнимает у Генри все больше и больше времени. Порой мне удавалось нанести удар. Вскоре я уже частенько выигрывал три раза из десяти.

— У меня странное ощущение, — как-то ночью заметил Генри после того, как Эйбу удалось загнать его в угол. — Я как будто кролик, который взялся учить лису.

Эйб улыбнулся:

— А я — мышь, которая пошла в подмастерья к кошке.

* * *

Пришла осень, и Эйбу настала пора возвращаться домой. Они с Генри стояли возле хижины в лучах утреннего солнца: Генри в темных очках, Эйб — с котомкой, где лежали немногочисленные пожитки и еда в дорогу. Он должен был добраться до Литл-Пиджин-Крик еще несколько недель назад, к тому же ему наверняка светила порка от отца за то, что вернулся домой без обещанного заработка.

Генри, однако, был намерен разрешить эту проблему при помощи подарка — двадцати пяти долларов (то есть пятью долларами больше той суммы, что я пообещал отцу). Разумеется, из гордости я отказался принять столь щедрый дар. И разумеется, из гордости Генри настаивал. Я согласился и горячо поблагодарил его. Мне многое хотелось сказать: выразить признательность за доброту и гостеприимство. За то, что он спас мне жизнь. За то, что научил меня, как и в будущем ее не лишиться. Я думал извиниться за резкость, с которой вначале осудил моего учителя. Но в этом не возникло необходимости. Генри протянул мне руку: «Давай попросимся и больше ничего не станем говорить». Мы обменялись рукопожатием, и я отправился было в путь. Но тут мне вспомнилось еще кое-что. Этот вопрос мучил меня с нашей первой встречи. Я оглянулся: «Генри... Что ты делал той ночью у реки?» При моих словах он помрачнел. Таким я его ни разу не видел. «Нет доблести в том, чтобы красть спящих детей из постелей, — ответил он, — или пожирать невинных людей. Я дал тебе силу наказывать тех, кто так поступает. Со временем я дам тебе и их имена». Он отвернулся и пошел к хижине. «Не меряй нас одной мерой, Авраам. Вероятно, все мы раньше или позже отправимся в ад, но для иных это время уже прошло».

Глава 4

Ужасная правда

Скорее самодержец всея Руси отречется от короны и провозгласит своих подданных свободными республиканцами, чем американские хозяева добровольно откажутся от рабов.

Линкольн, из письма Джорджу Робертсону 15 августа 1855 г.

I

Моей сестренки больше нет...

В 1826 году Сара Линкольн вышла замуж за Аарона Григсби, соседа по Литл-Пиджин-Крик, на шесть лет ее старше. Супруги переехали в хижину неподалеку от родительских домов, а через девять месяцев объявили, что ожидают ребенка. Вскоре, 20 января 1828 года, у Сары начались роды и открылось сильное кровотечение. Аарон побоялся оставить жену и, вместо того чтобы бежать за помощью, попытался сам принять роды. К тому времени, как он понял опасность положения и кинулся за врачом, было уже слишком поздно.

Саре было двадцать лет. Ее вместе с мертворожденным малышом похоронили на кладбище при баптистской церкви в Литл-Пиджин-Крик. Узнав о несчастье, Эйб неудержимо разрыдался. Ему казалось, что он снова потерял мать. Когда молодой человек услышал о колебаниях свояка, к горю прибавилась ярость.

Никчемный сукин сын обрек ее на гибель. Я буду вечно его ненавидеть.

Вечность обернулась всего несколькими годами. Аарон Григсби скончался в 1831-м.

* * *

К тому времени, как Аврааму Линкольну исполнилось девятнадцать, он исписал чернилами буквально каждый дюйм своего дневника (к концу почерк становился все мельче). Семь лет удивительных повествований. Объяснение неприязни к отцу. Ненависть к вампирам. Описания первых сражений с живыми мертвецами.

Среди страниц притаилось шестнадцать писем. Самое первое пришло едва ли месяц спустя после того, как Эйб покинул обиталище Генри и вернулся в Литл-Пиджин-Крик.

Дорогой Авраам,

Надеюсь, ты в добром здравии. Ниже ты прочтешь имя того, чье время уже пришло. Ты найдешь его в городке Райзинг-Сан, в трех днях пути вверх по реке от Луисвилля. Не воспринимай это письмо как побуждение к действию. Выбор всегда за тобой. Я всего лишь желаю предоставить тебе возможность продолжить обучение, а также облегчить тебе груз пережитой несправедливости, поскольку ты и сам, вероятно, стремишься получить должную компенсацию.

В конце стояло имя «Сайлас Уильямс» и приписка «сапожник». Письмо было подписано одной-единственной буквой — «Г». Через неделю Эйб отправился на лошади в Райзинг-Сан, объяснив отцу, что едет в Луисвилль искать работу.

Я ожидал, что город захлестнула волна исчезновений или постигло иное несчастье, не менее пагубное. Однако жители были в прекрасном настроении, городок процветал. Я шел среди горожан, скрыв оружие под длинным плащом (мне показалось, что высокий незнакомец с топором может вызвать у местных некоторые подозрения). Я остановил прохожего и спросил, где найти сапожника, потому что мои башмаки изрядно износились. Меня направили в скромную мастерскую неподалеку. Последовав указаниям, я обнаружил за работой бородатого мужчину в очках. Стены мастерской были увешаны поношенной и изорванной обувью. Сапожник оказался тихим созданием лет тридцати пяти. Он был один.

«Сайлас Уильямс?» — окликнул его я.

«Да?»

Я отрубил ему голову топором и ушел.

Когда голова упала на пол, глаза сапожника были черны, как туфли, которые он полировал. Я понятия не имел, какие преступления он совершил, да и не было мне до этого никакого дела. Имело значение только то, что сегодня на земле осталось на одного вампира меньше, чем вчера. Признаюсь, мне странно думать, что этим я также обязан вампиру. Но не зря говорят: враг моего врага — мой друг.

За последующие три года в Литл-Пиджин-Крик пришло еще пятнадцать писем, в каждом из которых содержалось имя, название места и знакомая подпись «Г».

Порой в месяц приносили целых два письма. А иногда за целых три месяца — ни одного. Когда бы ни пришло известие, я отправлялся, как только дела позволяли мне отлучиться. Каждая охота преподавала мне новый урок. Иногда все проходило гладко, как с Сайласом Уильямсом. Но зачастую мне приходилось часами сидеть в засаде или изображать из себя приманку, чтобы открыть карты, когда вампир бросится в атаку. Иногда я успевал обернуться за день. Но порой доводилось ехать до самого Форт-Уэйна или Нэшвилля.

Вне зависимости от того, сколь долгая дорога предстояла Эйбу, он всегда брал с собой одно и то же:

Я упаковывал как можно больше еды, сковородку, чтобы жарить свинину, и котелок, чтобы кипятить воду. Все это заворачивал в длинный плащ. Я попросил портниху немного его подправить: отпороть внутренние карманы и пришить толстую кожаную подкладку. Узелок я привязывал к топоричу, а сам топор натачивал так, чтобы им можно было бриться. К моему арсеналу добавился арбалет — я соорудил его сам, опираясь на рисунки из одолженной книги «Вооружение гуситов». Когда у меня появлялось свободное время, я продолжал тренироваться, но не пытался пустить новое оружие в ход во время схватки, пока не был уверен в своем мастерстве.

Охота на вампиров помогала удовлетворить жажду мести, но денег не приносила. Эйб должен был обеспечивать семью. В соответствии с обычаями того времени все его заработки принадлежали отцу, пока молодому человеку не исполнялся двадцать один год. Естественно, Авраама это не радовало.

Невыносимо думать о том, что все заработанное мной должно достаться этому человеку! Мой труд возмещает недостаток его усердия! Я работаю, а он ленится. Эгоист и трус! Нас связывает не родство, а контракт!

Эйб вечно находился в поисках работы — он валил деревья, возил зерно, переправлял пассажиров на пароме через Огайо или поджидал пароходы на небольшой шлюпке, которую выстроил сам.¹³

В начале мая 1828 года, когда Эйб еще не успел оправиться от смерти сестры, ему наконец предложили работу, которая изменила всю его жизнь.

Джеймс Джентри владел одной из самых крупных и процветающих ферм неподалеку от Литл-Пиджин-Крик. Он знал Томаса Линкольна почти все десять лет, что семья жила здесь, — и разительно отличался от него. Неудивительно, что Эйб восхищался Джентри. А тому нравился высокий, работающий и скромный парень. Его собственный сын, Аллен, был на несколько лет старше Авраама, но не отличался таким усердием. Трудлюбивый фермер желал расширить свою торговлю (и увеличить прибыль), наладив продажу зерна и свиной грудинки вниз по Миссисипи, где сахара и хлопка было вдоволь, зато другие товары всегда пользовались спросом.

Мистер Джентри спросил, не хочу ли я помочь Аллену построить плоскодонную баржу и провести ее с товарами вниз по реке с остановками в штате Миссисипи и далее к югу, чтобы продавать зерно, свинину и прочий товар. За это он обещал платить мне восемь долларов в месяц и обратный билет на пароход от Нового Орлеана.

Скорее всего, Эйб согласился бы работать даже бесплатно. Ему представилась возможность сбежать из дома. Шанс пережить приключение.

Он пустил в дело топор (и, справедливости ради надо отметить, знания, полученные от отца) и выстроил крепкую сорокафутовую плоскодонку из дуба. Он обстругивал доски и прикреплял их к каркасу деревянными колышками. Посреди палубы он возвел жилое помещение с высоким потолком, где мог выпрямиться, не опасаясь удариться головой. Внутри находились две кровати, небольшая печка и фонарь. Имелись и четыре окошка, которые «в случае нападения» можно было закрыть. Эйб залил все швы варом и приладил

¹³ Эйба поражало, что многие пассажиры готовы были тратить по доллару с носа, чтобы их перевезли на расстояние порой не более тридцати футов. Как в прежние дни, когда они жили в Кентукки рядом со Старой камберлендской дорогой, он с удовольствием встречал путешественников и слушал их истории, которые впоследствии неоднократно пересказывал в течение жизни.

рулевое весло.

Рискуя показаться хвастуном, все же скажу, что баржа мне удалась, учитывая, что раньше я их никогда не строил. Даже груженная десятью тоннами товаров, она просела менее чем на два фута.

Двадцать третьего мая Аллен с Эйбом отправились на груженой плоскодонке. Им предстояло более тысячи миль пути. Эйб впервые забирался так далеко на юг.

Мы боролись с ветрами и течениями, неусыпно следили за рекой впереди. Нам часто приходилось очищать скромное судно от грязи или веток после того, как мы приставали к берегу. Мы набивали желудок зерном и грудинкой из нашего груза, а одежду, если грязнилась до неприличия, стирали в вездесущей Миссисипи. Наш путь продолжался несколько недель. Иногда за день нам удавалось преодолеть шестьдесят миль, а иногда тридцать или даже меньше.

Молодые люди восторженно кричали, когда мимо случалось проходить пароходу. Чудесные, сверкающие гиганты с шумом и плеском пробирались против течения. Восторг зарождался, едва впереди показывался далекий дым, и достигал апогея, когда баржа приближалась к пароходу и проплывала мимо: Эйб с Алленом выкрикивали приветствия, махали пассажирам, команде и стюардам.

Шум двигателей и бурлящей воды. Из одних труб вырывается черный дым, из других — белый пар. Этот корабль может доставить пассажира из Нового Орлеана в Луисвилль менее чем за двадцать пять дней. Есть ли границы человеческой изобретательности?

Успокоившись, молодые люди в молчании проплывали следующие несколько миль.

С тех пор мне нечасто доводилось наслаждаться таким покоем. Мне казалось, что на всем свете есть только мы одни. Вся природа была к нашим услугам. Я задался вопросом, почему создатель, сотворивший такую красоту, населил ее злом. И горем. Почему же Он не смог не запятнать ее? Я все еще не нашел ответа.

Когда солнце скрывалось за горизонтом, Аллен с Эйбом принимались искать подходящее место для ночевки, лучше всего, конечно, какой-нибудь город. Однажды вечером, пройдя мимо Батон-Руж, Линкольн с Джентри пристали к плантации Дюшесн и привязали баржу веревкой к дереву. Как у них было уже заведено, молодые люди приготовили ужин, проверили веревки и удалились в укрытие. Там они обычно читали или беседовали, пока глаза не начинали слипаться, а потом задували фонарь и в полной темноте погружались в сон.

Посреди ночи я внезапно проснулся и нашарил дубинку, которую держал рядом с кроватью. Вскочив на ноги, я разглядел в дверном проеме две человеческие фигуры. Без лишней скромности замечу, что непрошенные гости были удивлены моим ростом, а еще больше — свирепостью, с которой я набросился на них и принялся лупить по головам. Я выгнал их на палубу (при этом сам стукнувшись головой о балку), где смог разглядеть их при свете полной луны. Это оказались негры, общим числом семь человек. Остальные пятеро деловито отвязывали веревку, которая удерживала наше судно у берега.

«Пошли прочь, черти! — заорал я. — Пока я вам мозги не повышибал!»

Я хватил одного по ребрам, чтобы показать серьезность своих намерений, и замахнулся дубинкой, чтобы огреть второго. В этом не было необходимости.

Негры уже бежали. Я успел заметить на ногах у одного сломанные железные

колодки и сразу все понял. К нам залезли не просто воры. Это были рабы. Скорее всего, сбежали с этой самой плантации и хотели сбить собак со следа, уплыв на нашей лодке.

Джентри проснулся от шума и помог Эйбу загнать остальных рабов в лес. Удостоверившись, что в ближайшее время те не вернутся, молодые люди отвязали баржу и рискнули отправиться дальше по Миссисипи в темноте.

Мы отчалили от берега. Аллен пошел на нос с фонарем и, прищурившись, смотрел в ночь. Я правил веслом, встав на крышу нашего домика, и старался вести баржу ровно посередине реки. Не удержавшись, я бросил взгляд назад, на берег, и увидел белеющую фигуру: кто-то бежал от плантации к воде. А вот и первый надсмотрщик хватился рабов. Но маленький белый силуэт не остановился у воды. Он перепрыгнул на противоположный берег длинным, невозможным прыжком. Рабы бежали не от людей или собак.

Они спасались от вампира.

Какое-то мгновение я раздумывал, не стоит ли повернуть к болотистому берегу, достать сверток из-под кровати и броситься в погоню. Не скажу точно, что случилось: счел ли я попытку безнадежной или жертвы — не заслуживающими внимания. Скажу только, что мы не остановились. Аллен (которому и в голову не приходило, насколько близок он был к верной гибели) изрыгал цветистую брань, какой мне раньше не приходилось слышать. Большую часть слов я и вовсе не понимал. Он ругал себя за то, что не взял мушкет. Призывал проклятия на головы «кровожадных сукиных детей». Я молчал и сосредоточенно правил, стараясь плыть точно посередине. У меня не получалось возненавидеть напавших на нас рабов. Я осознавал, что они всего-навсего пытались спасти свою жизнь, а для этого им понадобилось отнять мою. Аллен не умолкал. Теперь он выкрикивал что-то про «черных негодяев» или вроде того.

«Не меряй всех одной мерой», — сказал я.

II

Аллен с Эйбом добрались до Нового Орлеана в полдень двадцатого июня. Они прошли через узкие излучины Миссисипи и достигли самого ее центра, где рассчитывали продать оставшийся товар (и баржу на строительные материалы) у многочисленных людных причалов. Город встретил их легким дождем, принесшим облегчение после душливой жары, которая преследовала молодых людей большую часть путешествия.

Сначала нашим глазам предстала северная часть города — обширная и оживленная. Фермы сменились домами. Дома — улицами. Улицы — двухэтажными кирпичными строениями с железными перилами на балконах. Как много кораблей! И пароходов! Сотни плоскодонок пытаются урвать кусочек великой реки.

Новый Орлеан, город с сорокатысячным населением, служил воротами в мир для американского Юга. У его причалов можно было повстречать моряков из любого уголка Европы и Южной Америки, а порой даже с Востока.

Мы жаждали поскорее избавиться от груза. Не могли дождаться, когда можно будет исследовать город безграничных чудес. Я пребывал в нетерпении, ведь мне в жизни не доводилось видеть сборища людей, у которых с языка слетали французские и испанские слова. Женщины разгуливали в модных нарядах, а джентльмены щеголяли костюмами отменного качества. Улицы заполнили лошади и повозки; торговцы предлагали любые товары, какие можно было себе

вообразить. Мы прогуливались по улице Шартр, любовались базиликой Св. Людовика на площади Джексон-сквер, названной в честь нашего президента, героически защищавшего город. Люди с помощью мулов копали траншеи для газовых труб. Кто-то из рабочих пел о том, что когда месяцы труда подойдут к концу, город «воссияет, как алмаз в ночи, не оставив места для факела или свечи».

Эйба поразил оживленный город и его обитатели, зачаровала окружающая древность.

Я воображал, будто перенесся в Европу, в те места, о которых так часто читал. Здесь впервые в жизни моим глазам предстали дома, увитые плющом. Ученые мужи. Архитектура и искусство. Просторные библиотеки, куда ходили усердные студенты и сведущие знатоки. Здесь было все, чего никогда не оценил бы мой отец.

Пансион Мари Лаво на улице Сен-Клод вряд ли можно было отнести к самым впечатляющим строениям в испанском стиле, но двум торговцам из Индианы, желавшим найти себе жилище на неделю, он пришелся как нельзя кстати.

Неподалеку от пансиона мисс Лаво находился салун, где каждый желающий мог пропустить стаканчик рома, вина или виски. Нам вскружили голову деньги, вырученные с продажи баржи, и волнение от того, что мы впервые попали в большой город. Честно признаюсь, мы чересчур легко поддались искушениям (чересчур — даже для неоперившихся юнцов). Салун наводнили моряки со всех концов света. Люди, добравшиеся сюда на плоскодонках по Миссисипи, Огайо и Сангамону. Каждые несколько минут вспыхивала перебранка. Странно, что ссоры не случались еще чаще.

Знакомство Эйба с Новым Орлеаном было отмечено не только пьянством со вздорными моряками. На следующее утро, когда они с Алленом прогуливались по улицам в поисках безопасного места для завтрака, сжимая гудящие виски и прикрыв глаза от солнца, Авраам заметил, что по Бьенвилль-авеню к ним приближается нечто невообразимое:

Я увидел сверкающую белую коляску, запряженную парой белых лошадей. Правил мальчик в белоснежном сюртуке. За ним сидели два джентльмена: один цветущий и розовощекий, одетый в непримечательный серо-зеленый костюм. Его спутник был разряжен в белые шелка, оттеняющие бледную кожу и длинные седые волосы. Глаза второго были скрыты за стеклами темных очков. Несомненно, передо мной был вампир, к тому же весьма обеспеченный. Элегантный и утонченный. Он явно не был обременен угрызениями совести и наслаждался светским общением. К тому же вампир смеялся. Эти двое, казалось, вели веселый разговор. Коляска все приближалась, а я думал только о том, как бы вогнать кол ему в сердце. Отрубить голову. Я представлял себе кровь на белом шелковом сюртуке! К сожалению, мне оставалось только наблюдать. Оружия у меня при себе не было, зато была невыносимая головная боль. Беловолосый вампир, проезжая мимо, понимающе взглянул мне в глаза. И тут на меня нахлынуло необычное чувство — словно пристальный посторонний взгляд рассматривает страницы моего дневника. Словно неведомо откуда доносится голос...

Не меряй нас одной мерой, Авраам.

Коляска свернула на Дофин-стрит и исчезла из виду. Но пристальный взгляд никуда не делся. Впрочем, теперь определить его обладателя не составило труда. На противоположной стороне улицы я заметил бледного низкорослого человечка. Он стоял, отступив в переулок, и неотрывно наблюдал за мной. Незнакомец был одет во все черное, темные волосы были спутаны, а лицо украшали усики и темные очки. Безусловно, передо мной был вампир. Мужчина понял, что я его заметил,

развернулся и скрылся в переулке. Этого я не мог так оставить! Черт с ней, с больной головой! Я бросил товарища и поспешил за незнакомцем вниз по переулку до Конти-стрит, через Бэйсин-стрит, где негодяй скрылся за стенами кладбища.¹⁴ Я отстал едва ли на десять шагов, но, дойдя до кладбищенских ворот, понял, что не вижу вампира. Он растворился в воздухе. Затерялся в могильном лабиринте. Вдруг он попросту нырнул в какой-нибудь склеп? Интересно, сколько вампиров...

«Позвольте узнать, что означает ваше преследование, сэр».

Я резко развернулся и вскинул кулаки. Хитрый мерзавец стоял у меня за спиной, прислонившись к кладбищенской стене, и смотрел прямо на меня, а в руке сжимал темные очки. Моим глазам предстали усталые глаза и высокий лоб.

«Преследование, сэр? — повторил я. — Что означает ваше бегство?»

«Видите ли, сэр, то, как вы заслоняли глаза от солнца... и взгляд старых знакомцев, которым вы обменялись с джентльменом в коляске... навели меня на мысль, что вы, должно быть, вампир».

Я не верил своим ушам.

«Вы решили, что я — вампир? — переспросил я. — Но я...»

Низкорослый человечек улыбнулся. Он посмотрел на темные очки у себя в руках, потом в лицо высокому незнакомцу. И рассмеялся.

«Полагаю, мы оба сделали поспешные выводы».

«Сэр, простите, но... Правильно ли я понял, что вы не вампир?»

«К сожалению, нет, — со смехом ответил он. — Иначе бы так не запыхался».

Я извинился и протянул руку: «Эйб Линкольн». Человечек без колебаний пожал ее: «Эдгар По».

III

Авраам Линкольн и Эдгар Аллан По родились с разницей в несколько недель. Оба в детстве потеряли матерей. В остальном трудно было найти двух менее схожих людей.

После смерти матери По принял в семью богатый торговец, Джон Аллан (который, среди прочих товаров, продавал и рабов). Мальчик, с корнем вырванный из родного Бостона, получил образование в лучших школах Англии. Ему довелось увидеть те самые чудеса Европы, о которых Эйб читал в книгах. Примерно в то время, когда Эйб принес свою клятву мести и вонзил кол в сердце Джека Бартса, Эдгар Аллан По вернулся в Америку, поселился с приемным отцом в Вирджинии и наслаждался всей роскошью, положенной отпрыску обеспеченной семьи. По получил все, о чем Эйб мог только мечтать: ему досталось лучшее образование. Лучшие дома. Бессчетное количество книг. Отец с сильным характером.

И все же они с Эйбом были одинаково несчастны. На первом курсе Университета Вирджинии По проматывал каждый цент, который присылал приемный отец, пока Джон Аллан наконец не отказал ему в довольстве. Юноша разозлился и бежал из Вирджинии в Бостон, где поступил в армию под именем Эдгара А. Перри. Днем он заряжал орудия, а по ночам при свете свечей сочинял страшные рассказы и стихи. Именно здесь, в родном городе, Эдгар Аллан По повстречал первого вампира на своем пути.

На свои собственные деньги По опубликовал сборник стихов, поставив краткую подпись — «Бостонец», из страха, как бы над ним не посмеялись сослуживцы. Из пятидесяти книг удалось распродать только двадцать. Несмотря на провал, один читатель счел стихи гениальными и подкупил печатника, чтобы тот выдал автора. «Вскоре после этого мне нанес визит некто Ги де Вир, богатый вдовец. Он объяснил, откуда ему стало известно мое имя и какое влияние на него оказали мои стихи. Затем он поинтересовался, что вампир делает в армии».

¹⁴ Эйб имеет в виду место, которое в наши дни называется кладбищем Св. Людовика № 1.

Ги де Вир был убежден, что только вампир мог сочинить столь прекрасные и мрачные строки о боли и смерти.

«Он с удивлением понял, что стихи написал живой человек. Я с не меньшим удивлением обнаружил, что говорю с человеком, которого уже нет в живых».

Величественный де Вир поразил По, а тот, в свою очередь, был очарован угрюмым и талантливым юношей. Завязалась необычная дружба, во многом схожая с той, что соединила Эйба и Генри. Однако По не интересовали способы охоты на вампиров, он жаждал узнать как можно больше о жизни во тьме и о преодолении порога смерти, чтобы научиться обо всем этом писать. Де Вир был только рад помочь (при одном условии: По не должен раскрывать его имя в книгах¹⁵).

Через несколько месяцев после знакомства с де Виром полк По командировали в форт Мултри в Южной Каролине. В отсутствие города, удовлетворявшего культурные аппетиты, и друга, который бы поверял ему секреты вампиров, армия стала казаться молодому человеку тюрьмой.

Он решил уйти в «неофициальный отпуск» и отправиться в Новый Орлеан, дабы «изучать вампиров», ведь де Вир много раз упоминал, что для этого «лучше места в Америке не найти». Судя по тому, сколько раз он наполнял и снова опустошал свой бокал с виски, приехал он еще и затем, чтобы напиться в стельку. В тот вечер мы сидели в салуне неподалеку от пансиона мисс Лаво. Аллен Джентри отлучился, чтобы «провести время в компании дам определенного сорта», и предоставил нам возможность вести беседу на темы, которые доставляли нам больше всего удовольствия, но которые мы не решались обсуждать в открытую. Мы засиделись допоздна, пересказывая друг другу все, что каким-либо образом касалось вампиров, все, что нам довелось прочесть, услышать или увидеть собственными глазами.

— Но как же они учатся добывать себе пищу? — спрашивал Эйб.

Бармен уже принялся подметать опустевшую таверну.

— Откуда знают, что надо скрываться от солнца?

— Как теленок учится стоять на ногах? А пчела — строить улей?

По снова осушил стакан.

— Такова их природа — прекрасная и простая. Мистер Линкольн, мне кажется безумием уничтожать созданий, настолько превосходящих нас.

— Мистер По, а мне кажется безумием говорить о них с почтением.

— Вы можете себе представить, можете вообразить, каково смотреть на нашу вселенную их глазами? Каково смеяться в лицо времени и смерти? Каково это, когда весь мир — ваш райский сад? Библиотека? Гарем?

— Да. Но я также могу вообразить потребность в дружбе и жажду покоя.

— А я могу представить отсутствие этих потребностей! Можно скопить целое состояние, побаловать себя любыми радостями жизни, увидеть все чудеса света!

— А когда очарование проходит, все желания исполнены, языки выучены — когда не осталось больше неизведанных городов, непрочитанных книг, нескопленных богатств — что тогда? Разумеется, можно обрести все блага мира, но как быть, если они не приносят больше блага?

Эйб рассказал Эдгару сказку, которую впервые услышал от путника на Старой камберлендской дороге:

¹⁵ Это условие По, кажется, успел позабыть к 1843 г., когда де Вир предстал героем стихотворения «Ленор».

Был однажды на свете человек, который возжелал жить вечно. С юных лет он молил Бога даровать ему бессмертие. Он был щедр и честен, верен жене и добр к детям, чтит Господа и проповедовал Его заповеди. И все же с каждым годом этот человек старился и в конце концов умер дряхлым стариком. Когда он попал в рай, то спросил: «Господи, почему ты не внял моим молитвам? Разве не жил я по слову Твоему? Разве не славил имя Твое?» Бог ответил: «Ты все это делал. Именно поэтому я не обрушил на тебя проклятие, о котором ты молил».

— Вы говорите о вечной жизни. О разуме и теле, — продолжал Эйб. — Но как же душа?

— На что душа бессмертному созданию?

Авраам улыбнулся. Перед ним сидел странный человек со странным взглядом на жизнь. Всего второй человек в его жизни, которому была известна правда о вампирах. Он слишком много пил и говорил неприятным высоким голосом. Ну как тут было к нему не привязаться?

— Начинаю подозревать, — заметил Эйб, — что вы желали бы стать одним из них.

По рассмеялся:

— Разве наше существование без того недостаточно долгое и печальное? Кто, Господи помилуй, желал бы его продлить?

IV

На следующий день, 24 июня, Эйб в одиночестве шел по улице Сен-Филип. Аллен Джентри еще не возвратился от источника греховных наслаждений минувшей ночи, а По на рассвете нетвердой походкой отправился к себе в пансион. Эйб проспал полдня, а потом решил подышать свежим воздухом. Он рассчитывал, что прогулка разгонит туман в голове и избавит его от горького привкуса во рту.

У реки я заметил какое-то столпотворение. Люди толкались вокруг платформы, разукрашенной красным, белым и синим. Над импровизированной сценой висел транспарант: «АУКЦИОН! СЕГОДНЯ! ПРОДАЖА РАБОВ! В ЧАС ДНЯ!» Перед платформой собралось более сотни людей. Неподалеку толпилось почти вдвое большее число негров. В воздух поднимался дым от курительных трубок. Будущие покупатели переговаривались, шум голосов перемежался редким смехом. Назначенный час близился, мужчины держали карандаши и бумагу наготове. Аукционист — крепкий, низенький и розовый, чистый боров — вышел на сцену и начал: «Достопочтенные джентльмены, с радостью представляю вам первый сегодняшний лот!» При этих словах первый негр, мужчина лет тридцати пяти, вышел на сцену, низко поклонился, улыбнулся и выпрямился во весь рост. На нем был плохо сидящий костюм (кажется, специально приобретенный ради этого случая). «Здоровяк по имени Кафф! В расцвете сил! Лучшего работника на поле вам не найти! К тому же подарит хозяевам целый выводок сыновей, с такими же крепкими спинами!» «Здоровяк», как мне показалось, страстно надеялся, что его сегодня купят. Он держал спину прямо, улыбался и кланялся, а аукционист все расписывал его достоинства. Я испытал жалость и отвращение. Вся жизнь этого мужчины, жизнь грядущих поколений его потомков — все зависело от этого момента. Все находилось в руках незнакомца. В руках человека, который заплатит самую высокую цену.

За два дня собирались продать двести рабов. Всю неделю перед аукционом людей держали в двух амбарах, куда будущие покупатели могли свободно прийти и осмотреть товар.

Осмотр включал в себя все мыслимые способы унижения. Мужчин, женщин и детей — всех от трех до семидесяти пяти лет — заставляли обнаженными стоять

перед незнакомцами. Рабам щупали мускулы и раскрывали рты, чтобы осмотреть зубы. Их заставляли ходить и нагибаться, чтобы убедиться в отсутствии хромоты. Негры должны были перечислять свои умения и помогать набить себе цену.

Это противоречило их интересам, ведь чем выше была цена,¹⁶ тем меньше вероятность, что рабу удастся скопить денег и купить свободу у доброго хозяина.

Чудовищное зрелище! Мужчины и женщины! Дети и младенцы — все выставлены на потеху угрюмой толпе так называемых «джентльменов»! Я увидел негритянскую девочку лет трех-четырёх. Она крепко держалась за мать и никак не могла взять в толк, зачем ее так вырядили, зачем накануне вечером отмыли дочиста, а теперь заставляют стоять на платформе, пока какие-то мужчины выкрикивают числа и размахивают клочками бумаги. Я снова задался вопросом, почему Создатель, сотворивший всю эту красоту, опорочил ее злом.

Если Линкольн и почувствовал некую иронию в том, что он затем и спустился вниз по реке, чтобы продать товар этим самым плантаторам, дневник об этом умалчивает.

«Джентльмены, прошу внимания! Представляю вам прекрасный образец семьи! Бычок по имени Израиль — с отличными зубами, к тому же необыкновенно крупного телосложения. Ни в одном округе вам не сыскать такого прекрасного работника для посадки риса! А вот его жена, Беатрис! Руки у нее не слабее, чем у мужчины, а пальцы — нежные и ловкие, в самую пору, чтобы чинить хозяйские платья! Их дети — мальчик десяти-одиннадцати лет, без сомнения, станет работником не хуже отца; и девочка — четыре года — личико как у ангелочка! Удачнее семьи вам не найти!»

Рабы следили за торгами с напряженным интересом. Взгляд их метался из стороны в сторону по мере того, как плантаторы выкрикивали все новые ставки. Если раба покупал добросердечный хозяин или тот, кто уже приобрел его близких родственников, негр спускался со сцены с неким подобием удовлетворения, даже радости, на лице. Однако если покупку совершал жестокий хозяин или же раб понимал, что никогда больше не увидит своих родных, на его лице отражалась неопишуемая мука.

Мое внимание привлек один покупатель — обладатель, по-видимому, бездонного кошелька, совершавший на первый взгляд совершенно безрассудные покупки. Он прибыл, когда аукцион уже начался, что было само по себе необычно, и выкупил дюжину рабов, не обращая ни малейшего внимания на их пол, состояние здоровья или умения. Я заметил, что торгуется он только за негров «по сниженным ценам». Однако мне показались подозрительными не только его приобретения. Станный покупатель был строен, одет в короткий сюртук. Ростом ниже меня (хотя и довольно высокий), с седеющей бородой, которая скрывала шрам во все лицо. Шрам тянулся от левого глаза, пересекал губы и подбородок. Мужчина заслонялся от солнца зонтиком и вдобавок надел темные очки. Если он и не вампир, то определенно подражает их манере одеваться. Что это значит? Зачем он купил двух пожилых женщин со сходными умениями? Или хромого мальчика? Зачем ему вообще столько рабов?

Я решил проследить за ним, чтобы найти ответ.

¹⁶ Цена здорового мужчины в расцвете сил доходила до тысячи ста долларов (немыслимая сумма для раба), тогда как пожилая женщина или человек с физическим недостатком могли уйти за сто долларов или даже дешевле.

Двенадцать рабов шли босиком на север по извилистой грязной дороге вдоль Миссисипи. Среди них были как мужчины, так и женщины в возрасте от четырнадцати до шестидесяти шести лет. Одни были знакомы всю жизнь. Другие встретились всего час или два назад. У каждого из двенадцати вокруг пояса была обвязана веревка, скрепляющая его с остальными. Впереди процессии двигался седобородый хозяин, а позади — белый надсмотрщик, державший наготове винтовку, чтобы пристрелить любого раба, который осмелится бежать (белые не утруждали себя пешей прогулкой и ехали верхом). Эйб, стараясь держаться поодаль, следовал за ними в тени прибрежных зарослей.

Я соблюдал расстояние в четверть мили: до меня доносились редкие окрики надсмотрщика, но вампир не смог бы расслышать мои осторожные шаги.

К тому моменту, как они достигли плантации в восьми милях от города и в миле от восточного берега реки, уже начинало темнеть.

Плантация ничем не отличалась от тех, что мне уже доводилось видеть по берегам Миссисипи. Кузница. Дубильная мастерская. Мельница. Склады, различные механизмы, станки, сараи, стойла и примерно двадцать пять барачков для рабов вокруг хозяйского дома. Моим глазам предстали однокомнатные хижинки, в которых могло ютиться до дюжины негров. Спали они на земляном полу или на тюфяках, набитых кукурузными листьями. Рабы зажигали смоляные факелы, чтобы женщины могли допоздна заниматься рукоделием. Днем на темных полях вокруг стоял шум и кипела работа. Сотни мужчин рыли длинные каналы. Женщины в палящий зной тащили плуги. Белые надсмотрщики разъезжали верхом и за малейшую провинность хлестали негров по голым спинам. В центре находился хозяйский дом. Рабам, работавшим там, «посчастливилось» не надрываться в полях, однако их существование нельзя было назвать легким — их точно так же порол за ничтожнейший проступок. В довершение всего рабыни любого возраста не могли защититься от немыслимых хозяйских причуд.

Эйб, держась в отдалении, наблюдал, как двенадцать рабов провели мимо *maison principale*¹⁷ и водворили в большой амбар, освещенный факелами и висячими масляными лампами. Авраам спрятался за сараем ярдах в двадцати и через открытые двери отчетливо видел все, что происходило внутри.

Здесь к ним присоединился рослый негр. Хозяин с надсмотрщиком удалились в дом. Щелкая плетью, негр приказал рабам выстроиться в шеренгу в центре амбара. Затем им велели сесть. Веревку так и не сняли. Вошла мулатка с большой корзиной. Рабы помрачнели: без сомнения, им доводилось слышать, что иные хозяева клеймят негров. К счастью, корзина оказалась набита едой, и рабам разрешили есть сколько душе угодно. Я видел, как их глаза загорелись при виде жареной свинины и кукурузных лепешек, коровьего молока и пригоршней леденцов. На лицах отразилось облегчение — до этой минуты рабы гадали, какие жестокости поджидают их. Теперь они не могли оторваться от еды.

Эйб решил, что поторопился с выводами. Пример Генри доказывал, что вампиры порой способны творить добро. И сдерживаться. Неужели этих рабов купили, чтобы отпустить на волю? Или, по меньшей мере, хозяин собирается хорошо обращаться с ними?

¹⁷ Хозяйский дом (фр.).

Пир продолжался, кажется, около получаса. Затем я увидел, как к амбару со стороны дома идут несколько белых мужчин. Всего я насчитал десять человек, включая хозяина, за которым я следил от Нового Орлеана. Все разного возраста и телосложения, однако все, по-видимому, люди весьма обеспеченные. Когда они приблизились, рослый негр снова щелкнул плетью, приказал рабам подняться на ноги и принялся отвязывать веревки у них с поясов. Мулатка забрала корзину и неторопливо направилась прочь.

Белые собрались у входа, один из них что-то передал хозяину (подозреваю, что деньги) и подошел к рабам. Я наблюдал, как он прохаживался перед ними, тщательно осматривая каждого. Наконец он остановился за спиной у самой толстой пожилой женщины и застыл в ожидании. Один за другим остальные восемь мужчин заплатили хозяину, осмотрели оставшихся рабов и встали у них за спиной. Девять гостей заняли свои места. Негры не осмеливались обернуться. Они устали себе под ноги. Девять рабов остались на месте, а оставшихся троих рослый негр вывел из амбара в темноту. Что стало с этими несчастными, мне неизвестно. Знаю только, что, когда их увели, меня охватило беспокойство: что-то вот-вот должно было случиться. Но что именно, я не понимал. Только чувствовал, что это будет ужасно.

Эйб оказался прав. Удостоверившись, что остальные рабы ушли достаточно далеко, седобородый хозяин свистнул. Тут же девять пар глаз наполнились чернотой, показалось девять пар клыков, и девять вампиров впились сзади в беспомощных жертв.

Первый вампир ухватил толстую женщину за голову и так крутанул, что ее подбородок уперся в позвоночник. Умиравшая смотрела в чудовищное лицо своего убийцы. Другая женщина вскрикнула и рванулась, ощутив, как острые клыки вонзаются ей в плечо. Но чем сильнее она билась, чем глубже делалась рана, тем свободнее лилась драгоценная кровь в рот вампиру. Я видел, как одного мальчика били по голове, пока его мозги не потекли из дыры в черепе. У другого мужчины голову оторвали целиком. Я ничем не мог им помочь. Вампиров было слишком много. К тому же у меня не было оружия. Хозяин рабов спокойно прикрыл двери амбара, чтобы заглушить предсмертные крики, и я бросился в ночь. Мое лицо сделалось мокрым от слез. Я был совершенно беспомощен, и это внушало мне отвращение. Меня мутило от увиденного. Но горше всего была открывшаяся мне истина. Прежде я в слепоте своей не замечал ее.

* * *

На следующий день Эйб купил на Дофин-стрит дневник в черном кожаном переплете. Первой записью — всего из двенадцати слов — стало признание важнейшей истины. Линкольн поверил бумаге одну из самых ценных своих мыслей:

25 июня 1828 г.

Покуда на нашей стране лежит клеймо рабства, проклятие вампиров не оставит ее.

Часть II

Охотник на вампиров

Глава 5

Нью-Салем

Молодой человек может добиться успеха в жизни только путем постоянного самосовершенствования, не допуская даже мысли о том, что кто-то желает ему помешать.

**Линкольн, из письма к Уильяму Херндону
10 июля 1848 г.**

I

Эйб дрожал.

Стояла морозная февральская ночь. Он битых два часа дождался, пока мужчина оденется. Авраам прохаживался взад и вперед... взад и вперед по утрамбованному снегу и раз за разом кидал взгляд через площадь на недостроенное здание суда. Он также посматривал на второй этаж салуна через дорогу: там, за занавеской, в окошке у шлюхи, все еще горел свет. Авраам вспоминал о тех неделях, когда он, сбросив рубашку, в невыносимую жару ходил по Миссисипи. «От такой жары можно было расплавиться». Он думал о тех утренних минутах, когда сидел в тени и колол дрова; о днях, когда купался в прохладной заводи. От всех этих воспоминаний его отделяли три года и двести миль. Сегодня вечером, в свой двадцать второй день рождения, Эйб замерзал на пустых улицах Калхуна,¹⁸ штат Иллинойс.

Томас Линкольн наконец решил покинуть Индиану. Он регулярно получал известия от Джона Хэнкса (двоюродного брата матери Эйба), в которых тот рассказывал о нетронутых богатствах Иллинойса. Джон писал об «обильных и плодородных прериях». О «свободной земле, которую не придется расчищать». О «дешевизне и отсутствии камней». Большого и не требовалось, чтобы Томас оставил Индиану и позабыл связанные с ней горькие воспоминания.

В марте 1830 года Линкольны сложили пожитки в три повозки (каждую предстояло тянуть упряжке быков) и навсегда покинули Литл-Пиджин-Крик. Целых пятнадцать дней продолжался их утомительный путь: они увязали на грязных дорогах, переходили вброд ледяные реки, пока «наконец не достигли округа Мейкон и не остановились к западу от Декейтера», в самом центре Иллинойса. Эйбу был двадцать один год. С тех пор как юноша стал свидетелем бойни рабов в Новом Орлеане, минуло два года. Все это время Авраам продолжал отдавать отцу деньги, заработанные тяжким трудом. Теперь он наконец имел право начать самостоятельную жизнь. Однако, несмотря на страстное желание так и поступить, Эйб задержался с семьей еще на год, помог отцу возвести дом, а родным — обустроиться на новом месте.

Но сегодня Аврааму исполнилось двадцать два. И, дай бог, он последний раз справлял день рождения под отцовским кровом.

[Мой сводный брат] Джон предложил поехать верхом в Калхун и отпраздновать там. Поначалу я и слышать не хотел об этой затее — я не привык поднимать вокруг своего дня рождения шум. Как обычно, брат продолжал упрасивать, пока я не уступил. Свои намерения он изложил по пути к городу. Насколько помню, план сводился к тому, чтобы «напиться в стельку и заплатить за общество приятной особы». Джон знал какой-то салун на Шестой улице. Не помню, как называлось заведение, не уверен, было ли у него вообще название. Помню только, что на втором этаже мужчина мог за скромную плату удовлетворить свои потребности. Несмотря на устремление [sic] Джона, могу сказать, что в этом отношении моя совесть чиста.

¹⁸ На следующий год город переименовали в Спрингфилд.

Пусть Линкольн и устоял перед искушением познакомиться поближе с надушенными дамами из салуна, виски он пил, не ограничивая себя. Они с Джоном подшучивали над отцом, сестрами и друг над другом. Праздник удался на славу: «благотворен для души, прекрасный способ провести день рождения». Настойчивые просьбы Джона снова себя оправдали. Ближе к концу вечера, пока сводный брат всю заигрывал с пышнотелой брюнеткой по имени Мисси («как Миссисипи, душечка, только вдвое глубже и чертовски горячая»), Эйб заметил, как в салун зашел человек среднего роста, одетый «слишком легко для столь холодной ночи».

Я не заметил на его лице красноты, окрасившей лица остальных посетителей, которые спешили к свету и теплу салуна. Его дыхание не образовывало пара в прохладном воздухе. Я рассматривал бледного мужчину лет тридцати или менее. Его кудрявые каштановые волосы уже тронула седина — будто солнце и ветер осветили доски. Он подошел прямо к бармену (было ясно, что они знакомы) и что-то ему прошептал, после чего низкорослый человек в фартуке поспешил вверх по лестнице. Передо мной стоял вампир. Точно! Черт бы побрал этот виски. Но как узнать наверняка?

Тут Эйба осенило.

Мой голос звучал еле слышно: «Видишь вон того типа у бара? — спросил я Джона, занятого дамским ушком. — На редкость отвратная физиономия, правда?» Джон понятия не имел, что у него за лицо, но от души расхохотался (в таком он пребывал состоянии). Едва я договорил, бледный джентльмен обернулся и посмотрел прямо на меня. Я улыбнулся ему в ответ и приветственно поднял бокал. Ни одно другое существо не сумело бы расслышать оскорбление в таком гвалте, да еще на таком расстоянии. Ошибки быть не могло! Но не бросаться же на него прямо сейчас. Не здесь. Тут слишком много свидетелей. Я ухмыльнулся, вообразив, как меня силой выволакивают из салуна и обвиняют в убийстве. Что я сказал бы в свое оправдание? Что моя жертва — скорее всего, вампир? К тому же плащ вместе с оружием остался на улице в седельной сумке. Нет, так не пойдет. Должен быть другой способ.

Бармен возвратился с тремя женщинами и выстроил их рядком перед вампиром.

Тот выбрал двух и последовал за ними вверх по лестнице. Бармен объявил о скором закрытии.

Разум Эйба был затуманен спиртным, но вскоре его озарила «благословенная дельная мысль». Авраам понимал, что брат не отпустит его в одиночку блуждать по улицам, поэтому сказал Джону, что передумал и «уговорился» провести ночь с дамой.

Джон с самого начала надеялся (и, кажется, весьма пылко), что так и случится, поэтому не мешкая уговорился и сам. Мы пожелали друг другу доброй ночи, а бармен тем временем задул лампы и запер бутылки. Я подождал, пока брат со своей спутницей скроется в комнате, и только затем сам поднялся наверх. Мне открылся узкий коридор, тускло освещенный масляной лампой и оклеенный красно-розовыми обоями с замысловатым узором. По обеим сторонам тянулись закрытые двери. В конце коридора я разглядел еще одну. Судя по форме здания, она вела на черную лестницу. Я медленно пошел вперед, прислушиваясь и пытаюсь угадать, в какой комнате скрывается мой вампир. Слева смеялись. Справа сквернословили. Доносились звуки, описать которые у меня не хватит слов. Некоторое время ничто не привлекало мое внимание, но в конце коридора, с правой стороны, я услышал-таки то, чего ждал: в комнате разговаривали две женщины. Я оставил Джона наслаждаться горячими объятиями незнакомки,

развернулся, вышел на холод и надел длинный плащ. Скорее всего, вампир закончит свое дело до рассвета и уйдет. Тут-то я и буду его поджидать.

Эйб расхаживал по улице уже больше часа. Он устал, замерз и извелся.

Должен признать, шестнадцать вампиров на счету прибавили мне самоуверенности. Я не собирался больше торчать на холоде и решил разом покончить с делом. Неслышно подкравшись к заснеженной лестнице у черного хода, я вынул «мученика».

«Мучеником» Авраам именовал новое, собственноручно созданное оружие. Как гласит более ранняя запись в дневнике:

Недавно мне довелось читать об успехах английского химика по фамилии Уокер: он разработал метод получения огня от одного только трения. Я раздобыл необходимые компоненты для того, чтобы воспроизвести английские «серные спички»,¹⁹ и обмакнул небольшие палочки в полученную смесь. Когда палочки высохли, я крепко связал двадцать штук вместе (вся связка получилась примерно вдвое толще обычной перьевой ручки) и покрыл клеем всю композицию, кроме самого кончика. Когда палочками чиркали по шероховатой поверхности, вспыхивало недолговечное, но сильное пламя — ярче солнца. Мои черноглазые противники оказывались временно ослепленными, а мне так было проще разрубить их на куски. Я применял спички дважды, оба раза с потрясающим успехом (хотя ожоги на моих пальцах свидетельствуют о предшествующих неудачах).

Я стоял в нерешительности, зажав в одной руке «мученика», а в другой — топор. Свет из-под двери падал на мои заснеженные ботинки. С той стороны не доносилось ни звука. Мне представились две девушки, убитые в кровати, — их кровь пятнала простыни и окрашивала белье в цвет обоев. Я постучал в дверь три раза обухом топора.

Ответа не было.

Я выждал некоторое время, а затем снова постучал. С той стороны по-прежнему не слышалось ни единого звука. Я раздумывал, стучать ли еще раз, но в этот момент раздался скрип постели, а затем послышались шаги. Я приготовился нанести удар. Дверь отворилась.

Это был он. Выющиеся волосы цвета старого дерева.

Одет в одну только длинную рубашку.

— Какого черта? — поинтересовался он.

Эйб чиркнул кончиком «мученика» по стене. Ничего не произошло.

Проклятые спички не зажигались, они слишком долго пролежали в сыром кармане плаща. Вампир вопросительно на меня посмотрел. Он не выпускал клыки, его глаза не заливала чернота. Завидев топор у меня в руках, он вытаращился и захлопнул дверь с такой силой, что весь дом заходил ходуном. Я пялился на дверь, как собака на книжку, а вампир в это время мог сбежать с противоположной стороны. Тут я наконец одумался, шагнул назад и изо всех сил ударил в дверь ногой. Она распахнулась с оглушительным треском, который я не верно [sic] истолковал как треск дерева. Я понял, что раздался выстрел, лишь когда увидел, как свинцовый шарик просвистел в дюйме от моей головы и вонзился в стену.

¹⁹ Спички Джона Уокера делались из смеси сурьмяного блеска, хлората калия, камеди и крахмала. Они отличались ненадежностью и отталкивающим запахом.

Признаюсь, это меня поразило, причем настолько, что когда мой противник бросил пистолет и головой вперед нырнул в окно (мне осталось только помахать вслед его зад), я первым делом ощупал собственную голову и убедился, что не истеку кровью, а уж потом бросился в погоню. Удостоверившись, что кровотечение мне не грозит, я кинулся в комнату, миновав двух не слишком одетых девушек в постели. Они встретили мое появление громким визгом. Я слышал, как по всему коридору любопытствующие клиенты выглядывают посмотреть, что за шум. Добежав до окна, я увидел, как моя жертва поднялась на ноги внизу на снежной улице и босиком умчалась в ночь. Он постоянно поскальзывался, безостановочно звал на помощь и, прежде чем исчезнуть из вида, пару раз успел приземлиться на голый зад.

Это был не вампир.

Всю дорогу домой я бранился вслух. Никогда в жизни мне не было так неловко, никогда еще я не совершал подобной ошибки на нетрезвую голову. Никогда не чувствовал себя таким идиотом. Если я и мог чем утешаться, то только одной-единственной мыслью: скоро я буду наконец свободен.

Зима 1831 года выдалась на редкость суровой, но в марте наступила оттепель, прилетели первые птицы, а из земли показались травинки. Для Эйба март положил конец двадцати двум годам жизни с Томасом Линкольном. В последнее время отношения между отцом и сыном стремительно охладели. Вряд ли на прощание они обменялись чем-то, кроме рукопожатия, да и то неизвестно. В день, когда Эйб навсегда покинул родительский дом, он написал лишь следующие строки:

Отправляюсь в Бердстаун через Спрингфилд. Мы с Джоном и Джоном собираемся проделать путь за три дня.

Линкольн поехал на запад со своим сводным братом Джоном и кузеном Джоном Хэнксом. Трех молодых людей нанял знакомый по имени Дентон Оффут, чтобы построить баржу и сплавиться с товаром по Сангамону до Нового Орлеана. Путешествие должно было продлиться около трех месяцев.

По крайней мере один современник вспоминал Оффута как «раздражительного, придиричвого и шумного сукина сына». Однако Дентона определенно впечатлили трудолюбие, ум и манеры Линкольна. Когда компания добралась до Бердстауна (через три дня, как и предполагалось), Эйб возглавил строительство плоскодонной баржи и погрузку товаров Оффута.

Вторая моя баржа была вдвое длиннее и намного лучше первой. К тому же мы выстроили ее гораздо быстрее — не только потому, что у меня теперь имелся опыт в этом деле, но и благодаря еще одной паре рук. Мы отплыли спустя три недели после прибытия — к удивлению и удовольствию мистера Оффута.

Река Сангамон петляла по центральному Иллинойсу на протяжении двухсот пятидесяти миль. Ей было далеко до «могучей Миссисипи», во многих местах она скорее напоминала ручей или протоку. Над водой нависали ветви, а течение постоянно несло плавник. Беспокойный поток стремился к более тихому Иллинойсу, а потом — в Миссисипи.

Четверо товарищей (Оффут решил и сам отправиться в путешествие) с трудом пробирались вниз по Сангамону. Каждый день приносил новые сложности: то они садились на мель, то натыкались на дерево, упавшее поперек реки. Говорят, что неподалеку от Нью-Салема, штат Иллинойс, баржа застряла на плотине и начала черпать воду. Местные жители столпились на берегу, пытались давать советы и смеялись, наблюдая, как молодые люди тщатся спасти свое судно. Линкольна снова осенило. Он пробурил дыру в передней части баржи, которая уже нависла над плотиной, и спустил набравшуюся воду. Корма приподнялась, и баржа спокойно двинулась дальше. Молодые люди заткнули дыру, а жители

Нью-Салема остались под сильным впечатлением, так же как и Дентон Оффут. Его, впрочем, поразила не столько изобретательность Эйба, сколько маленький, но процветающий Нью-Салем.

Несмотря на препятствия, Эйб всю дорогу наслаждаться покоем. Почти каждый вечер, когда баржа швартовалась на ночлег, он находил время делать зарисовки, записывать воспоминания и разрозненные мысли. В записи от 4 мая Линкольн снова говорит о связи между рабством и вампирами:

Я полагаю, что вскоре после того, как первые корабли достигли Нового Света, вампиры заключили молчаливое соглашение с рабовладельцами. Полагаю также, что наша нация особым образом притягивает вампиров, ведь здесь, в Америке, им представляется возможность свободно сосать человеческую кровь без страха быть наказанными. Им нет необходимости жить в темноте. Мне кажется, это в особенности верно для юга, где разодетые джентльмены-вампиры изыскивали способ «выращивать» себе добычу. Сильнейшие рабы растят табак и продукты для удачливых и свободных, а слабые становятся едой. Я уверен в этом, но доказать пока не могу.

Эйб написал Генри об увиденном (и спросил, что бы это могло означать) после первого путешествия в Новый Орлеан. Ответа он не получил. Вырвавшись наконец из Литл-Пиджин-Крик, он решил вернуться в странную хижину и разыскать своего неупокоенного друга.

Я нашел покинутое жилище. Мебель и кровать исчезли, дом опустел. Я открыл дверь в глубине комнаты, но вместо лестницы вниз обнаружил только гладкую, утрамбованную землю. Неужели убежище Генри засыпано? А может, мне все привиделось в бреду?

Эйб не стал задерживаться в Индиане. Он написал в дневнике несколько строк, вырвал страницу и повесил ее на гвоздь над очагом:

АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ К ЗАПАДУ ОТ ДЕКЕЙТЕРА, ШТАТ
ИЛЛИНОЙС ПЕРЕДАТЬ ЧЕРЕЗ МИСТЕРА ДЖОНА ХЭНКСА

* * *

Новый Орлеан не сохранил прежнего очарования. Эйб понял, что ему не терпится покончить с делами и сесть на пароход, идущий на север. Молодой человек задержался в городе на несколько дней, чтобы предоставить сводному брату с кузеном возможность как следует осмотреться, но сам почти никуда не выходил — ему не хотелось еще раз наткнуться на аукцион с рабами или ненароком повстречаться с вампиром. Впрочем, он зашел в салун неподалеку от пансиона Мари Лаво — не затем, чтобы выпить, но в призрачной надежде увидеть старого знакомого По. Этому не суждено было случиться.

Дентона Оффута настолько впечатлила работа Линкольна, что по возвращении в Иллинойс он предложил юноше новый контракт. В реке Сангамон Оффут видел двести пятьдесят миль сплошных возможностей. Фронтир процветал, на берегах разрастались города. Многие верили, что навигация вскоре наладится и пароходы повезут товары и пассажиров прямо у них под окнами. Так думал и сам Оффут. «Помяните мои слова, — говорил он, — Сангамон — вторая Миссисипи. Сегодня — поселение, завтра — город». Одно Оффут знал наверняка: если что и нужно растущему городу, так это хороший магазин да пара человек, чтобы в нем управляться. Поэтому Авраам Линкольн вернулся вместе с Дентоном Оффутом в Нью-Салем, тот самый город, где им довелось спасти свою баржу, и поселился там.

Нью-Салем располагался на отвесном западном берегу реки Сангамон. Город состоял

из плотно построенных хижин на две комнаты, мастерских, мельниц и школы, которая по воскресеньям превращалась в церковь. Жителей было человек сто.

Когда до открытия магазина мистера Оффута оставался месяц или чуть более, я обнаружил одну странность: у меня было слишком много времени и слишком мало дел. Я с радостью принял дружбу мистера Уильяма Ментора Грэма, молодого школьного учителя, разделявшего мою любовь к книгам. Новый знакомый рассказал мне о «Грамматике Киркема», которую я штудировал до тех пор, пока не затвердил наизусть все до единого правила и примеры.

История сохранила сведения о высоком интеллекте Эйба, но упустила из вида те дни, когда юноша выделялся скорее ростом, чем умом. Как и отец, он был прирожденным рассказчиком. Однако когда слова было необходимо записать, недостаток образования ему мешал. Ментор Грэм помог преодолеть эти трудности. Красноречие Линкольна в первую очередь — его заслуга.

В тесный магазинчик наконец доставили все припасы, и Эйб начал принимать заказы, вести учет и очаровывать покупателей своим природным умом и широким кругозором. На пару с Оффутом они продавали посуду и фонари, ткани и шкуры. Отвешивали сахар и муку, наполняли бутылки персиковым бренди, черной патокой и красным уксусом из бочонков, выстроенных на полках за конторкой. «Что угодно, кому угодно, когда угодно», — говаривали они. В дополнение к скудному заработку Эйб получал кое-какое довольствие из товаров и жил в комнатухе за торговым залом. Далеко за полночь он читал при свете свечей и вел дневник.

Затем, когда свеча догорала и все поселение погружалось в сон, Линкольн надевал свой плащ и уходил в ночь на поиски вампиров.

II

Без помощи Генри, ограниченный несколькими милями вокруг Нью-Салема (ведь магазинчик Оффута необходимо было открывать каждое утро в семь часов), за лето 1831 года Эйб не сумел отыскать ни одного вампира. По ночам он блуждал по окрестным лесам, бродил по берегам Сангамона, порой искал источник какого-нибудь подозрительного шума, но ничего интересного не находил. Вскоре он стал уделять больше времени отдыху, чем разведке, а затем и вовсе прекратил поиски.

Это вовсе не значит, что ему не с кем было подраться.

Примерно в получасе пешего пути от Нью-Салема располагалось поселение под названием Клэрис-Гроув, где проживали некие «ребята из Клэрис-Гроув» — столь неизобретательно именovala себя ватага молодых людей, по большей части приходившихся друг другу родственниками и известных склонностью к попойкам и безобразиям.

Каждый вечер они как минимум дважды затевали перебранку в таверне бедняги Джима Рутледжа. А порой кидали из лесу камни в прихожан, нарушая ход крещений у реки. С ними не рисковали связываться, иначе они могли высадить окно или даже запихнуть человека в бочку и бросить на милость Сангамона.

Но больше всего «ребята» любили «кулачную потеху». Они с гордостью называли себя «самыми сильными и буйными бойцами в округе». Когда прошел слух, что в магазине Нью-Салема работает «крепкий парень», они немедленно решили помериться с приезжим силами и, если потребуется, поставить его на место.

Эйб знал, что ребята из Клэрис-Гроув будут искать с ним драки — как и с любым физически развитым мужчиной, которому случалось сюда приехать. Именно поэтому он старался любой ценой избегать встречи с ними в надежде, что местные забияки привыкнут к его присутствию. Целых два месяца ему удавалось не ввязываться в ссору (местный рекорд).

К сожалению, у коротышки Дентона Оффута оказался длинный язык, и как-то, заприметив «ребят», владелец магазина прихвастнул, что его новый работник не только славится умом на весь округ Сангамон, но еще и «любому из них трепку задаст».

Они тайком явились в магазин и отозвали меня на улицу. Там собралось человек десять. Я осведомился, что за дело у них ко мне. Один вышел вперед и объявил, что они собираются выставить против меня своего «лучшего бойца», поскольку мистер Оффут говорил, что я «самый крепкий парень, какого ему доводилось видеть». Я объяснил, что мистер Оффут ошибается. Я вовсе не крепок и не привык вводить никого в заблуждение. Мой отказ пришелся им не по душе: они всей шайкой окружили меня и принялись угрожать. Сказали, что не пустят меня внутрь, пока я не соглашусь на их предложение. Если откажусь, они ославят меня трусом на весь Нью-Салем, а вдобавок перевернут магазин «вверх дном». Я согласился, но настоял на честной схватке. «И схватки-то никакой не будет», — ответил один и подозвал Джека.

Джек Армстронг был настоящий человек-скала — на четыре дюйма ниже Эйба, но фунтов на двадцать тяжелее. Ребята из Клэрис-Гроув беспрекословно признавали его главенство, и нетрудно было понять почему.

Он зло на меня поглядывал и вышагивал по кругу, напрягшись всем телом, будто натянутая тетива, готовая в любой момент сорваться. Джек через голову стащил с себя рубашку и скинул ее наземь, не прекращая двигаться вокруг меня. Я не собирался раздеваться, но решил закатать рукава. Едва я начал это проделывать, как уже, чуть дыша, лежал на спине.

«Ребята» восторженно загомонили, когда Джек вскочил на ноги, и презрительно загудели, когда Эйб с трудом последовал его примеру.

Очевидно, требование «честной схватки» не принималось в расчет. Джек снова бросился на меня, но на этот раз я не растерялся и встретил его вытянутые руки. Наши спины и плечи словно слились в единый монолит; каждый прилагал все усилия, чтобы сбить противника с ног. Ноги месили грязь. Подозреваю, Армстронг не ожидал такого отпора. Я-то уж точно удивился. Казалось, будто меня сграбастал в объятия медведь.

Все же, как бы ни был силен Джек Армстронг, он не мог сравниться с вампирами, которых не раз побеждал Эйб. Вдохнув полной грудью, Линкольн поднапрягся и одной рукой ухватил Джека за шею, а другой — за пояс.

Я оторвал его от земли, поднял над головой и держал так, а он все извивался, силясь высвободиться, и извергал проклятия. Зрелище получилось что надо: его товарищи вознегодовали, немедленно окружили меня и набросились всем скопом. Такой несправедливости я стерпеть не мог.

Эйб поднапрягся — так, что лицо налилось краской, — швырнул Джека Армстронга прямо в стену магазина и крикнул:

— Разойдись, мелюзга!

Я ухватил ближайшего противника за волосы и ударил его прямо в лицо, оглушив до беспамятства. Следующий получил удар кулаком в живот. Я собирался проучить их по одному, и так бы и сделал, но Джек поднялся на ноги и отозвал своих молодчиков.

Теперь уже Линкольн напрягся, как натянутая тетива: он неотрывно следил за двумя

«ребятами» из Клэрис-Гроув, которые оказались от него на расстоянии вытянутой руки.

Джек вытащил из бока пару заноз и встал подле меня. «Ребята! — провозгласил он. — Этот парень доказал, что он самый крепкий сукин сын, когда-либо ступавший на землю Нью-Салема. Любой, кто затеет с ним ссору, будет в ссоре с Джеком Армстронгом».

Вероятно, это была главная схватка в молодые годы Эйба. От края до края округа Сангамон разлетелась молва о парне, крепком телом и разумом. Таким соседом можно было гордиться. Если не считать нерадушного приема, ребята из Клэрис-Гроув сделались самыми рьяными сторонниками Линкольна и впоследствии оказывали ему неоценимую помощь в политических делах. Некоторые из них даже стали его друзьями, хотя, конечно, не настолько близкими, как Джек Армстронг.

Я сожалел, что потерял самообладание и унизил его перед родичами, так что вечером, после драки, позвал пропустить по стаканчику прямо в магазине.

Эйб с Джеком распили бутылочку персикового бренди в дальней комнате. Хотя время близилось к девяти, небо еще не совсем потемнело. Эйб присел на краешек постели, а единственный стул в комнате предоставил гостю.

Я с удивлением обнаружил, что тяжеловесный Армстронг на самом деле — спокойный и задумчивый малый. Хоть он и был на четыре года младше меня, в нем чувствовалась зрелость, какой порой не хватает даже мужчинам вдвое старше. Легкость, с которой Джек поддерживал беседу, также не вязалась с его обликом. Заметив томик «Грамматики Киркема», он заговорил о ценности умения читать и писать, а затем посетовал на свою ограниченность в этом отношении.

— По правде сказать, тут у нас важнее не давать никому спуска, — объяснил Джек. — Суровая земля требует сурового характера.

— Так ли уж необходимо делать выбор? — спросил Эйб. — У меня всегда находилось время на книги, хотя я тоже рос на суровой земле.

— Твоя родина не сравнится с Иллинойсом, — улыбнулся Джек.

Эйб пожелал уточнить, что тот имеет в виду.

— Тебе доводилось когда-нибудь видеть, как друга разрывают на части?

Эйб ответил отрицательно. Дальнейший рассказ его поразил. Джек немного помедлил, опустил глаза.

— Как-то ночью мы с приятелем возвращались домой, — заговорил он наконец. — Нам было по девять лет, и мы ходили кидаться камнями в баржи. На обратном пути мы петляли по тропинке, которую знали как свои пять пальцев. Только что он был рядом, мы болтали в темноте. В следующее мгновение на него набросился медведь и затащил вверх по дереву, до самой макушки. В темноте было ничего не разглядеть. Я только слышал, как он кричал. На голову и губы мне падали теплые капли. Я побежал за помощью, привел мужчин с ружьями. Но мы никого не нашли. Все утро мы собирали останки моего друга по земле. Его звали Джаред. Джаред Линдер.

Воцарилось молчание. Эйб понимал, что не должен нарушать его первым.

— Местные ребята знают, что в лесах что-то не так, — продолжал Джек. — Если парень не может мозгами пораскинуть, если он не может за себя постоять... Он пропадет по дороге. Люди говорят, мы держимся вместе, потому что родня. Потому что любим пошуметь. По правде, мы держимся вместе, потому что только так можно дожить до старости. Мы строим из себя крепких парней, потому что «слабый человек — мертвый человек».

— Ты уверен? — спросил Эйб. — Уверен, что его утащил медведь?

— Уж точно не лошадь на дерево забралась.
— Я имею в виду... Может, это было какое-то... Не совсем обычное существо?
— Ага! — Джек рассмеялся. — Думаешь, это было какое-то существо из сказки? Вроде как призрак?
— Да.
— Черт, эти истории по всей реке много лет пересказывают. Несусветные байки. О ведьмах, демонах и...
— О вампирах?
Джек тотчас же посерьезнел.
— Чепуху болтают. Это они с перепугу.
Быть может, свою роль сыграл персиковый бренди, а может, ощущение, что он нашел родственную душу. Возможно, он просто устал хранить свою тайну. Как бы там ни было, Эйб принял неожиданное и рискованное решение:
— Джек... Если я расскажу тебе кое-что невероятное, обещаешь внимательно меня выслушать?

III

Эйб вышагивал взад и вперед, взад и вперед по мягкой уличной грязи, то и дело кидая взгляд на только что отстроенное здание суда на противоположной стороне улицы и на второй этаж салуна — там, за занавешенным окошком у шлюхи все еще горел огонек. На сей раз, благо лето еще не кончилось, погода была намного приятнее. Как и компания.

Джека пришлось долго упрашивать, но в конце концов он согласился ехать в Спрингфилд. Поначалу он не верил ни единому слову, даже обозвал меня «проклятым лжецом» и пригрозил «отдубасить» за то, что держу его за дурака. Потом все-таки соизволил выслушать. Я поклялся, что либо сумею доказать правдивость каждого слова, либо соберу вещи и навсегда оставлю Нью-Салем. Я дал обещание, рассчитывая на успех, так как тем самым утром получил долгожданное письмо.

Письмо было адресовано в точности так, как Эйб указал на листке над очагом у Генри:

Аврааму Линкольну
К западу от Декейтера, штат Иллинойс
Передать через мистера Джона Хэнкса

Двумя неделями ранее оно дошло до родственников Линкольна, и они переправили послание в Нью-Салем.

Эйб узнал знакомый почерк, вскрыл весточку и с десятков раз перечитывал ее на протяжении всего дня:

*Авраам,
прости, что не писал столько месяцев. К сожалению, необходимость время от времени исчезать является неотъемлемой частью моего существования. Как только подыщу постоянное жилище, смогу писать чаще. Пока же смею выразить надежду, что ты благополучно устроился и пребываешь в добром здравии и настроении. Если тебе угодно, можешь в свободное время навестить того, чье имя я укажу ниже. Полагаю, от мест, где ты теперь поселился, до него легко добраться верхом. Должен, впрочем, тебя предостеречь: он умнее тех, с кем тебе приходилось иметь дело раньше. Ты даже можешь ошибочно принять его за себе подобного.*

*Тимоти Дуглас,
таверна у площади,*

Калхун

Всегда твой, Г.

Эйб отлично знал эту таверну. В конце концов, именно там он пережил величайшее поражение как охотник. *Неужели я оказался прав? Неужели тот полуголый распутник, который с воплями скрылся в ночи, все-таки вампир?*

Мы вошли. Одежда наша была неприметной (мой длинный плащ остался в седельной сумке). Я рассмотрел лица посетителей за столами, почти ожидая увидеть кудрявого джентльмена в длинной снежно-белой сорочке. Обратится ли он в бегство, увидев меня? Или вампирская сущность заставит его броситься в атаку? Но его не было. Мы с Джеком прошли к стойке, за которой бармен протирал стакан для виски.

— Простите, сэр. Мы с другом ищем мистера Дугласа.

— Тима Дугласа? — Бармен не поднял глаз.

— Его самого.

— А что у вас за дело к мистеру Дугласу?

— Дело неотложного и личного свойства. Вам известно, где он?

Кажется, эти слова развеселили бармена.

— Что ж, сэр, далеко вам ходить не придется. — Он поставил стакан и протянул руку. — Я Тим Дуглас. А вы, сэр?

Джек рассмеялся. Произошла какая-то ошибка. Этот человек, который ночь напролет протирает грязные стаканы и сводит шлюх с выпивохами, — это и есть вампир, о котором писал Генри? Разумеется, мне оставалось только пожать ему руку — так я и поступил. Ладонь оказалась такой же розовой и теплой, как моя собственная.

— Меня зовут Хэнкс, — ответил молодой человек. — Эйб Хэнкс. Прошу прощения, я перепутал имя. Мы разыскиваем Томаса Дугласа. Не знаете, где мы могли бы его найти?

— Нет, сэр. Увы, мне неизвестен человек с таким именем.

— Ну что ж, извините за беспокойство. Спокойной ночи.

Эйб торопливо вышел из таверны, за ним последовал смеющийся Джек.

Я решил подождать. Мы проделали долгий путь, да и Генри в прошлом ни разу меня не подводил. По крайней мере,ждемся, пока бармен закроет заведение, и проследим за ним до дома в темноте...

Через несколько часов, проведенных на площади возле суда, Эйб (теперь облаченный в длинный плащ) и Джек (который не переставал поддевать друга с той минуты, как они вышли из таверны) наконец увидели, что огни погасли. Бармен вышел на улицу.

Он спустился по Шестой улице к Адамс-стрит. Мы незаметно следовали за ним — Джек отставал шага на три, а я сжимал в руках топор. Стоило бармену чуть повернуть голову, и я тут же нырял в тень — мне казалось, что он сейчас же обнаружит нас (Джек, наблюдая мои прыжки, едва удерживался от смеха). Низкорослый человечек засунул руки в карманы и держался середины улицы. Он насвистывал. Шел, как обычный человек, а я с каждым шагом все больше чувствовал себя болваном. Дуглас свернул на Седьмую улицу — и мы за ним следом. Потом на Монро — и мы следом. Но когда он повернул на Девятую, мы на мгновение потеряли его из вида, а затем он словно пропал. Вокруг не было переулков, в которых можно спрятаться. Ни одного дома, до которого он мог бы добраться за столь короткое время. В чем же дело?

— Значит, вот ты какой.

Голос доносился откуда-то сзади. Я мгновенно повернулся, готовый нанести удар, но не сумел. Могучий Джек Армстронг стоял на носочках. Его спина выгнулась, а глаза расширились. Маленький вампир прижимал острые клыки к его горлу. Если бы Джек видел почерневшие глаза и жуткий оскал, он бы испугался еще сильнее. Бармен велел мне положить топор на землю, если я не желаю, чтобы пролилась кровь моего друга. Я признал разумность его требования и выпустил оружие из рук.

— Ты тот, о ком говорил Генри. Парень, который умеет убивать мертвых.

Эйба удивило, что Дуглас упомянул Генри, но он ничем себя не выдал. Вампир все плотнее прижимал клыки к шее Джека, и бедный юноша тяжело дышал.

— Любопытно, — продолжал Дуглас, — ты никогда не задумывался, почему? Почему вампир так заинтересован в том, чтобы избавить землю от себе подобных? Почему посылает человека убивать? А может, ты просто слепо следовал приказу — как верный слуга, который не задает господину вопросов?

— Я служу только себе самому, — отрезал Эйб.

Бармен рассмеялся:

— Как прямолинейно. Истый американец.

— Эйб... Помоги... — прошептал Джек.

— Все мы слуги, — продолжал Дуглас. — Впрочем, из нас двоих лишь мне даровано счастье знать, какому господину я служу.

Армстронг запаниковал:

— Пожалуйста! Отпустите! — Он попытался вырваться, но клыки вонзились глубже.

По адамову яблоку побежала струйка крови, а вампир успокаивающе протянул:

— Тссс...

Эйб воспользовался паузой, чтобы незаметно сунуть руку в карман плаща.

Надо бить, пока он не раскрыл мой план.

— Твой обожаемый Генри заслуживает топора не меньше всех нас, — говорил бармен. — Просто ему посчастливилось отыскать тебя пер...

Я выхватил из кармана «мученика» и быстро чиркнул им о пряжку.

Вспыхнул огонь.

«Мученик» горел ярче солнца — улица озарилась белым светом и искрами. Вампир отступил и прикрыл глаза. Джек вырвался на свободу. Я присел на корточки, схватил топор и метнул его, не поднимаясь. Лезвие вошло вампиру в грудь. Раздался треск костей и свист выходящего воздуха. Дуглас упал, неуклюже вцепившись в рукоять одной рукой и тщетно пытаясь нащупать опору другой. Я бросил «мученика» догорать на землю и выдернул топор из груди вампира. На его лице застыл знакомый мне страх. Страх ада или забвения, которые его поджидали. Я не тратил времени на злорадство. Просто вскинул топор и отрубил ему голову.

Джек был потрясен, его аж вырвало прямо на собственные ботинки. Он осознал, что только что находился на волосок от гибели. Вспомнил взгляд черных глаз и клыки, которые, вырвавшись, успел рассмотреть. По дороге домой Армстронг не проронил ни слова. Эйб тоже. Друзья достигли Нью-Салема после рассвета и уже собирались молча разъехаться, когда Джек (которому надо было скакать дальше, в Клэрис-Гроув) натянул поводья и повернул к магазину.

— Эйб! — окликнул он друга. — Я хочу научиться убивать вампиров.

Глава 6 Энн

Я понимаю, сколь слабы и бесплодны любые слова, которыми я

мог бы попытаться облегчить Ваше горе от столь ошеломительной потери... Я молюсь, чтобы Отец наш небесный избавил Вас от мук утраты и оставил лишь утешительную память об ушедших близких.

Линкольн, из письма к миссис Лидии Биксби (матери двоих сыновей, убитых во время гражданской войны)

21 ноября 1864 г.

I

Нью-Салем разрастался не так быстро, как надеялся Дентон Оффут (за несколько месяцев после открытия магазина жителей скорее даже поубавилось). Сангамону было далеко до «новой Миссисипи». Навигация представлялась сомнительным предприятием. Все суда, кроме нескольких пароходов, по-прежнему бороздили воды дальше к югу с драгоценными товарами и покупателями на борту. Успеху не способствовало также то, что в Нью-Салеме, ближе к центру поселения, имелся еще один магазин — туда и сворачивали местные жители, не дойдя даже до дверей Оффута. К тому дню, когда на ленивых водах Сангамона весной 1832 года вскрылся лед, дело Дентона прогорело, и Эйб остался без работы. В записи от 27 марта чувствуется гнев:

Сегодня утром попрощался [с Оффутом]. Последние товары распродали или обменяли. Вещи перевез пока к Херндону, а там, глядишь, и обоснуюсь где-нибудь. Мне безразличен его отъезд. Я не горюю и ни в коей мере не испытываю желания последовать его бессмысленному примеру. Я никогда не сидел сложа руки и теперь не собираюсь. Решено: я остаюсь. Дни моего процветания еще впереди.

Как всегда, Эйб остался верен своему слову. Он брался за любую оплачиваемую работу: колол дрова, расчищал землю, строил сараи. Дружба с ребятами из Клэрис-Гроув также принесла свои плоды: парни заставляли местных жителей нанимать именно его. Он даже исхитрился устроиться на один из редких пароходов, все же ходивших вверх по Сангамону: Эйб должен был стоять на носу и обрубать ветви, которые могли помешать судну в нелегком продвижении на север. Тем не менее охоту юноша не оставил.

Я много думал о словах трактирщика. Неужели меня никогда не удивляло, что Генри так стремится истребить вампиров? Разве не странно, что он послал меня вместо того, чтобы все сделать самому? Признаюсь, я немало часов посвятил обдумыванию этих вопросов. Может, в них крылся некий потаенный смысл? Почему я, заклятый враг вампиров, выполняю поручения их собрата? На этот парадоксальный факт не закроешь глаза. Что, если вампир использует меня в собственных, неведомых мне, целях? Такое вовсе не исключено. И все же, после длительных размышлений, я пришел к выводу: это не важно.

Пусть для Генри я просто слуга — да будет так. Пока на свете остается все меньше и меньше вампиров, я с радостью буду ему служить.

Письма от Генри приходили все чаще, и Эйб сразу пускался в путь. Но не один.

Я обрел в Джеке умелого и охотного товарища, и посторался [sic] разделить с ним все знания касательно уничтожения вампиров (впрочем, учить его ловкости или храбрости мне не было нужды — он в избытке одарен обоими качествами). Я благодарен ему за помощь: письма от Генри приходят настолько часто, что мне приходится метаться из одного конца штата в другой.

Как-то ночью Эйб бежал по улицам Декейтера, сжимая в руках окровавленный топор. Рядом мчался Джек, вооруженный арбалетом. В десяти шагах от них петлял лысый мужчина — он двигался к Сангамону, — с одной стороны его рубашка напиталась кровью, а правая

рука бессильно свисала, с телом ее связывали обрывки кожи и сухожилий.

Мы миновали двух джентльменов. Они проследили за нашей маленькой процессией и крикнули нам вслед: «Эй, вы! Стойте!» Ну и впечатление мы, должно быть, производили! Я не мог удержаться от смеха.

Эйб с Джеком преследовали однорукого человека до самой реки.

Он нырнул и скрылся под черной водой. Джек собирался последовать за ним, но я ухватил друга за воротник и, призвав на помощь остатки сил, крикнул: «Нет!» Джек стоял на берегу, тяжело дышал и наводил арбалет на пузыри, которые вздувались над поверхностью.

— Я же сказал: жди моего сигнала! — орал Эйб.

— Мы бы так всю ночь, черт возьми, простояли!

— А теперь он ушел!

— Закрой рот и смотри в оба! Рано или поздно ему придется всплыть, чтобы сделать вдох...

Эйб смотрел на Джека, и злость на его лице сменялась загадочной улыбкой. Затем он расхохотался:

— Уж конечно! На днях непременно всплывет.

Линкольн положил руку другу на плечо и повел его прочь от реки. Смех эхом отдавался на сонных улицах.

Чего [Джеку] не хватает, так это выдержки. Ему не терпится выскочить из засады — и, боюсь, еще и поделиться с друзьями из Клэрис-Гроув всем, что он узнал. Я без устали напоминаю ему о необходимости держать рот на замке, описываю безумие, которое охватит округ Сангамон, если хоть кто-то проведает о наших вылазках.

В округе Эйб прожил всего год, но уже сделался местной знаменитостью. По словам его друга, школьного учителя Ментора Грэма, это был «молодой человек, равно виртуозно владеющий топором и словом». Линкольн достаточно общался с покупателями, чтобы понять, что занимает их мысли.

Главную заботу составляла сама река. В каком она состоянии! Кое-где русло больше напоминает ручей. Течению мешает плавун. Если мы желаем наслаждаться благами Миссисипи, необходимо внести значительные изменения, чтобы обеспечить пароходам свободный путь. Улучшения потребуют огромных вложений. Мне известен лишь один способ (за исключением воровства) раздобыть такую сумму.

Авраам Линкольн решил баллотироваться в законодательное собрание штата Иллинойс. Описывая свою кандидатуру в газете округа, он затронул популистские (хоть и отчасти пораженческие) струнки:

Я молод и большинству из вас неизвестен. Жизнь моя началась и прошла в тени. У меня нет богатых или известных родственников и друзей, которые могли бы меня рекомендовать. Я веряю свою судьбу независимым избирателям округа. Отдав предпочтение моей кандидатуре, они проявят великодушие, за которое я буду неустанно стараться отплатить. Если же добрые люди в мудрости своей решат оставить меня в стороне — что ж, мне слишком хорошо знакомо разочарование, я не стану досадовать.

* * *

Вскоре после этого объявления до Нью-Салема дошли слухи о «войне с индейцами».

Военачальник племени сок по имени Черный Ястреб нарушил договор, перешел [Миссисипи] и вошел в деревню Саукенук. Он возглавлял Британский отряд,²⁰ полный решимости убить или изгнать любого белого поселенца, который встретится им на пути, и вернуть по праву принадлежащие племени земли. Губернатор Рейнольдс призвал шестьсот крепких мужчин взяться за оружие, выступить против дикарей и защитить мирных жителей Иллинойса.

Несмотря на политические амбиции (или как раз благодаря им), Эйб оказался среди первых волонтеров от округа Сангамон. Годы спустя он вспоминал свое волнение:

С тех пор как мне исполнилось двенадцать, я жаждал побывать на войне. Наконец мне представился случай! Я воображал, как бросаюсь в славный бой: стреляю из ружья, размахиваю топором! Представлял, как легко расправляюсь с десятками индейцев — не могут же они оказаться проворнее или сильнее вампиров.

Добровольцы собрались в Бердстауне, разрастающемся поселении на берегах реки Иллинойс. Здесь опытные ветераны преподали им «основы» военного дела. Перед тем как отправиться на север, отряд Эйба, разношерстная группа волонтеров из Нью-Салема и Клэрис-Гроув, выбрал его капитаном.

Капитан Линкольн! Признаюсь, мои глаза наполнились слезами. Впервые наслаждался я таким признанием. Впервые был избран руководить товарищами, и их священная вера льстила мне больше, чем любой пост или должность, которую мне удавалось завоевать с тех пор.

Среди тех, кто отправился с Эйбом в бой, был его старый приятель, охотник на вампиров Джек Армстронг, а также молодой майор по имени Джон Тодд Стюарт. Стюарт был стройным мужчиной с «высоким лбом и черными волосами, аккуратно расчесанными на пробор». Его отличали «выдающийся» нос и «нехороший» взгляд, «напрасно порочивший его добрую натуру». Стюарт сыграет основополагающую роль в послевоенной жизни Линкольна: поддержит его, будучи юристом в Спрингфилде; станет его другом и соперником в Конгрессе и, что самое главное, окажется кузеном Мэри Тодд, красавицы из Кентукки с волосами цвета воронова крыла.

Война в реальности вышла куда менее захватывающей, чем представлялось Эйбу. На севере с индейцами столкнулись тысячи ополченцев из Иллинойса, так что волонтерам оставалось только сидеть и изнывать от жары. Запись, сделанная 30 мая 1832 года, через несколько недель, проведенных в лагере за много миль от поля битвы, гласит:

Мои люди вынесли неимоверные страдания (от скуки), мы потеряли много крови (из-за комаров), а мой топор не знал покоя (благодаря колке дров). Безусловно, мы заслужили место в анналах истории: никогда еще война не была настолько бедна на военные действия.

²⁰ Так называли группу, куда входило пятьсот воинов, а также несколько тысяч женщин и детей из пяти различных племен, собравшихся под командованием Черного Ястреба. Им дали такое прозвище, поскольку британцы обещали вождю поддержку в любом столкновении с американцами, но так ее и не оказали.

В начале июля отряд Эйба наконец демобилизовали, и они пустились в долгий путь домой. Им было нечего рассказать о войне. Авраам достиг Нью-Салема (где его поджидали два письма, нуждавшихся в «безотлагательном внимании») за две недели до выборов в законодательное собрание. Он немедленно занялся продвижением своей кандидатуры: день и ночь Линкольн пожимал руки и обивал пороги. Слишком много времени ушло впустую, слишком многие кандидаты боролись за голоса. У молодого человека не было ни единого шанса.

Эйб занял седьмое место. Но нет худа без добра — даже сам Линкольн, огорченный поражением, это осознал: из трехсот голосов в Нью-Салеме лишь двадцать три были отданы против него. Знакомые горячо его поддерживали. «Надо было всего-навсего пожать еще больше рук».

Политическая карьера Линкольна началась.

* * *

После первого поражения Эйб нуждался в успехе, и он точно знал, что надо делать. В записи от 6 марта 1833 г. сказано:

Я сделаю то, чего не смог добиться Оффут. Клянусь Богом, я открою в Нью-Салеме процветающий магазин! Мы с Берри²¹ сегодня взяли кредит на триста долларов и рассчитываем через два года погасить его. Через три года мы скопим достаточно, чтобы выкупить здание!

И снова реальность оказалась куда менее красочной, чем фантазии, которые рисовало воображение Эйба. К тому моменту, как Линкольн с Берри распахнули двери своего детища, в Нью-Салеме работало уже два магазина — и на них едва хватало спроса. Историки недоумевают, почему Линкольн, одаренный выдающимся умом и отцовским «звериным чутьем», не предвидел проблем, которые вызовет появление третьего магазина. Или же почему он настолько переоценил своего партнера. Уильям Берри был ленив, ненадежен и «вечно пьян».

Ответ, вероятно, кроется не только в амбициях Авраама. Когда менее года спустя предприятие балансировало на грани краха, записи в дневнике Эйба выдавали усталость и отчаяние. Особенно выделяется одна — не только своей лаконичностью, но и упоминанием (как можно предположить) о матери:

Я должен выстоять.
Должен сделаться сильнее, чем я есть.
Не подвести.
Не подвести ее.

И все же он ее подвел, во всяком случае, в том, что касалось галантереи и дамских шляпок. Магазин Линкольна и Берри попросту «растворился» в 1834 году, а владельцы остались должны по двести с лишним долларов. Впрочем, на Берри ни в чем нельзя было положиться: он и о себе самом-то позаботиться не умел. Через несколько лет он скончался, и на плечи Эйба легло бремя всего долга. Он выплачивал деньги семнадцать лет.

В любое другое время Эйб, возможно, собрал бы вещи и навсегда покинул Нью-Салем. Но случилось так, что всего через несколько месяцев предстояли новые выборы в законодательное собрание штата Иллинойс. Не имея других занятий («в последнее время Генри не присылал писем») и воодушевившись предыдущим результатом, Эйб решил снова выдвинуть свою кандидатуру. На этот раз он собирался баллотироваться всерьез. Линкольн

²¹ Уильям Ф. Берри — сын местного священника, бывший капрал в отряде, которым командовал Линкольн.

ходил и разъезжал по всему округу, останавливался поговорить с каждым, кто встречался ему на пути. Он пожимал руки фермерам, которые трудились на выжженных солнцем полях; демонстрировал умения, привитые жизнью на фронтире, а также Богом данную силу и тем зарабатывал уважение простых людей. Он выступал в церквях и тавернах, на скачках и пикниках, приправляя агитационные речи (без сомнения, записанные на обрывках бумаги и хранившиеся у Эйба в кармане) самоуничижительными историями о тяжелых плаваниях на барже и битвах с комарами.

«Мне не доводилось видеть более талантливого оратора, — вспоминал Ментор Грэм после смерти Эйба. — Он был нескладным парнем, кто-то даже сказал бы — отталкивающего вида, высоченный, в штанах на добрых шесть дюймов короче положенного. Его волосы вечно торчали как попало, а сюртук не знал утюга. Когда Линкольн становился перед толпой, люди изучали его, нахмутив брови и скрестив руки на груди. Но стоило ему заговорить, как все сомнения развеивались, а в конце речи гремели аплодисменты и иногда даже проливались слезы».

На этот раз Аврааму Линкольну хватило рукопожатий. 4 августа 1834 года его выбрали в законодательное собрание штата Иллинойс.

Бедный необразованный сын фронтира, без единого доллара в кармане, отправится в Вандалию,²² чтобы говорить от лица своих сограждан! Лесоруб сядет бок о бок с учеными мужами! Признаюсь, встреча с ними меня страшит. Примут ли они меня как себеподобного [sic] или отвергнут, как деревенщину в дырявых башмаках? В любом случае, подозреваю, что жизнь моя изменилась навсегда. Я с нетерпением жду наступления декабря.

Предчувствие не обмануло Эйба. Его жизнь действительно навсегда изменилась. Вскоре среди его друзей появятся политики и ученые, а сам он забудет простые нравы округа Сангамон ради пышной утонченности Вандалии. Он сделал шаг на пути к адвокатскому званию. Первый шаг на пути к Белому дому. Но это не единственный крутой поворот судьбы, случившийся в том году.

Авраам безумно влюбился.

III

Джек всерьез подумывал о том, чтобы пригрозить Эйбу арбалетом. Они только что проделали изнурительный путь в двести миль на север, в Чикаго. Поздней осенью друзья ночевали под открытым небом, пробирались по колено в грязи и по пояс в воде — «а этот долговязый кретин только и знал, что болтать о какой-то девчонке!».

Ее звали Энн Рутледж. Полагаю, ей был двадцать один год, хотя спрашивать я не решался. Не важно. Свет не видел более совершенного создания! Ни один человек в мире не любил сильнее, чем я! Покуда я жив, на этих страницах я буду писать лишь о ее красоте.

Армстронг с Линкольном сидели на мягкой охапке сена, облокотившись на заднюю стенку стойла. В холодном ночном воздухе с озера Мичиган их дыхание обращалось в пар. Над головами у них возвышался лошадиный круп. Каждый взмах хвоста заставлял опасаться известной неприятности. Друзья всю ночь поджидали добычу: один с улыбкой что-то шептал, а второй грезил об убийстве.

— Джек, ты когда-нибудь любил?

Армстронг промолчал.

²² Столица штата до 1839 г. находилась в Вандалии и лишь затем была перенесена в Спрингфилд.

— Очень странное чувство. Без всякой причины ощущаешь радостное опьянение. Начинаешь размышлять о самых необычных вещах...

Джек вообразил, как Эйбу затыкает рот кусок свежайшего навоза.

— Я жажду вдохнуть ее аромат. Тебе кажется странным, что я так говорю? Жажду вдохнуть аромат и ощутить прикосновение ее нежных пальцев. Я жажду взглянуть на...

Дверь в конюшню отворилась снаружи. По деревянному полу загрохотали шаги. Эйб с Джеком взялись за оружие.

Вампир не мог почуять нас за запахом животных, не мог слышать наших шагов по сну. Враг остановился. Открылась дверь в стойло. Не успел он и глазом моргнуть, как мой топор вонзился ему в грудь, а Джекова стрела прошла сквозь глаз, прямо в мозг. Вампир с воплем повалился на спину, схватившись за лицо. Из раны хлестала кровь. Лошадь испугалась шума и попятилась. Я подхватил ее под уздцы, чтобы она ненароком не затоптала нас. Джек тем временем вытащил топор из груди вампира, вскинул его над головой и ударил поверженного противника прямо по лицу, расколов череп надвое. Вампир затих. Джек снова поднял топор и ударил еще сильнее. Затем нанес третий и четвертый удар — он вновь и вновь бил вампира по лицу обухом топора, пока мертвая голова не обратилась в сдутый окровавленный мешок из кожи и волос.

— Господи, Армстронг... Что на тебя нашло?

Джек шумно извлек лезвие из того, что раньше было лицом вампира, и, тяжело дыша, взглянул на Эйба:

— Я представил себе, что он — это ты.

Всю обратную дорогу Эйб держал язык за зубами.

* * *

Энн Мэйс Рутледж была третьей из десяти детей в семье одного из основателей Нью-Салема Джеймса и его жены Мэри. Девушка была на четыре года младше Эйба, но ничуть не уступала ему в начитанности. В течение первых полутора лет после переезда Авраама в Нью-Салем она нечасто появлялась дома, так как ухаживала за больной тетей в Декейтере, а каждую свободную минутку посвящала книгам. Неизвестно, что стало с тетей (умерла ли она, поправилась или же Энн просто утомилась от забот), однако мы знаем, что Энн вернулась в Нью-Салем весной или летом 1834 года. Они с Эйбом впервые встретились 29 июля в доме Ментора Грэма — оба порой заимствовали у него книги и просили совета. Грэм описывал Энн как девушку двадцати с небольшим лет, с «огромными выразительными голубыми глазами», «белоснежной кожей» и каштановыми волосами, «а не льняными, как кто-то говорил». «Красивый рот, здоровые зубы». А сама она — «слаще меда и трепетна, словно бабочка». Грэм также вспоминал сцену их с Эйбом знакомства: «Ни до, ни после мне больше не доводилось видеть, чтобы человек так разинул рот. Он поднял взгляд от книги, и древняя стрела поразила его прямым в сердце. Эти двое обменялись любезностями, но, насколько я помню, беседа вышла несколько однобокой: Линкольн не мог связать и двух слов, до того его заворожило это прелестное видение. Его поразила любовь девушки к книгам и ее начитанность». В тот самый день Авраам писал в дневнике про Энн:

Лучше девушки мир не знал! Никогда прежде не соединялись в одном теле подобные ум и красота! Она на фут ниже меня ростом, у нее голубые глаза, каштановые волосы и идеальная, сияющая улыбка. Она несколько худощава, но этого не поставишь ей в упрек, ведь подобное телосложение как нельзя лучше сочетается с ее добрым и утонченным характером. Как смогу я заснуть, зная, что она где-то там? Как смогу удержать в голове хоть единую мысль, когда она — все, о чем я в состоянии думать?

Эйб с Энн стали встречаться чаще — сначала у Ментора Грэма, в доме которого они вели оживленные споры о Шекспире и Байроне, а затем на долгих летних прогулках, во время которых беседовали о жизни и любви. Потом — на вершине любимого холма Энн, откуда открывался вид на Сангамон. Там они почти не разговаривали.

Неловко писать об этом здесь, но не могу устоять. Сегодня днем наши губы соприкоснулись. Мы сидели на покрывале и следили за редкими баржами, которые проплывали внизу. «Авраам!» — окликнула она меня. Я обернулся и с удивлением увидел ее лицо совсем рядом. «Авраам... Ты веришь словам Байрона? Что „любовь ведет порою нас тропинкой узкой. Волк подчас по той тропе идти боится“?»²³ Я ответил, что верю всем сердцем, и, не проронив больше ни слова, она прильнула к моим губам.

Я желал бы помнить этот миг до последнего вздоха. Через три месяца я должен прибыть в Вандалию, и я собираюсь наполнить каждую минуту этих месяцев свиданиями с Энн. Она сияющая, нежная и самая яркая звезда на небесах! Единственный ее недостаток — то, что при всем своем здравомыслии она влюбилась в такого недотепу, как я!

Эйб больше никогда не писал столь цветистым слогом. Ни о своей жене, ни даже о детях. Тогда он переживал сумасбродное, восторженное чувство, свойственное лишь молодости. Первую любовь.

Декабрь наступил «слишком быстро». Авраам со слезами на глазах распрощался с Энн и отправился в Вандалию, дабы принести присягу члена законодательного собрания. Перспектива оказаться «лесорубом среди ученых мужей», ранее представлявшаяся такой заманчивой, теперь вовсе его не волновала. Два долгих месяца Авраам заседал в собрании. Мысли его занимала Энн Рутледж. Когда в конце января сессия завершилась, он «вылетел за дверь, едва дождавшись стука председательского молотка», и устремился домой, чтобы провести счастливейшую весну в своей жизни.

Для меня нет музыки слаще, чем звук ее голоса. Нет картины прелестней, чем улыбка на ее лице. Сегодня днем мы сидели в тени под деревом. Энн читала «Макбета», а я положил голову ей на колени. Одной рукой она держала книгу, а другой — нежно ласкала мой лоб каждый раз, когда приходила пора перевернуть страницу. Наконец в мире все стало на свои места. Вот она, жизнь. Эта девушка — противоядие ото всей тьмы, которая отравляет наш мир. Когда она рядом, мне нет дела до долгов или вампиров. Я думаю только о ней.

Я решил просить руки Энн у ее отца. На моем пути имеется одно незначительное препятствие, но я немедленно его устраню.

«Незначительное препятствие» звали Джон Макнамар и, будучи упомянут столь небрежно, он тем не менее представлял собой серьезную угрозу их счастью.

Дело в том, что этот человек был помолвлен с Энн.

[Макнамар], я полагаю, человек сомнительной порядочности. Он признался Энн в любви, когда ей было всего восемнадцать, а затем отправился в Нью-Йорк, не дождавшись, пока они смогут пожениться. В Декейтере она получила от него несколько писем, но едва ли их можно было принять за послания влюбленного. С тех пор больше от него не приходило вестей. И все же я не успокоюсь, пока этот человек не освободит ее от обещания. Я должен собраться с силами (мне не случалось слышать, чтобы поток любви струился мирно²⁴) и надеяться, что все

²³ Цитата из поэмы «Гяур» в переводе С. Ильина. (Прим. перев.)

²⁴ Эйб перефразирует или неточно цитирует «Сон в летнюю ночь», акт I, сцена 2. (Прим. авт.) Приводится

разрешится быстро и счастливо.

Эйб сделал то, что умел лучше всего: он написал Джону Макнамару письмо.

IV

Утром 23 августа в дневнике появилась безобидная коротенькая запись:

Пришла записка от Энн: ей нездоровится. Пойду навещу.

Лето выдалось чудесным. Авраам виделся с Энн почти каждый день. Молодые люди предпринимали долгие и бесцельные прогулки вдоль реки, украдкой целовались, уверившись, что их никто не видит (впрочем, это не имело значения: в Нью-Салеме и Клэрис-Гроув благодаря непрерывному ворчанию Джона Армстронга все поголовно знали о влюбленных).

Ее мать встретила меня на пороге и сказала, что дочь не желает никого видеть, но, заслышав наши голоса, Энн пригласила меня войти. Она лежала в постели, на груди у нее покоился раскрытый томик «Дон Жуана». С разрешения миссис Рутледж мы остались наедине. Я взял Энн за руку и почувствовал необычное тепло. Я заволновался, но девушка только улыбнулась.

«Просто жар, — успокоила меня она. — Это пройдет». Мы беседовали, но меня не оставляло ощущение, что ее что-то беспокоит. Нечто большее, чем летняя простуда. Я начал задавать вопросы. Энн расплакалась, чем подтвердила мои подозрения. Слушая ее, я с трудом верил своим ушам.

Джон Макнамар, давно сбежавший жених Энн, вернулся.

«Он приходил ко мне позавчера вечером, — сказала она. — Эйб, он был в ярости. Выглядел как безумец, вел себя странно. Он рассказал о твоём письме и потребовал, чтобы я сама дала ответ. „Скажи, что ты любишь другого! — воскликнул он. — Скажи, и я сегодня же оставлю город и никогда не вернусь!“»

Энн дала ответ: она никого не любит, кроме Авраама Линкольна. Макнамар уехал немедленно, как и грозился. Энн его больше не видела. Запись, сделанная тем вечером, отражает всю ярость Эйба:

Я написал Макнамару о нашей любви, просил его, как благородного человека, освободить ее от обещания. Вместо ответа он проделал путь в тысячу миль, чтобы не упустить женщину, о которой позабыл на целых три года! Сначала он ее отверг, а теперь решил предъявить свои права! Негодяй! Если бы я был с ней, когда появился этот трус, я бы разнес ему череп, а из кожи со спины выкроил бы ремни для правки бритв! И все же я рад, ведь он ушел, а вместе с ним — и единственное препятствие на пути к нашему счастью. Больше не стану откладывать! Как только Энн поправится, приду к ее отцу и попрошу ее руки.

Но Энн так и не поправилась.

К тому моменту, как утром 24 августа Эйб снова навестил девушку, она уже была так слаба, что едва могла выговорить несколько слов. Жар усилился, дыхание ослабело. К полудню она уже вовсе не могла говорить и то и дело теряла сознание. Когда Энн приходила в себя, ей мерещились кошмары, а все тело сотрясалось так, что кровать стучала по полу.

Родители Энн сидели вместе с Эйбом у ее постели — меняли холодные компрессы, зажигали свечи. Доктор суетился вокруг больной с самого полудня. Поначалу он был «уверен», что это брюшной тиф. Теперь уверенность исчезла. Бред, судороги, беспамятство — и все это в столь короткий срок? Ему не доводилось видеть ничего подобного. А Эйбу доводилось.

Весь день и вечер я находился во власти ужаса. Старого, знакомого ужаса. Мне снова было девять, и я смотрел, как мою мать терзают те же кошмары. Я шептал все те же тщетные молитвы, испытывал то же невыносимое чувство вины. Это я навлек на нее беду. Я написал письмо с просьбой отпустить ее. И кого же я об этом просил? Человека, который таинственным образом исчез, а потом вернулся — больной, бледный... Он ждал заката, чтобы встретиться со своей нареченной. Я просил об этом того, кто скорее даст ей страдать и умереть, чем отпустит в объятия другого.

Я писал вампиру.

На этот раз я был лишен последнего объятия, минутной передышки. Энн просто ускользнула от меня. Лучшее творение Господне. Опорочено.

Стерто с лица земли.

Энн Рутледж умерла 25 августа 1835 года. Ей было двадцать два.
Эйб тяжело переживал ее смерть.

* * *

*25 августа 1835 г. мистеру Генри Стерджесу
Сент-Луис, Лукас-плейс, 200
Срочной почтой*

*Дорогой Генри,
спасибо, что был так добр ко мне все эти годы. Теперь я прошу тебя о
последнем одолжении. Ниже ты найдешь имя того, чье время уже пришло.
Единственное благословение жизни — ее конец.*

*Джон Макнамар,
Нью-Йорк
А.*

Следующие два дня Джек Армстронг и остальные ребята из Клэрис-Гроув по очереди следили за Авраамом. Они отняли у него перочинный нож и плотницкие инструменты, забрали ружье. Даже ремень припрятали, опасаясь, как бы Эйб на нем не повесился. Джек проследил, чтобы тайный арсенал друга оказался вне досягаемости.

Как ни старались ребята, кое-что они все же упустили из виду. Никто из них не догадался пошарить у меня под подушкой: там я держал [пистолет]. Когда на вторую ночь Джек на минуту оставил меня, я достал оружие и приставил дуло к виску, решив покончить с этим раз и навсегда. Я воображал, как пуля продырявит мне череп. Интересно, услышу ли я выстрел? Почувствую ли боль? Я размышлял, успею ли увидеть, как мои мозги отлетят к противоположной стене, прежде чем умру, или же я увижу только темноту — словно у постели задули свечу. Я держал пистолет у виска, но не стрелял...

Живи...

Я не мог...

Не мог ее подвести. Я отшвырнул пистолет на пол и разрыдался, проклиная собственную трусость. Я проклинал все на свете. Даже Бога.

Вместо того чтобы совершить самоубийство, той ночью Эйб поступил так, как и всегда во времена неутолимого горя или безудержной радости: взялся за перо и бумагу.

МОНОЛОГ САМОУБИЙЦЫ²⁵

Да, ныне точно я решил,
И место я найду,
Чтоб сердце мне кинжал пронзил,
Или сгорю в аду.

О, сталь! Сладка, из ножн приди:
Сверкай, руби, владей!
Вырви дыхание из груди
И кровь мою пролей!

Удар! И все предreshено,
Я замыкаю круг:
Вонзайся в сердце, верный нож,
Единственный мой друг!

На следующее утро в Нью-Салем галопом влетел на коне Генри Стерджес.

Он назвалса моим «близким родственником» и немедленно отослал остальных прочь. Мы остались вдвоем, и я, не пытаясь скрыть горя, поведал ему об убийстве Энн. Я расплакался, и Генри заключил меня в объятия. Отчетливо помню, что меня удивили две вещи: во-первых, я не ожидал, что вампир способен на столь горячее участие, а во-вторых, не подозревал, как холодна его кожа.

— Счастлив тот, кто ни разу в жизни не терял любимых, — сказал Генри. — Нам такого счастья не дано.

— Но случилось ли тебе терять столь же прекрасную женщину, как она? Столь добрую?

— Дорогой мой Авраам... Из могил женщин, которых я оплакивал, можно соорудить целое кладбище.

— Генри, я не хочу без нее жить.

— Знаю.

— Она слишком красива, слишком... хороша...

— Знаю.

Эйб не мог сдержать слез.

— Чем ценнее дар Господень, — продолжал Генри, — тем сильнее Он стремится забрать его обратно.

— Мне нет жизни без нее...

Генри сидел возле Эйба на постели, обнимал его, баюкал как ребенка и, казалось, погрузился в какую-то внутреннюю борьбу.

— Есть еще один путь, — сказал он наконец.

Авраам выпрямился и утер рукавом слезы.

— Старейшие из нас... умеют пробуждать умерших, при условии, что тело хорошо

²⁵ Стихотворение было опубликовано 25 августа 1838 г., в третью годовщину со дня смерти Энн, на первой странице «Сангамон джорнал».

сохранилось, а человек скончался не более нескольких недель назад.

— Поклянись, что говоришь правду...

— Она будет жить, Авраам. Но должен тебя предупредить: она будет обречена жить вечно.

Вот успокоение всем моим горестям! Я снова увижу улыбку своей возлюбленной, снова коснусь ее нежных пальцев! Мы будем сидеть под сенью нашего любимого дерева, читать Шекспира и Байрона. Я положу голову ей на колени, а она станет задумчиво ласкать мои волосы. Долгие годы мы будем гулять по берегам Сангамона! Я подумал об этом и испытал облегчение. Какое счастье...

Но радость моя была мимолетной. Я представил себе бледную кожу, черные глаза и полые клыки — и не почувствовал любви, которая соединяла нас. Да, мы будем вместе, но станут ли холодные пальцы ласкать мои волосы? Мы будем сидеть не под сенью любимого дерева, а дома, в темноте, задернув все шторы. Долгие годы мы будем гулять по берегам Сангамона, но старость придет только ко мне.

Искушение сводило меня с ума. Но я не мог. Не мог поддаться той тьме, что отняла у меня Энн. Тому самому злу, которое похитило у меня мать.

* * *

В воскресенье, 30 августа, Энн Рутледж похоронили на Старом конкордском кладбище. Эйб молча смотрел, как гроб опускают в могилу. Он сам сделал этот гроб, а на крышке написал одну-единственную строчку: «Пусть в одиночестве, но все ж не в пустоте».

Генри стоял рядом с моим домом и ждал, пока я возвращусь с похорон. Еще не наступил даже полдень, и он держал над головой зонтик, чтобы защититься от солнца, а его глаза скрывались за темными очками. Генри пригласил меня следовать за ним. Мы в полном молчании прошли с полмили и остановились на небольшой вырубке в лесу. Я увидел бледного мужчину со светлыми волосами: он был раздет, привязан к столбу за руки и за ноги, во рту у него торчал кляп. У ног пленника были сложены дрова и хворост, а неподалеку на земле стоял большой кувшин.

«Авраам, — заговорил Генри, — позволь представить мистера Джона Макнамара».

Завидев нас, пленник забился. Его кожа уже покрылась волдырями и язвами.

«Совсем новенький, — объяснил мой друг. — Чувствителен к свету».

Генри вложил мне в руку факел, поджег его, и я ощутил жар пламени. Я старался не встречаться взглядом с Макнамаром.

«Полагаю, к огню он еще более чувствителен», — продолжал Генри.

Я не знал, что сказать, просто поднял голову и подошел к пленнику. Он дергался, пытаясь высвободиться. Я мог только его пожалеть. Он боялся и был совершенно беспомощен.

Безумие.

И все же мне хотелось посмотреть, как он сгорит. Я бросил факел на охапку дров. Макнамар напрасно сражался с путами. Пламя вспыхнуло, языки сразу же достали ему до пояса, и мне пришлось отступить на шаг. Его ноги уже чернели и обугливались. Жар был так силен, что светлые волосы Макнамара взлетали вверх, будто в лицо ему дул ураганный ветер. Генри стоял совсем рядом с огнем, даже ближе, чем осмеливался подойти я сам. Он лил воду из кувшина на спину, грудь и голову пленника, чтобы тот не умер, пока его ноги сгорают до костей. Генри дллил его агонию. Я ощутил, что у меня по щекам текут слезы.

Я мертв.

Пытка продолжалась десять, а может, пятнадцать минут, пока — по моему настоянию — ему наконец не позволили умереть. Генри залил костер и подождал, пока обугленный труп остынет.

Вампир мягко положил руку Эйбу на плечо. Тот сбросил его ладонь.

— Генри, почему ты убиваешь своих братьев? Скажи правду. Я ее заслужил.

— Я никогда не лгал тебе.

— Так не лги и сейчас. Давай с этим покончим. Зачем тебе убивать своих? И почему...

— Почему я отправляю тебя это делать, да-да. Боже, я забываю порой, как ты молод.

Генри провел рукой по лицу. Он надеялся избежать этой беседы.

— По какой причине я убиваю своих братьев? Я уже говорил тебе: одно дело — пить кровь старых, больных и бесчестных людей. Совсем другое — воровать спящих детей из постели; заковывать мужчин и женщин в цепи, чтобы гнать их на смерть. Ты видел все это собственными глазами.

— Но почему их убиваю я? Почему ты сам этим не займешься?

Генри замолчал. Он собирался с мыслями.

— Когда я скакал из Сент-Луиса, — заговорил он наконец, — я знал, что к моему прибытию ты все еще будешь жив. Я верил в это всем сердцем — потому что у тебя есть предназначение.

Эйб поднял глаза и встретился взглядом с вампиром.

— Авраам, у большинства людей нет никакой цели, кроме самого существования. Они тихо проходят сквозь жизнь, их роль на сцене истории столь незначительна, что зритель их даже не заметит. Но ты... Ты рожден бороться с тиранией. В этом твое призвание, Авраам. Ты должен освободить людей от ига вампиров. Призвание вступило в силу с того самого момента, как ты вышел из материнского чрева. Я увидел это в тебе еще в ту ночь, когда мы впервые встретились. Твоя цель сияет ярче солнца. Неужели ты думаешь, что наша встреча случайна? Неужели полагаешь, что первый вампир, которого я решил убить за последние сто лет, привел меня к тебе лишь по стечению обстоятельств?

Авраам, я умею разглядеть предназначение. В этом мой дар. Я вижу цель человека так же отчетливо, как тебя сейчас. Твое предназначение — бороться с тиранией...

А мое — убедиться, что ты победишь.

Глава 7

Роковой январь

Я принял решение больше никогда не думать о женитьбе, и вот по какой причине: я никогда не смогу удовлетвориться обществом девушки, которой достанет глупости за меня выйти.

**Линкольн, из письма к миссис Орвилл Г. Браунинг
1 апреля 1838 г.**

I

Эйб находился на втором этаже плантаторского дома. В своих путешествиях вниз по Миссисипи он повидал немало таких жилищ, возведенных руками рабов, — несоразмерно больших строений, с четырьмя колоннами. Но внутри ему раньше бывать не доводилось. До сегодняшней ночи.

Я обнимал Джека. В длинной ране поперек живота виднелись его внутренности. Я видел, как он побледнел. Видел в его глазах страх. А потом —

пустоту. Мой храбрый, сильный друг. Самый крепкий парень в Клэрис-Гроув. Он мертв. Но у меня не было времени оплакивать его, потому что я и сам был на волосок от гибели.

Они выполняли простое поручение. Генри прислал еще одно имя. Но здесь все обернулось иначе. Не так, как обычно. Эйб стоял на коленях. Он уверился, что угодил прямо в вампирское логово.

Мне было неизвестно, сколько их здесь. Я опустил тело Джека на пол и, сжимая в руке топор, вошел в длинный коридор на втором этаже. Мой плащ хранил отметины тех же зубов, что лишили жизни моего друга. По обеим сторонам коридора тянулись открытые двери. Я шел, и в каждой новой комнате моим глазам представала картина ужаснее предыдущей. Я увидел трупы троих детей с перерезанным горлом, подвешенные за щиколотки. Внизу были подставлены кадки, чтобы собирать кровь. В другой комнате в кресле-качалке застыл иссушенный труп женщины с широко раскрытыми глазами. Ее исхудавшая рука покоилась на голове ребенка, который сидел у нее на коленях. Малыш переменялся не так сильно, как его мать. Дальше по коридору... останки женщины в постели. Дальше... припавший к полу вампир с колом в сердце. Все время вокруг скрипели половицы. Сверху и снизу. Я крался к большой лестнице в противоположном конце коридора. Достигнув цели, я оглянулся назад. Неожиданно передо мной возник вампир. Он стоял против света, и я не мог разглядеть лица. Вампир вырвал топор у меня из рук и отшвырнул его в сторону. Затем ухватил меня за воротник и оторвал от пола. Я наконец узнал его черты. Это был Генри.

— Твое предназначение — освободить людей от тирании, Авраам, — проговорил он. — Для этого ты должен умереть.

Он швырнул меня на перила. Я падал прямо на мраморный пол. Падал и падал. Бесконечно.

Таков был последний кошмар, приснившийся Эйбу в Нью-Салеме.

Много месяцев ушло на то, чтобы справиться с глубокой депрессией, в которую Линкольн погрузился после гибели Энн. Ненависть к вампирам вспыхнула с новой силой, но Эйб не чувствовал в себе страсти и энергии, необходимых для охоты на них. Теперь, если из Сент-Луиса случалось прийти письму, оно порой валялось запечатанным еще много дней (и даже если Эйб его вскрывал, могло пройти несколько недель, прежде чем он брался за дело). Порой, если путь предстоял неблизкий, он посылал вместо себя Джека Армстронга. Уныние Эйба наглядно демонстрирует запись от 18 ноября 1836 г.

Я слишком много отдал. Отныне я буду охотиться только тогда, когда это не помешает остальным моим занятиям, и только затем, чтобы почтить память покойной матери... чтобы почтить память Энн. Мне нет дела до ничего не подозревающего прохожего на темной улице. Нет дела до негра, которого продают с аукциона, или до ребенка, которого крадут из собственной постели. Я защищал их, но это не принесло мне пользы. Напротив, я сделался только беднее, ведь расплачиваться за все, необходимое для выполнения поручений, мне приходится из собственного кармана. За дни и недели, потраченные на охоту, я не получаю ни цента. Если Генри прав и я действительно призван освободить людей от тирании, сначала я должен освободиться сам. Здесь [в Нью-Салеме] меня больше ничто не держит. Магазин прогорел, боюсь, деревне тоже недолго осталось. Я возьму судьбу в свои руки.

Джон Т. Стюарт, владелец маленькой адвокатской конторы в Спрингфилде, старый друг, с которым Линкольн познакомился во время войны с Черным Ястребом, уговорил его попробовать себя в юриспруденции. В результате самостоятельных занятий (исключительно

в свободное время!) осенью 1836-го Эйб получил адвокатскую лицензию. Вскоре после этого Стюарт предложил Линкольну стать партнером в его деле. 12 апреля 1837 года они дали объявление в «Сангамон джорнал» о новой конторе, расположенной в Спрингфилде по адресу «Хоффманс-роу, четыре, вверх по лестнице». Через три дня Эйб торжественно въехал в Спрингфилд на одолженной на время лошади. В седельных сумках он вез все свои пожитки. Ему исполнилось двадцать восемь лет, в карманах у него не было ни цента. «Все деньги ушли на оплату долгов и на покупку книг, необходимых для приобретения новой профессии». Линкольн привязал лошадь возле «А. И. Эллис и К°» — универсального магазина на западной стороне площади — «и бесцельно вошел внутрь, не имея в карманах даже желудя». За прилавком стоял стройный молодой человек по имени Джошуа Фрай Спид — двадцати четырех лет от роду, с волосами, черными как вороново крыло, и «миловидным лицом», на котором сияли «неестественно синие» глаза.

Он сразу показался мне странным и навязчивым.

«Сэр, вы только приехали в Спрингфилд? Не угодно будет шляпу, сэр? Какие новости в округе, сэр? Вам всегда приходится нагибаться, когда вы входите в дверь, сэр?»

Столько вопросов мне в жизни не задавали! Никогда прежде меня не принуждали к разговору столь бесцеремонно! Когда я сам был продавцом, мне в голову не приходило так вести себя с покупателями. Я переходил от одной полки к другой, а он все жужжал, точно слепень, и задавал свои бесконечные вопросы. Мне просто хотелось купить поскорее все, что надо, и пуститься в дорогу. Чтобы покончить с этим, я вручил ему список, в который также входили вещества, необходимые мне для охоты.

— Простите, — заметил Спид, — но ваши потребности несколько необычны.

— Здесь то, что мне нужно. С радостью предоставляю вам имена поставщиков...

— Действительно, странно... Сэр, вы уверены, что мы не встречались?

— Сэр, вы сможете заказать то, что мне требуется, или нет?

— Да, конечно! Ну да! Я видел, как в прошлом июле вы выступали в Солсбери! Говорили про необходимость расчистить Сангамон! Сэр, помните? Я Джошуа Спид! Тоже из Кентукки!

— Мне действительно пора...

— Прекрасная была речь! Разумеется, вы заблуждаетесь: тратить деньги на эту несчастную речушку все равно что швырять их на ветер. Но какая речь!

Спид пообещал немедленно заказать все из моего списка и (к счастью для моих бедных ушей) принялся переписывать каждый пункт. Перед уходом я осведомился, известно ли ему, где можно снять комнату, лучше всего подешевле, так как на данный момент у меня нет денег.

— Что ж, сэр... Если у вас нет денег, как истолковать ваш вопрос? Вы ищете комнату «подешевле» или «бесплатно»?

— В кредит.

— Ах, в «кредит». Уж простите, сэр, но я убедился, что «в кредит» по-французски значит «денег вы не увидите».

— Я всегда возвращаю долги.

— Не сомневаюсь, вовсе не сомневаюсь. И все же, сэр, такой комнаты вам в Спрингфилде не найти. Здешние люди имеют странную привычку обменивать товар на деньги.

— Понятно... Что ж, спасибо. До свидания.

Возможно, в нем пробудили жалость мои стесненные обстоятельства или усталое лицо. А может, у него, как и у меня, не было друзей. Как бы там ни было,

Спид остановил меня и предложил разделить с ним комнату на втором этаже над магазином — «в кредит, пока дела не наладятся». Признаться, я подумывал ответить отказом. Мысль о том, что придется жить в комнате с этим надоедливym насекомым, казалась мне невыносимой. Лучше попытаться счастья на чердаке над конюшней! Но выбора не было: я с благодарностью согласился.

— Вам, разумеется, потребуется время, чтобы перевезти вещи, — продолжал Спид. Эйб вышел. Через минуту он вернулся с двумя седельными сумками и положил их на пол.

— Вот я их и перевез.

II

Спрингфилд процветал. Деревянные лачуги и повозки, запряженные быками, уступали место кирпичным зданиям и коляскам. Казалось, на каждого фермера приходится по два политика. До Нью-Салема было далеко, а еще дальше — до фронта и тяжелой жизни в Литл-Пиджин-Крик. Но несмотря на всю роскошь и преимущества городской жизни, Эйб столкнулся с непривычной жестокостью. Он описывает один случай, который можно рассматривать как свидетельство роста преступности в городе и очередное доказательство его непреходящей меланхолии:

Сегодня я стал свидетелем убийства одной женщины и ее мужа, причем последний несет ответственность за оба преступления. Я стоял на улице возле нашей конторы, разговаривал с клиентом, неким мистером Джоном С. Уилбурном, когда услышал крик и увидел, как женщина лет тридцати пяти выбежала из пансиона «У Томпсона». За ней выскочил мужчина с «перечницей»,²⁶ прицелился и выстрелил женщине в спину. Она упала лицом на землю, схватилась за живот, перевернулась и попыталась сесть — но не смогла. Мы с Уилбурном немедленно подбежали к несчастной, не обращая внимания, что над ней стоит муж с пистолетом в руках. На улицу выскочили и другие люди, встревоженные шумом, и тут же услышали второй выстрел: он проделал дыру в голове мужчины. Убийца упал: с каждым ударом его сердца из раны выливалась кровь.

Удивительно, как быстро умирает тело, как непостоянна наша жизнь. Мгновение — и душа уходит, оставляя пустую и никчемную оболочку. Я читал о тех, кого в Европе отправляли на виселицы и гильотины [sic], читал о великих войнах былых веков, когда людей истребляли десятками тысяч. А мы лишь мельком упоминаем о них, нам свойственно отметить подобные мысли. Однако мы забываем, что они жили, как и мы, но кусок веревки, пуля или меч оборвали их жизни в один краткий миг. Пропало все: их младенчество, их несбывшиеся надежды на будущее. Думать о том, сколько душ на протяжении всей нашей истории постигла эта участь, о неведомых нам убийствах неизвестных мужчин, женщин и детей... невыносимо.

К счастью, обязанности адвоката и члена законодательного собрания занимали Эйба и отвлекали от постоянных мыслей о смерти. Когда его присутствие не требовалось на слушаниях в собрании или голосованиях, он расспрашивал клиентов в конторе или подавал иски в спрингфилдский суд (большинство дел касалось земельных споров или неуплаченных долгов). Дважды в год Эйб вместе с другими адвокатами пускался в трехмесячное путешествие по восьмому судебному округу, состоявшему из четырнадцати округов центрального и восточного Иллинойса. В тех местах были десятки поселений и всего

²⁶ Небольшой трехствольный пистолет, способный совершить три выстрела без перезарядки, по одному из каждого дула.

несколько зданий суда, так что в хорошую погоду суд сам приходил к народу — адвокаты и судьи, все вместе. Линкольну эти путешествия представлялись избавлением от долгих ночей, которые он проводил за столом при свечах. К тому же появлялась возможность наконец-то поохотиться на вампиров.

Я знал, что дважды в год мне предстоит объезжать весь округ, и откладывал определенные дела до времени, когда их выполнение представлялось мне более уместным. Днем мы с коллегами-адвокатами участвовали в разбирательствах, которые проходили прямо в церквях или тавернах. По вечерам мы собирались за ужином и обсуждали грядущие слушания. А потом, когда все за редким исключением ложились спать в переполненных комнатах какой-нибудь гостиницы, я надевал плащ, брал топор и отправлялся в ночь.

Одна вылазка особенно запомнилась Эйбу:

Генри прислал мне письмо со следующими указаниями: «Э. Шильдхаус, полмили от северной оконечности Милл-стрит, Афины, Иллинойс». Вместо того чтобы сразу пуститься в путь и свершить правосудие Божье, я решил подождать, пока мне потребуется ехать в Афины по делам. И вот, два месяца спустя, выдался день, когда наш передвижной суд ожидали в том самом городке на севере. Юристы собрались в таверне, которая на этот раз выступала в роли зала суда. Здесь ожидали истцы и ответчики, чьи дела нам предстояло рассматривать следующие несколько часов. Предыдущей ночью мне нездоровилось, и я смог присоединиться к Стюарту только после полудня — к тому времени судья уже занялся нашим делом. Речь шла о каком-то небольшом долге нашей клиентки, немолодой рыжеволосой женщины по имени Бетси. Помню только, что мы проиграли, и из-за болезни я не смог извиниться перед ней как следует, только пожал ей руку. Тем вечером, когда Стюарт, как и все остальные, лег спать, я достал плащ с топором и без лишнего шума направился по адресу, который указал Генри. У меня был жар, поэтому я решил попросту постучать в дверь и всадить топор в любого, кто ее откроет, а потом без дальнейших разбирательств вернуться в постель. Дверь распахнулась. На пороге стояла моя подзащитная, Бетси. Ее рыжие волосы были заколоты гребнем из слоновой кости. Я запахнул плащ в надежде спрятать топор.

— Мистер Линкольн, чем могу вам помочь?

— Я... Мэм, простите, что потревожил в столь поздний час. Должно быть, я ошибся.

— Да?

— Да, мэм. Я полагал, что в этом доме проживает некто по имени Э. Шильдхаус.

— Все верно.

Вампир живет с женщиной под одной крышей?

— Мистер Линкольн, вы уж меня простите, но вам что, нехорошо? Вы очень бледны.

— Все в порядке, мэм, благодарю вас. Как вы полагаете, я мог бы переговорить с мистером Шильдхаусом?

— Мистер Линкольн! — Она рассмеялась. — Это я!

Э. Шильдхаус...

Элизабет...

Бетси.

Она заметила топор у меня под плащом — и все поняла по моему лицу. По глазам. Прочла мои мысли. Вот я уже повалился на спину и пытаюсь увернуться от кликов. Топор выбит у меня из рук. Правой рукой я дернул вампиршу за рыжие волосы, а левой потянулся к плащу. Мне удалось нашарить нож, и я принялся колоть и резать все, до чего мог дотянуться: шею противницы, ее спину, руки, которыми она пригвоздила меня к земле. Я снова и снова опускал лезвие: наконец она отпустила меня и вскочила на ноги. Я последовал ее примеру. Мы осторожно

кружили. Я выставил перед собой нож, а черные глаза вампирши неотрывно следили за мной. Затем она остановилась, так же неожиданно, как и напала, и подняла руки, словно сдаваясь.

— Должна спросить: мистер Линкольн, разве мы в ссоре?

— Вы в ссоре с Господом. А я всего лишь желаю дать вам возможность предстать перед его судом.

— Отлично! — Она снова рассмеялась. — Очень хорошо! Что ж, надеюсь, что боец из вас получше, чем адвокат.

Вампирша бросилась в атаку и выбила нож у меня из руки. Болезнь ослабила меня. Кулаки женщины стремительно месили мое лицо и живот. Я ощутил привкус крови во рту. С каждым ударом мне приходилось делать шаг назад, пока наконец ноги не отказались мне служить. Впервые с той ночи, когда Генри спас мне жизнь, я заглянул в лицо смерти.

Генри ошибся...

Я упал, и вампирша тут же набросилась на меня. Трясущимися руками я успел ухватить ее за волосы. И тут клыки впились мне в плечо. Я ощутил, как подалась плоть. Горячая кровь устремилась к ране. Вены набухли. Я отпустил волосы женщины и положил ладонь ей на голову, словно утешая друга в горе. Все страхи рассеялись. Боль ушла. Осталось только тепло. И неизведанная радость.

Это последние мгновения моей жизни.

Я чиркнул «мучеником» по костяному гребню в ее волосах. Вспыхнуло пламя — ярче солнца, словно огненный нимб за головой вампирши. Рыжие волосы загорелись, клыки разжались. Истошно вопя, женщина принялась кататься по земле. Пламя охватило ее одежду и не гасло. Из последних сил я встал на колени, схватил топор и ударил вампиршу по голове. Она умерла, но я был не в состоянии ее хоронить или даже прошагать полмили до гостиницы. Я втащил тело в дом, закрыл дверь и, перевязав раны полосками из разорванных простыней, повалился в кровать своей противницы.

Не думаю, что мне еще когда-либо придется в один и тот же день защищать клиента в суде, а потом его убивать.

Во время поездок по округу Эйб охотился исключительно в темноте. Но в Спрингфилде он находил удовольствие в том, чтобы выполнять поручения в дневное время.

У меня завелась любимая уловка: я поджигал дом вампира, когда солнце находилось в зените. Тогда у мерзавца оставалось два варианта, оба весьма неприятные: сражаться со мной на свету, где вампир будет слаб и наполовину слеп, или же остаться внутри и сгореть. Мне было совершенно все равно, что предпочтет мой противник.

К тому времени, как в 1838 году Эйба переизбрали в законодательное собрание, он уже был известен в Спрингфилде как красноречивый оратор и одаренный адвокат, чьи способности не уступают амбициям. Линкольну было двадцать девять лет; всего за год из нищего приезжего на чужой лошади он превратился в ровню городской элите (впрочем, из-за долгов так и оставался без цента в кармане). Гостей за столом он очаровывал своей сельской непринужденностью, а коллег по законодательному собранию неизменно впечатляло его умение с легкостью вникать в любые дела. «Манеры у него грубоваты, — писал другу знакомый Линкольна, Уиг Эбенезер Райан. — Да и одежду стоило бы отдать в починку. Однако он наделен весьма острым умом и талантом красноречиво облекать свои мысли в

слова. Думаю, в один прекрасный день он мог бы стать губернатором».

Авраам все реже вспоминал Энн Рутледж.

Верно говорят о времени: я нахожу, что в последние месяцы меланхолия оставила меня, и я с новым рвением взялся за дело. Мама пишет, что пребывает в добром здравии, как и мои сводные брат с сестрой.²⁷ В Стюарте я обрел надежного партнера, в Спиде — несколько назойливого, но доброго друга, к тому же я пользуюсь уважением самых достойных мужей Спрингфилда. Если бы не долги, я был бы совершенно счастлив. И все же меня не оставляет чувство, что мне чего-то не хватает.

* * *

У Джона Т. Стюарта был план.

Ему пришлось применить всю силу убеждения, но в конце концов он все же заставил младшего партнера отправиться танцевать котильон на вечере у кухни Элизабет.

У меня было много дел, и я считал, что не стоит тратить на это время. Но Стюарт не отставал и продолжал терзать меня в точности как Джон [сводный брат] много лет назад. «Жизнь — это не только бумаги, Линкольн! Пойдем! Нам полезно пообщаться с людьми». Он уговаривал меня целый час, и в итоге мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Только мы дошли до дома Эдвардсов (я даже не успел стряхнуть снег с ботинок), как Стюарт тут же втолкнул меня в дверь и представил юной даме, сидевшей в гостиной. Тут мне все стало ясно.

Девушку звали Мэри Тодд, она приходилась Стюарту кухней и только что приехала в Спрингфилд. Тем же вечером, 16 декабря 1839 года, Линкольн записал впечатления от первой встречи с ней:

Она потрясающее создание. Только на этой неделе ей исполнился двадцать один год, но она уверенно ведет беседу — без напыщенности, порожденной годами избыточного воспитания, но с живостью, дарованной ей от Бога. Это невысокая, остроумная девушка с миловидным округлым лицом и темными волосами. Она свободно говорит по-французски, обучена танцевать и музицировать. Мой взгляд постоянно возвращался к ней — снова и снова. Не единожды я заметил, что она тоже смотрит на меня, приложив ладонь к ушку подруги: обе они смеялись надо мной. Я должен был познакомиться с ней поближе! Когда вечер уже подходил к концу, я понял, что больше не выдержу. Я низко поклонился и сказал: «Мисс Тодд, мне мучительно хочется с вами потанцевать».

Утверждают, что Мэри потом рассказывала об этом своим друзьям и прибавляла: «Что ж, танец вышел поистине мучительным».

Ее странным образом тянуло к высокому грубоватому адвокату. Несмотря на разделявшую их пропасть в достатке и воспитании, между ними обнаружилось некое сходство, которое легло в основу их отношений: оба они рано потеряли мать и так и не смогли до конца пережить потерю. Оба были решительны и эмоциональны: они то возносились к самым вершинам, то низвергались в пропасть. Оба ценили хорошую шутку (особенно когда дело касалось какого-нибудь «отъявленного плута»). Той зимой Мэри записала в дневнике:

²⁷ К этому времени Эйб стал называть Сару Буш Линкольн «мамой». Стоит отметить, что он ничего не пишет об отце.

Он не самый красивый из моих поклонников и не самый воспитанный, но, без сомнения, самый умный. Но я вижу, что его остроумие приправлено грустью. Я нахожу его странным... странным и все же привлекательным.

Да, Эйб привлекал Мэри, но девушка разрывалась надвое, ведь за ней уже ухаживал коренастый демократ Стивен А. Дуглас. В своей партии Дуглас считался восходящей звездой, к тому же он был вполне обеспечен (особенно по сравнению с Линкольном). Этот человек мог дать Мэри все удобства, к которым она привыкла в родительском доме. Он был несомненно умен, несомненно богат, но также (по словам самой мисс Тодд) «несомненно скучен».

«В конце концов, — вспоминала она в письме много лет спустя, — я решила, что важнее смеяться, чем досыта есть».

Мэри с Эйбом обручились в конце 1840 года. Молодые люди были «без ума друг от друга», им «не терпелось скрепить свой союз», но оставалось еще заручиться согласием отца Мэри. Им не пришлось долго изводиться: мистера Тодда ждали в Спрингфилд к Рождеству. Эйб должен был в первый раз встретиться с будущим тестем.

Роберт Смит Тодд был богатым предпринимателем и значимой фигурой в обществе города Лексингтон, штат Кентукки. Как и Эйб, он являлся адвокатом и членом законодательного собрания. Однако, в отличие от Линкольна, отец Мэри сумел сколотить приличное состояние — часть его ушла на покупку рабов в особняк, который мистер Тодд делил со своей второй женой и некоторыми из пятнадцати отпрысков.

Меня пугает перспектива предстать на суд человека, который добился такого влияния и положения в обществе. Что, если он сочтет меня дураком или деревенщиной? Что станет тогда с нашей с Мэри любовью? Я больше ни о чем не способен думать. Последние две недели я всецело поглощен волнениями.

Эйбу не стоило беспокоиться. Встреча прошла лучше, чем можно было ожидать — по крайней мере, если судить по стихотворению, которое Мэри на следующий же день, 31 декабря, отправила в Лексингтон:

Мой милый Эйб был лучше всех
И у отца имел успех.
Отец, нетрудно угадать,
Решил свое согласие дать!

Пока один всадник нес стихотворение в Лексингтон, другой вестник доставил письмо новоявленному жениху. Сверху была пометка «срочно», нанесенная знакомым почерком Генри. Само послание было составлено весьма осторожно, без единого упоминания о «вампирах» — на тот случай, если весточка попадет в чужие руки (впрочем, подобная предосторожность была обычна для всей переписки между Эйбом и Стерджемсом).

*Дорогой Авраам,
получил твое письмо от 18 декабря. Прими мои сердечные поздравления с помолвкой. Мисс Тодд, кажется, одарена многочисленными талантами, и, судя по длительным описаниям каждого из них, ты сумел оценить эти таланты по достоинству.*

Тем не менее, Авраам, я должен тебя предостеречь — после длительных раздумий, поскольку понимаю, что мое известие тебя не обрадует. Женищина, с которой ты помолвлен, — дочь некоего мистера Роберта Смита Тодда, известного в Лексингтоне как человек богатый и влиятельный. Но вот в чем правда: его власть строится на несправедливой основе. Ему ближе мои собратья, чем твои. Союзники этого человека — самые отъявленные из нас, вроде тех, чьи

имена я присылал тебе все эти годы. Тодд представлял их интересы в законодательном собрании. Снабжал их деньгами. Он даже зарабатывал на продаже негров, обреченных на самую жестокую участь.

Я не имею намерения отговорить тебя от женитьбы — дочь не должна отвечать за грехи отца. Тем не менее близкое родство с подобным человеком может навлечь на тебя опасность. Я только прошу, чтобы ты серьезно все обдумал и не терял головы — что бы ты ни решил.

Всегда твой,

Г.

Следующий день войдет в историю как «роковое первое января» в судьбе Линкольна.

Что ж, дело сделано. Я погубил любимую женщину, даже не объяснившись с ней. Я разрушил ее счастье — и свое собственное. Я самый несчастный человек на свете и, безусловно, заслуживаю любые горести, уготованные судьбой. Полагаю — нет, надеюсь, что их будет великое множество.

В то утро Эйб навестил Мэри и разорвал помолвку. Он что-то пробормотал сквозь слезы («не помню теперь ни слова») и выбежал на улицу.

Я знал, что никогда больше не смогу подать руки ее отцу или взглянуть ему в глаза, не выдав своего гнева. Подумать только, в жилах моих детей могла бы течь его кровь! Кровь человека, который предал свой род! Человека, который разбогател на смертях невинных, каков бы ни был цвет их кожи, черт возьми! Я не мог этого вынести. Что мне оставалось делать? Открыть Мэри правду? Невозможно. У меня был только один выход.

Второй раз за последние пять лет Линкольн задумался о самоубийстве. И второй раз за пять лет от смерти его удержали мысли о покойной матери.

Джон Т. Стюарт гостил у родных. Приятели из законодательного собрания разъехались по домам встречать Новый год. Во всем Спрингфилде Эйб мог пойти лишь к одному человеку.

— Но ты ведь любишь ее! — воскликнул Спид. — Какого же черта тебе делать такую глупость?

Линкольн сидел на кровати в своей комнатушке над «А. И. Эллис и К°» — на той самой кровати, которую он делил с полубезумным «назойливым насекомым», жужжащим в комнате.

— Спид, я до боли хочу быть с ней... но не могу.

— Из-за ее отца? Из-за того самого человека, который благословил вас всего шесть или восемь дней назад?

— Из-за него самого.

— Ты до боли хочешь быть с ней... Ее отец благословил ваш союз... Объясни-ка, как в Иллинойсе принято ухаживать, а то я явно чего-то не уловил.

— Мне недавно стало известно, что ее отец занимается нечистыми делами. Он якшается с самыми неблагородными существами. Я не могу этого вынести.

— Если бы я любил женщину так, как ты любишь Мэри, ее отец мог бы знаться с самим дьяволом — все равно это не повлияло бы на мои чувства.

— Ты не понимаешь...

— Так объясни мне! Как я могу тебе помочь, если ты говоришь загадками?

Эйб чувствовал, что слова готовы сорваться у него с языка.

— Линкольн, можешь мне довериться. Я сохраню любую тайну.

— Когда ты сказал «знаться с дьяволом», то оказался ближе к истине, чем ты думаешь. Я говорил, что он якшается с неблагородными существами, а имел в виду, что... он на стороне зла, Спид. Он дружен с созданиями, которым нет дела до человеческой жизни. Эти

существа прикончат нас с тобой и не почувствуют угрызений совести — им это все равно что слону растоптать муравья.

— Ясно... Ты имеешь в виду, что он дружен с вампирами.

Эйб почувствовал, как у него немеют кончики пальцев.

III

Джошуа Спид всегда отличался от «благовоспитанных мальчиков» из академии Св. Иосифа. Он обожал проказничать. Сыпал шуточками. Спид мечтал о жизни на фронтире, «где люди смелы и свищут стрелы». Ему было невыносимо думать, что придется вести тихую и пристойную жизнь, как у отца. Мальчик хотел иного — пуститься в путь и увидеть мир. Когда ему исполнилось девятнадцать, жажда приключений привела его в Спрингфилд, где он приобрел долю в «А. И. Эллис». Но оформление заказов и учет товара не имели ничего общего с «диким фронтиром», о котором он грезил.

В начале 1841 года (вскоре после «рокового первого января») Джошуа продал свою часть дела и вернулся в Кентукки, и комнатка над магазином оказалась всецело в распоряжении Линкольна.

Прибыл в Фармингтон. Надо поспать.

В августе Эйб поехал навестить семью Спида в поместье в Кентукки (Фармингтон) и наконец отвлечься от своих бед. Он уже много месяцев почти не выходил из дома, боясь наткнуться на Мэри или кого-то из ее друзей, а его имя «на все лады склоняли в спрингфилдских гостиных». Спид написал бывшему соседу и пригласил его погостить «столь долго, сколько необходимо, чтобы позабыть о несчастьях».

Эйб не наслаждался такой свободой уже много лет — и никогда больше не насладится. Он предпринимал неторопливые прогулки верхом по поместью. Ездил в Лексингтон. Прохлаждался на крыльце огромного дома на плантации (он наконец попал в такой дом на самом деле, а не в кошмарах). Если в жизни Фармингтона и был недостаток, так это неизбежные столкновения с рабами. Они были повсюду — в доме и в полях.

Сегодня по пути в город я увидел дюжину негров, связанных, словно рыбы на крючковой снасти. Мне нелегко находиться рядом с ними. Среди них. Не только потому, что неволя представляется мне грехом, но и потому, что они напоминают мне о том, что я желал бы забыть.

Эйб с Джошуа беседовали дни напролет. Они разговаривали о могуществе Британии, о паровом двигателе. И о вампирах.

— Стыдно признаться, но и мой отец имел дело с этими мерзавцами, — говорил Спид. — Их существование — не секрет для людей его положения, к тому же в нашем доме из этого не делали особенной тайны. Отец с моими старшими братьями всячески старались завоевать благосклонность этих господ.

— Выходит, он продавал им негров?

— Обычно старых или больных. Он считал, что разом решает два вопроса: избавляется от бесполезных рабов и заодно извлекает выгоду. Пару раз доводилось продавать молодого парня или женщину с ребенком. За них цена выше, потому что в них больше кро...

— Довольно! Как ты можешь так говорить? Будто это не люди, а скот на бойне!

— Прости, если тебе показалось, что я с легкостью воспринял убийства. Вовсе не так, Эйб. Напротив, именно из-за вампиров я никогда не искал расположения отца и не оплакивал его смерть. Как можно, когда я слышал вопли мужчин и женщин, которые пошли на корм вампирам, лишь бы отец мог набить карманы? Я видел лица этих демонов сквозь щели между досок. Если бы я мог стереть это из памяти... Если бы мог искупить то, что вершилось здесь...

— Так искупи.

Спида не пришлось долго уговаривать. Довольно было упомянуть, что охота на вампиров — дело опасное и захватывающее (как и жизнь на фронтире в его воображении). Я рассказал ему все, что знаю — так же, как ранее Джеку,²⁸ — научил, как и когда бить, устраивал тренировочные бои. Как и Джек, Джошуа оказался весьма нетерпелив. Он очертя голову рвался в бой. Но Джек мог полагаться на свою силу, а хрупкий Спид был совершенно другим. Я пытался объяснить, как крепки и стремительны вампиры, твердил, что он смертельно рискует. Боюсь, он не до конца меня понимал. И все же благодаря его пылу я сам несколько воодушевился при мыслях об охоте.

Эйб предложил дерзкий план — он желал разом убить целых шесть зайцев и при этом не подвергнуть опасности своего неопытного друга. В конце августа Джошуа Спид написал шестерым бывшим покупателям отца, каждый из которых раньше неоднократно приобретал никому более не нужных рабов. Шестерым вампирам.

Назначенный день настал, и меня одолели мрачные предчувствия. Как я мог поступить так безрассудно? Шесть вампиров! У меня совсем неопытный напарник! Если бы у нас было больше времени! Если бы с нами был Джек!

Но отступить было некуда. Шестеро гостей присоединились к Джошуа Спида на тенистой веранде дома надсмотрщика.²⁹ седобородый старик лет семидесяти, молодой парень лет двадцати, остальные четверо — средних лет. Все в темных очках и с зонтиками от солнца.

Спид приказал нескольким неграм собраться неподалеку от дома, «веселиться и петь песни». За голосами и шумом ожидавшие на крыльце не могли расслышать, что происходит в доме. Как мы и договорились, Спид по одному приглашал вампиров внутрь — брал у них деньги и провожал к добыче.

Десять не удержат, пять не словят — я за порог и к Салли...

Но поджидал их я с топором в руках. Как только вампиры заворачивали из коридора в гостиную, я со всей силы (в те дни немалой) отрубал им головы. С первыми пятью все прошло как по маслу. Правда, третьего я уложил только со второй попытки: первый раз топор вошел не в шею, а в голову.

Там досыта кормят и пьяным напоят — я за порог и к Салли...

Последний вампир выглядел моложе всех, но производил впечатление *старожила*. Ему надоело в одиночестве ждать на крыльце, и он зашел в дом без приглашения. К сожалению, в этот самый момент голова одного из его собратьев покатила по полу.

Юный вампир подбежал к лошади, вскочил в седло и умчался галопом.

Спид первым бросился за дверь. Он вскочил на вторую лошадь, прищиприл

²⁸ Когда Эйб переехал в Спрингфилд, Джек Армстронг предпочел остаться в Клэрис-Гроув. Это фактически положило конец их сотрудничеству.

²⁹ Четырехкомнатный дом в поместье Фармингтон, примерно в полумиле от господского дома.

ее и помчался вдогонку, прежде чем я сам успел залезть в седло. Погоня напоминала старомодные скачки — Джошуа мчался как сумасшедший, привстав в стременах и подгоняя лошадь каблуками. Вампир заметил, что преследователь догоняет, тоже привстал и принялся нахлестывать свою кобылу, которая, впрочем, знавала лучшие годы. Спид поравнялся с вампиром и приготовился броситься в бой, не имея при этом даже перочинного ножа, чтобы нанести удар, или камня, который можно было бы кинуть в противника.

Джошуа вытащил ноги из стремян, ухватился обеими руками за луку и выпрямился. Лошади мчались галопом. Спид кинулся на вампира и повалил его на землю. Противники катились по грязи, а лошади мчались дальше. Охотник с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, а солнце било прямо в глаза. Не успел он отряхнуться, как сильнейший удар отбросил его ярдов на десять. Спид судорожно вдохнул и поднес руку к лицу: на левой щеке зияла глубокая рана. Вампир встал над ним, заслоняя солнце.

— Ах ты, неблагодарный щенок!

Он ударил Джошуа в живот, и тот почувствовал, как содрогнулось все его нутро.

— На чьи, по-твоему, деньги куплена эта земля?

Еще удар. И еще. Перед глазами у Спидаплыли цветные пятна, во рту появился странный привкус. Его вырвало.

Вампир сгрел юншу за воротник:

— Твоему отцу было бы стыдно!

— Надеюсь... — сумел выдавить Джошуа.

Вампир уже собирался располосовать Спида горло когтями...

К счастью, как раз в этот момент топор пробил ему грудь.

Вампир повалился на колени, беспомощно хватаясь за обух; изо рта у него полилась кровь. Эйб натянул поводья и спешил, затем поспешно взялся за рукоять топора, уперся ногой вампиру в спину, высвободил оружие — и нанес смертоносный удар прямо по черепу.

— Спид! — Авраам кинулся к другу. — Господи...

— Что ж, — проговорил Джошуа. — Полагаю, для одного дня искупления достаточно.

* * *

Вернувшись, Эйб нашел Спрингфилд «заброшенным и безжизненным». Пребывание в Фармингтоне совершенно излечило его от меланхолии, но «что за прок в хорошем или дурном настроении, если нет друга, с которым можно разделить досуг»?

Мне безразлично, что [отец Мэри] негодяй. Важно лишь то, что я безмерно люблю его дочь. Спид прав: наше скромное счастье важнее всего на свете. Я серьезно обдумал этот вопрос. Пусть даже Генри против. Пусть мне придется столкнуться с последствиями. Я решил заново принести обет, если только она согласится меня принять.

— С какой стати мне выходить замуж за человека, который обрек меня на страдания? — поинтересовалась Мэри у Эйба, когда тот появился в дверях дома ее кухни. — За того, кто бросил меня, не потрудившись даже объяснить?

Эйб уставился на шляпу, которую сжимал в руках:

— Я не...

— За того, кто сделал меня посмешищем для целого города!

— Милая Мэри, я смиренно...

— Скажите на милость, какой такой муж получится из этого человека? Из человека, который в любой момент может снова неожиданно передумать и вновь покинуть меня! Скажите-ка, мистер Линкольн, какой соблазн может вынудить меня довериться такому человеку?

Авраам поднял глаза.

— Мэри, — проговорил он, — если тебе угодно перечислять мои грехи и недостатки, мы можем простоять здесь целую неделю. Я пришел не затем, чтобы дальше терзать тебя. Я явился только для того, чтобы броситься к твоим ногам и умолять о прощении. Все, о чем я мечтаю, — это прожить с тобой до конца дней и попытаться заглушить ту боль, которую я причинил тебе за последние месяцы. Если мое предложение тебе не по душе, если ты не испытываешь радости оттого, что я здесь, можешь закрыть дверь и быть совершенно уверена, что больше я тебя не потревожу.

Мэри молчала. Эйб немного отступил, ожидая, что в любой момент у него перед носом захлопнется дверь.

— Авраам, я все еще тебя люблю! — вскричала девушка и бросилась ему в объятия.

После возобновления помолвки Линкольн не терял времени. Он купил (разумеется, в кредит) два золотых обручальных кольца в спрингфилдской ювелирной лавке Четтертона. Они с Мэри решили сделать на внутренней стороне колец простую надпись: «Любовь вечна».

Авраам Линкольн женился на Мэри Тодд дождливым пятничным вечером, 4 ноября 1842 года, в доме Элизабет Эдвардс (кузины новобрачной). Свидетелями их клятв стали без малого три десятка гостей.

После церемонии, пока накрывали на стол, мы с Мэри уединились в гостиной, чтобы в тишине насладиться первыми мгновениями семейной жизни. Мы обменялись нежными поцелуями и с некоторым удивлением смотрели друг на друга, настолько необычно для нас было состоять в браке. Необычно и прекрасно.

— Милый мой Авраам, — наконец проговорила Мэри. — Больше никогда не оставляй меня!

IV

Одиннадцатого мая 1843-го Эйб писал Джошуа Спиду:

Спид, какое счастье я испытал за прошедшие месяцы! Моя жизнь — просто чудо. Мэри — самая преданная и заботливая жена, о какой только можно мечтать. И я рад, Спид, очень рад сообщить тебе, что она ждет ребенка! Мы оба вне себя от счастья, а Мэри уже начала готовить дом к появлению малыша! Из нее получится отличная мать! Пожалуйста, немедленно ответь мне, я хочу знать, как продвигается твое выздоровление.

Вечер 1 августа выдался необыкновенно жарким. Воздух из открытого окна не облегчал духоты в комнатухе Эйба и Мэри на втором этаже таверны «Глоуб». Прохожие с любопытством оборачивались, слышав звуки, которые лились из окна: сначала женские крики, полные боли, а потом — громкий плач.

У меня сын! Мать и дитя пребывают в добром здравии. Мэри держится молодцом. Не прошло и шести часов после родов, а она уже держит кроху Роберта в объятиях и сладко поет.

«Эйб, — окликнула она меня во время кормления, — посмотри, что мы сотворили!». Признаюсь, мои глаза наполнились слезами. Ах, если бы этот миг мог длиться вечно.

Роберт Тодд Линкольн (Мэри настаивала, а Эйб придержал язык) родился всего десять месяцев спустя после свадьбы его родителей.

Я порой смотрю на него несколько часов подряд. Прижимаю его к груди,

слушаю легкое дыхание. Глажу его восхитительные пухлые ножки. Честно говоря, когда он спит, я вдыхаю аромат его волос; я перебираю его пальчики, когда он тянется ко мне. Я его раб и сделаю что угодно, лишь бы заслужить его улыбку.

Эйб со всей страстью приступил к выполнению отцовских обязанностей. Но два десятка лет, наполненных потерями и похоронами, давали о себе знать. Шли месяцы, Роберт рос, а Линкольна преследовал навязчивый страх: он боялся потерять сына, будь то из-за болезни или воображаемого несчастья. В дневнике он принялся делать то, чем не занимался уже много лет, — торговаться с Богом.

Я лишь хочу увидеть, как он вырастет. Как вместе со своей семьей встанет у моей могилы. Больше ничего. Я с радостью обменяю каждый миг собственного счастья на его благополучие. Я готов пожертвовать своими свершениями ради него. Господи, пожалуйста, пусть его не коснется беда. Пусть горе обойдет его стороной. Если Ты должен кого-то покарать — покарай меня.

Эйб мечтал увидеть, как Роберт достигнет зрелости, мечтал сохранить то счастье, которое обрел в браке, и осенью 1843 года принял нелегкое решение:

Я должен прекратить свои танцы со смертью. Мэри нельзя остаться без мужа, а Роберту — без отца. Сегодня утром я написал Генри и известил его, что он больше не может рассчитывать на мой топор.

Минуло двадцать лет сражений с вампирами, и вот теперь пришла пора оставить длинный плащ. После восьми лет службы в законодательном собрании настало время двигаться дальше.

В 1846 году Линкольн был избран в Конгресс Соединенных Штатов от партии вигов.

Глава 8

«Большая беда»

На самом деле, решая, принять что-либо или отвергнуть, надо просто определить, чего тут содержится больше — зла или добра. Лишь немного в нашем мире полностью состоит из добра или целиком — из зла.

Линкольн, из речи в палате представителей 20 июня 1848 г.

I

Когда в конце 1843 года Эйб решил оставить охоту, одно из поручений Генри еще оставалось невыполненным.

Я как бы невзначай упомянул об этом в письмах к Армстронгу и Спиду — и оба они выказали желание взяться за дело (на что я втайне и надеялся). Поскольку мои друзья были все еще новичками в искусстве охоты на вампиров, я полагал, что им удобнее будет работать вдвоем.

Джошуа Спид и Джек Армстронг впервые встретились 11 апреля 1844 года в Сент-Луисе. Если верить письму Спиды (написанному три дня спустя и адресованному Эйбу), отношения у них не заладились.

Как ты и предлагал в своем письме, вчера в полдень мы встретились в таверне на Маркет-стрит. [Армстронг] выглядел в точности как ты описывал, Эйб!

Это не человек, а бык! Шире амбара и не слабее Самсона! Впрочем, ты забыл упомянуть, что он также хам, тупоголовый и недалекий. Прости, я понимаю, что он твой друг, но за тридцать лет жизни мне ни разу не довелось встречаться с более неприятным и задиристым человеком, к тому же лишенным чувства юмора. Совершенно очевидно, для чего ты приобщил его к делу (для того же, зачем в тяжелую повозку впрягают огромного и глупого вола). Но почему ты, с твоим исключительным умом и нравом, довольствовался его компанией — этого мне никогда не понять.

Армстронг ничего не написал о Спиде, но, скорее всего, его мнение было в равной мере нелестным. Богатый и энергичный парень из Кентукки отличался предприимчивостью и болтливостью, то есть именно теми качествами, которые раздражали Армстронга даже в самых крепких мужчинах. Спид же был отнюдь не крепким, а, напротив, хрупким и избалованным — «хлыщом», какого ребята из Клэрис-Гроув запихнули бы в бочку и скинули в Сангамон.

Только из уважения к тебе, мой друг, мы решили забыть о взаимной неприязни и выполнить твое поручение.

Целью охотников был доктор Джозеф Нэш Макдауэлл, известный профессор, декан медицинского факультета в Кемпер-колледже.

Генри предупредил меня о [Макдауэлле]. Он считал доктора «исключительным параноиком». Макдауэлл постоянно носил под одеждой нагрудник на тот случай, если убийца попытается вогнать кол ему в сердце. Я передал его замечание Армстронгу со Спидом и кое-что добавил от себя: «смерть» Макдауэлла, скорее всего, вызовет в Сент-Луисе переполох, так что во время поисков следует держаться в тени и по возможности не расспрашивать о местонахождении доктора. Иначе они рискуют навлечь на себя чудовищные последствия.

Армстронг со Спидом сделали все ровно наоборот.

Апрельским утром невольные товарищи стояли на углу Девятой улицы и Серр-стрит. Они оделись в подозрительные длинные плащи, под которыми явно что-то скрывалось, и спрашивали каждого, кто входил в четырехэтажное здание медицинского факультета:

— Сэр, вы не подскажете, где можно найти доктора Джозефа Макдауэлла?

Наконец нас направили в круглый лекционный зал с крутой лестницей. Нашим глазам предстал миниатюрный колизей с длинными рядами и перилами, на которые облакачивались любопытствующие. Лица были подсвечены шипящими газовыми фонарями, расположенными внизу, возле хирургического стола. Все взгляды сосредоточились на бледном человеке с всклокоченными волосами: он вскрывал труп мужчины. Мы присели на самом верхнем ряду и наблюдали, как доктор Макдауэлл вырезал у трупа сердце и выставил его на всеобщее обозрение. «Забудьте про поэтические образы, — заговорил он. — Предмет, который я держу в руках, чужд любви или отваги. Он знает лишь ритмичные сокращения.

Макдауэлл несколько раз сжал сердце рукой: «У него одно-единственное, прекрасное предназначение: поставлять свежую, насыщенную кровь в каждую частицу человеческой плоти».

Вампир преподает анатомию людям! Эйб, ты можешь себе представить? (Честно говоря, его наглость меня даже восхитила.)

Он принялся дальше препарировать труп и демонстрировать остальные органы — один за другим, пока тело не начало напоминать выпотрошенную рыбу. (Армстронг ощутил слабость в коленях, я же, напротив, восхищался происходящим.)

Лекция закончилась, раздалось «вежливое постукивание тростей по перилам», студенты направились к выходу — все, кроме двоих. Доктор торопливо собрал свои бумаги, инструменты, «быстро нырнул в небольшую дверку в задней части „сцены“ и исчез». Армстронг и Спид последовали за ним.

В кромешной тьме мы спускались по узкой каменной лестнице, ощущая шероховатые влажные стены, пока наконец не наткнулись на какую-то гладкую поверхность. Я чиркнул спичкой о каблук, и огонь высветил черную дверь с золоченой надписью: «Дж. Н. Макдауэлл, доктор медицинских наук, частное владение». Я вытащил пистолет, Армстронг — арбалет. Спичка погасла. Мое сердце усердно выполняло свое «единственное, прекрасное предназначение» — ведь мы знали, что по ту сторону тьмы нас поджидает вампир.

Спид взялся за дверную ручку и тихонько приоткрыл дверь...
Свет.

Нашим глазам предстала длинная комната с высоким потолком и гладкими стенами. Где-то над головой тянулся ряд небольших окошек, через которые проникал мягкий вечерний свет и виднелись ноги прохожих. Справа на столе стояли клетки с крысами, стеклянные сосуды и серебристые инструменты. Впереди на каменной плите лежало, кажется, тело, прикрытое белой простыней. А слева, Эйб, слева... По всей длине комнаты на узких полках, расположенных друг над другом на расстоянии семи-восьми футов, покоились обнаженные трупы.

Мы попали в морг.

Я думал, что доктор будет нас поджидать, что он сразу кинется на нас... Но его и след простыл. Мы с Армстронгом медленно приблизились к плите, держа оружие наготове. Только теперь я заметил темные стеклянные трубки у нас над головой: они тянулись от тел слева направо, к сосудам. Только теперь понял, что по трубкам течет кровь, которую снизу подогревает ряд небольших газовых плиток.

Только теперь увидел, что грудь у «трупов» вздымается с каждым вдохом.

Тогда-то, Эйб, я осознал весь ужас происходящего. Нас окружали живые люди, сложенные на полки, будто книги в библиотеке. У них едва хватало места, чтобы вздохнуть. Их кормили прямо через отверстия в желудках... И высасывали их кровь. Эти люди не могли умереть, но они были не в силах пошевелиться. Их захватило в плен создание, которое теперь насвистывало в соседней комнате.

Вампир насвистывал... Мыл руки. Готовился, без сомнения, прикончить какого-то несчастного, который все еще дышал под белой простыней.

Тут-то нам в голову и пришла одна мысль.

Макдауэлл вернулся: он надел фартук и принес на подносе хирургические инструменты. Посвистывая, он разложил свои принадлежности и откинул простыню. Это не тот человек.

Армстронг резко сел и разрядил арбалет мерзавцу в сердце — в сердце, Эйб! Стоит ли говорить, что стрела со звоном отскочила — тупоголовый бык забыл про нагрудник!

Ошибка дорого нам обоилась, Эйб. Макдауэлл отбросил притворство и обнажил клыки. Джек услышал, как что-то упало на каменный пол. Он посмотрел туда, где только что находился его арбалет, но не увидел ни оружия, ни своей руки. Он побледнел: из запястья хлестала кровь, а оторванная кисть валялась на полу.

От воплей Джека могли бы проснуться даже полумертвые жертвы на полках.

Мне пришлось выскочить из укрытия и выстрелить вампиру в голову. Но не стоило полагаться на дрожащие руки. Пуля прошла мимо кровопийцы и попала в его драгоценные стеклянные сосуды! Эйб, вообрази, какой раздался грохот! На каменный пол хлынули потоки крови. Я чуть не утонул. Система оказалась настолько хрупкой, что от одного выстрела разлетелись все трубки под потолком, и мне на голову пролился кровавый дождь.

«Нет! — закричал Макдауэлл. — Ты все погубил!»

Не помню, как он кинулся на меня. Знаю только, что вампир отшвырнул меня на полки с телами так сильно, что я сломал правую ногу. Страшнее боли мне испытывать не доводилось — даже тогда, когда вампир избивал меня в Фармингтоне. Мне было холодно. Помню, что Макдауэлл (точнее, целых два Макдауэлла, поскольку от удара у меня двоилось в глазах) приблизился ко мне. Я беспомощно лежал и не мог подняться. Пол весь покрылся кровью. Помню, что мне в голову пришла странная, забавная даже мысль, что покойницкая — вполне подходящее место для гибели, не хуже любого другого... Сверху лилась теплая жидкость... Я чувствовал ее вкус... И тут Макдауэлл неожиданно схватился за лицо.

Наконечник стрелы вышел у него под правым глазом! Древко торчало из затылка. За спиной вампира стоял тупоголовый бык и сжимал арбалет в трясущейся здоровой руке.

Лицо вампира было залито противоестественным количеством крови (что удачно дополняло и без того чудовищную сцену). Макдауэлл испугался и сбежал.³⁰

Слава богу, мы находились всего в двух шагах от лучшей больницы в Сент-Луисе. Мы с Армстронгом помогли друг другу вскарабкаться по ступенькам (я опирался на здоровую ногу и нес его отрезанную руку). Оба мы с головы до ног перепачкались в крови двух десятков людей.

Хирурги сумели спасти Джеку жизнь, Эйб, но он навсегда лишился руки. Смерть подошла к нему близко, ближе, чем он согласится признать. Его выручила сила. Сила да еще молитвы, которые ты, без сомнения, обращал к Богу. Я останусь с Армстронгом, пока он не поправится (хоть он и отказывается со мной разговаривать). Мне сказали, что нога восстановится и даже если я и буду хромать, то совсем немного. Друг, не печалься из-за верного Спида — он почитает себя самым везучим дураком на земле.

II

Третьего августа 1846 года Эйба избрали в палату представителей Соединенных Штатов. В декабре 1847-го, спустя почти полтора года после выборов, Авраам с семьей прибыл в Вашингтон, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Линкольны заняли комнатку в пансионе миссис Спригг.³¹ Теснота усугублялась наличием четвертого члена семьи.

³⁰ От краткого столкновения паранойя Макдауэлла только окрепла. Он оставил Кемпер и основал собственный Медицинский колледж на углу Девятой улицы и Грэтиот-стрит. На крыше здания он установил пушки, кроме того, на случай нападения держал под рукой целый склад мушкетов. Известно, что Макдауэлл служил в войсках конфедератов, затем его имя исчезло со страниц истории. В Сент-Луисе говорят, что в здании, где располагалась школа, бродит его призрак, хотя свидетельств о смерти хозяина не сохранилось.

³¹ Скромное двухэтажное здание, находившееся на том месте, где теперь расположена Библиотека Конгресса.

Благословение вновь осенило нас: 10 марта [1846 г.] у нас родился мальчик, Эдвард Бейкер, такой же смешливый негодник, как и Боб (хотя характер у него, кажется, мягче). Хоть Эдди и родился вторым, люблю я его ничуть не меньше. Его улыбка совершенно покоряет меня. Я щечочу ему пальчики на ногах, чтобы рассмешить... Нюхаю его волосы, когда он спит... Прижимаю сонного малыша к своей груди. Эти мальчишки вертят отцом как хотят!

На этот раз Эйб не боялся, что сын заболеет или умрет. Он не торговался с Богом (по крайней мере, в дневнике об этом ничего не сказано). Быть может, он уверился в собственных силах. А может, попросту был слишком занят, чтобы переживать. Авраам продолжал следить за процветающей адвокатской практикой в Спрингфилде, приспосабливался к жизни в новом городе и к учатившемуся ритму политической активности. Он занимался чем угодно, кроме охоты на вампиров.

Письма [от Генри] приходят каждый месяц. Он просит меня хорошенько подумать. Убеждает снова взяться за его поручения. Каждый раз я отвечаю одной и той же простой истиной: я не хочу оставить жену без мужа, а детей — без отца. Если я и впрямь призван освободить людей от тирании, объясняю я, то должен сделать это в духе старинной пословицы про перо и топор. Мой топор сделал свою работу. В дальнейшем я собираюсь полагаться на перо.

Вашингтон во всех смыслах разочаровал Эйба. Он ожидал увидеть сверкающую столицу, населенную «лучшими умами на службе у избирателей». Однако его встретили «несколько светил в тумане посредственностей». Что же до мечты о жизни в большом городе... Вашингтон, в отличие от Нью-Йорка или Бостона, оказался больше похож на Луисвилль и Лексингтон, хотя и здесь встречались порой чудеса архитектуры. «Пара дворцов посреди прерии», — говаривал Эйб. Строительство монумента Вашингтона еще не началось. Впрочем, ни его, ни Капитолий, не успеют завершить при жизни Линкольна.

Эйба огорчало также огромное количество рабов в столице. Они работали в пансионе миссис Спригг, где Авраам остановился с семьей. Их продавали на улицах, по которым он ходил. Рабов держали в клетках на месте будущей Национальной аллеи, там, где однажды вечное пристанище найдет гигантская статуя самого Линкольна.

Вид из окон Капитолия напоминает платные конюшни. Толпы негров пригоняют сюда, держат некоторое время и наконец развозят по южным рынкам, будто табун лошадей. Людей заковывают в цепи и продают! Здесь, в тени того самого здания, которое было основано во имя идеи «все люди созданы равными»! С криками «дайте мне волю иль дайте мне смерть»! Такого не снести ни одному честному человеку.

Как-то Эйб предложил в Конгрессе билль о запрете рабства в округе Колумбия. Он составил документ таким образом, чтобы «рабовладельцам он не показался слишком жестоким, а аболиционистам — излишне мягким». Но конгрессмен, избранный на свой первый срок, как бы умен он ни был, ничего тут поделать не мог. Билль так и не вынесли на голосование.

Несмотря на законодательные неудачи, Авраам Линкольн производил в залах Конгресса определенное впечатление, и не только благодаря своему росту. Современники называли его «долговязым и нескладным», а также писали, что брюки «были ему коротки чуть ли не на шесть дюймов». Линкольну еще не исполнилось и сорока, но многие демократы (и многие товарищи по партии, виги) прозвали его «Старым Эйбом» за «потрепанный вид и усталый взгляд».

Как-то вечером, когда Мэри купала мальчиков, я поведал ей обо всем, что

меня тревожило. «Эйб, — сказала она без малейшего колебания, — возможно, в Конгрессе и найдутся мужчины вдвое красивее тебя, но ни одного, кто обладал бы хоть половиной твоего ума».

Я счастливейший из людей.

Но неллицеприятные прозвища волновали его меньше всего. Через несколько дней после того, как Эйб приступил к выполнению своих обязанностей, он записал в дневнике:

Стоит только пройти из одного конца палаты в другой, и непременно услышишь разговоры о вампирах! Никогда прежде я не слышал, чтобы этот предмет обсуждали так часто и обширно! За долгие годы я привык считать себя хранителем темного секрета, от которого следует оберегать жену и родных. Но здесь, в коридорах власти, моя тайна известна всем. Среди делегатов нередко пересуды о «проклятых южанах» и об их «черноглазых друзьях». За обедом перебрасываются остротами — даже [сенатор Генри] Клей³² отпускает шуточки! «Почему Джефф Дэвис носит высокий воротник? Чтобы спрятать следы от укусов на шее». Должно быть, в насмешках есть доля правды, потому что мне не приходилось еще слышать о конгрессмене-южанине, который бы не защищал интересы вампиров, не сочувствовал их делу или не боялся возмездия. Что до моего собственного общения [с вампирами], я намерен хранить молчание. Я более не желаю вспоминать эту часть моей жизни — будь то на деле или в беседе.

* * *

Эйб проснулся от звука разбитого стекла.

Двое мужчин влезли в нашу комнатку на втором этаже через окно. Я не держал пистолета под подушкой. Подле постели не оказалось топора. Не успел я вскочить, как один из них ударил меня в лицо с такой силой, что затылком я проломил изголовье.

Вампиры.

Я попытался собраться с силами, но один из мерзавцев схватил Мэри и зажал ей рот, чтобы заглушить крики. Второй вытащил Боба из кровати, и оба негодяя скрылись тем же путем, что и пришли, — через окно, прямо на улицу. Я вскочил на ноги и бросился в погоню. Не колеблясь, я выпрыгнул из окна, попутно порезавшись об осколки. Я бежал по темным, безлюдным улицам Вашингтона. Где-то впереди раздавались крики Боба. Я мчался и ощущал доселе неизведанный страх. И ярость.

Я догоню вас и разорву на куски.

На глаза навернулись слезы... Я стонал... Болели поврежденные мышцы ноги. Квартал за кварталом, повернуть, еще раз повернуть — вслед за криками Боба. Его голос становился все тише, а я все больше слабел. Я рухнул и зарыдал при мысли о сыне — о беспомощном малыше, которого вампиры утащили во тьму, в ту тьму, где его не спасет даже родной отец.

Эйб с трудом поднял голову — и с удивлением понял, что оказался прямо напротив пансиона миссис Спригг.

³² Семидесятилетний основатель партии вигов, старый политик, кумир Линкольна.

Теперь... Теперь мне в голову пришла ужасная мысль, и страх накатил с новой силой.

Эдди...

Я бросился вверх по лестнице к нам в комнату. Тишина... Пустые кровати... Разбитое окно... Занавески дрожат на ветру... Колыбелька Эдди у дальней стены. Отсюда я ничего не мог разглядеть. Не мог заставить себя заглянуть в колыбель. А если его нет?..

Прошу тебя, Господи...

Как я мог бросить его? Как мог забыть топор? Нет... Нет, не могу смотреть. Я стоял в дверях и плакал, потому что знал, что мое сердце мертво — как и сердца остальных.

А потом — слава богу! — он заплакал. Я бросился к колыбели, чтобы прижать сына к груди. Но когда заглянул в кроватку, то увидел, что белые простыни пропитались кровью. Не кровью Эдди, нет! В колыбели я увидел демона. Он покоился на окровавленных простынях, в сердце у него торчал кол, а в затылке зияла дыра. Демон неподвижно лежал в кроватке. Из ран текла кровь. Он был мне знаком — одновременно мужчина и ребенок. Пустые глаза без выражения смотрели на меня. Я знал его.

Это был я сам.

Эйб проснулся. Сердце стучало как сумасшедшее. Он повернулся на бок и увидел мирно спящую Мэри. Авраам подошел к мальчикам и удостоверился, что с ними ничего не случилось. Той ночью, прежде чем попытаться уснуть (безуспешно), он записал в дневнике одно предложение:

Этот город — сама смерть.

III

Февральским вечером 1849 года Эйб разделил тепло очага миссис Спригг со старым знакомым.

[Эдгар Аллан] По на несколько недель остановился в Балтиморе. Мэри с мальчиками уехала в Лексингтон, и я решил, что настало время для встречи.

Все эти годы они периодически переписывались. Эйб хвалил стихи По, тот поздравлял Линкольна с победами на выборах. Но сегодня впервые за долгое время они оказались лицом к лицу — и говорили только о вампирах.

Я поведал По о Генри, об охоте и чудовищной правде, которая мне открылась. Мой гость рассказал о своей неизменной одержимости вампирами. Недавно он познакомился с бессмертным по имени Рейнольдс и теперь близок к раскрытию какого-то «зловещего заговора». По говорит уверенно и с большой увлеченностью, но его словам трудно верить, потому что они произносятся человеком, которого едва ли можно назвать трезвым. Он устал. Состарился от виски и неудач. Годы, прошедшие с нашей последней встречи, не пощадили его. Его любимая жена оставила наш мир, а успех не принес богатства.

— Людей держали на пороге смерти! — воскликнул Линкольн. — Их заперли в

подвале, словно бочки, а драгоценную кровь подогревали на газу! Неужели нет предела вампирским злодеяниям?

По улыбнулся и сделал еще один глоток.

— Я полагаю, ты слыхал о Кровавой графине? — спросил он.

По лицу Эйба стало ясно, что ответ будет отрицательным.

— Ничего себе! — удивился По. — При всех твоих рыцарских замашках и погонях за вампирами? В таком случае, пожалуйста, удели минуту внимания моему рассказу: эта женщина — моя любимица, к тому же значимая фигура в истории нашей страны.

Эржебет Батори была жемчужиной венгерской знати. Красавица, и вдобавок безумно богата. Одна лишь беда: Эржебет делила постель с нелюбимым мужчиной, которому была обещана еще с двенадцати лет. Впрочем, граф Ференц Надашди обожал супругу и потворствовал любому ее капризу. Он, правда, не знал, что любимым капризом Эржебет являлась темноволосая и белокожая девушка по имени Анна Дарвулия. Они стали любовницами. Известно, когда именно...

— Две женщины и — любовницы?

— Незначительная деталь. Известно, когда именно Эржебет узнала, что Анна — вампир, или же когда сама сделалась вампиршей, но они намеревались провести вдвоем целую вечность. После загадочной кончины графа в 1604 году любовницы начали заманивать молоденьких крестьянок в Чахтицкий замок, обещая им работу и деньги для голодающих семей. В действительности девушкам предстояло стать игрушками для высших существ, лишиться крови и самой жизни. Эржебет с Анной за три года убили более шестисот девиц.

— Господи...

— Да, но что еще хуже, обе, похоже, гордились тем, что изобретали самые жуткие, самые унизительные, самые болезненные способы убийства. Крестьянок пытали. Высасывали до капли. Пожирали на протяжении нескольких дней. Подвешивали на крюках за руки и за ноги. Эржебет с Анной ложились на пол и с помощью ножичка делали надрезы на коже несчастных, чтобы кровь по капле стекала вниз, а сами в это время занимались любовью. Некоторых девушек подвешивали на некое подобие распятия: руки приколачивали к деревянной...

— Довольно, По, прошу тебя. Это уж слишком.

— Наконец крестьяне не выдержали и взяли замок штурмом. Внутри они отыскивали подвал с железными клетками, где сидели полумертвые жертвы, у которых из рук и живота были вырваны целые куски плоти. Некоторых девушек держали над огнем, пока их лица и руки не обгорели до кости. Но вампиров в замке не оказалось. Провели судебный процесс, пару невинных женщин сожгли на костре, чтобы удовлетворить крестьян, но настоящие Эржебет Батори и Анна Дарвулия исчезли без следа. Кошмары, Линкольн... Сколько кошмаров они создали за столь короткий срок... Мастерство и изобретательность, с которыми они убивали... В этом есть свое очарование. Ими волей-неволей восхищаешься.

— Чудовищно, — проронил Эйб.

— Думаю, жизнь научила тебя, что один и тот же предмет может одновременно быть прекрасен и чудовищен.

— Ты обещал рассказать про значимую фигуру в истории нашей страны. Скажи на милость, в кошмарах кроется урок или же ты просто решил поиздеваться над старым другом?

— Урок, друг мой, в следующем: в какой-то степени именно Эржебет Батори несет ответственность за то, что в Америки появились вампиры.

Теперь Линкольн всецело обратился в слух.

— История о зверствах разлетелась по всей Европе, — продолжал По. — Поговаривали о вампирше по прозвищу Кровавая графиня и о сотнях загубленных ею девушек. За десять лет суеверия, о которых шептались веками, переросли в открытую ненависть. Ни одно событие в истории не порождало такого пыла. Дни, когда вампиров принимали как

неотъемлемую часть жизни, остались в прошлом. Теперь люди осмелились противостоять кровопийцам. От Англии до Хорватии стали появляться охотники на вампиров. Они учились друг у друга и преследовали неупокоенных по всему континенту. Охотники гонялись за вампирами по вонючим сточным канавам и трущобам Парижа. Преследовали их в темных переулках Лондона. Вампиров вынуждали обходиться кровью бродячих собак. Овцы дерзнули охотиться на львов! Жизнь кровососов в Европе сделалась невыносимой. Они жаждали свободы. Свободы от преследований. От страха. И где же они могли обрести эту свободу?

— В Америке.

— В Америке, Линкольн! Америка стала для вампиров раем, где им не приходилось драться за кровь. Здесь в семьях принято рожать по пять, восемь, двенадцать детей. Вампирам полюбили американское беззаконие. Простор. Уединенные деревеньки и порты, кишасшие новоприбывшими людьми. Но больше всего на свете, Линкольн, вампирам полюбили рабы. Ведь здесь, в отличие от любой другой цивилизованной страны, можно было кормиться пьянящей человеческой кровью — и не бояться возмездия!

Когда англичане прибыли на наши берега и попытались вернуть Америку во власть Старого Света, вампиры приняли бой. Они встали под Лексингтоном и Конкордом, сражались при Тикондероге и Мурс-Крик. Некоторые из них вернулись на родину, во Францию, и убедили короля Людовика послать свой флот к нам на помощь. Они такие же американцы, как и мы с тобой, Линкольн. Настоящие патриоты, ведь независимость Америки — залог их выживания.

— Я слышал, как про вампиров говорят в Капитолии, — прошептал Эйб. — Даже там ощущается их присутствие.

— Они повсюду, Линкольн! И их влияние будет только усиливаться, как это происходило в Европе на протяжении многих веков. Сколько это может продолжаться? Сколько еще вампиров переберется на наши берега, прежде чем простые люди заметят их? И что тогда? Неужели ты думаешь, что добропорядочные жители Бостона или Нью-Йорка согласятся обитать бок о бок с вампирами? Полагаешь, все вампиры отличаются таким же добрым нравом, как твой Генри или мой Рейнольдс? Вообрази, Линкольн. Вообрази, что случилось бы с Европой, если бы вампирам некуда было бежать. Как долго львы будут терпеть охотников-овец? Сколько времени пройдет, прежде чем они снова вспомнят львиные повадки?

Эйб пытался представить себе то, о чем говорил По, и картина ему не нравилась.

— Говорю тебе, — продолжал гость, — нас ожидает большая беда...

* * *

Для самого По, во всяком случае, предсказание оказалось пророческим.

Третьего октября 1849 года (менее чем через восемь месяцев после встречи с Эйбом) его нашли на улицах Балтимора — полумертвого, в беспамятстве, в чужой одежде. По препроводили в больницу Вашингтон-колледж, где врачи безуспешно пытались поставить диагноз.

У пациента высокая температура и галлюцинации. Приходя в сознание, зовет какого-то Рейнольдса. Судя по симптомам, мы имеем дело с брюшным тифом, однако стремительное развитие заболевания свидетельствует об иной, глубокой причине. Случай безнадежен.

В воскресенье, 7 октября, в пять часов утра, По неожиданно очнулся. Он пробормотал: «Господи, помилуй мою бедную душу!» — и скончался.

Пятого марта 1849 года пришел конец краткой и непримечательной карьере Эйба в Конгрессе. Он решил не баллотироваться на второй срок.

Место в Конгрессе... не принесло мне радости, на которую я рассчитывал. Все два года я ужасно скучал по жене и маленьким проказникам. В Вашингтоне не найдется ничего, что удержало бы меня здесь хоть минутой дольше.

Линкольн вернулся в Спрингфилд и с головой окунулся в адвокатскую практику. К нему присоединился тридцатилетний адвокат по имени Уильям Г. Херндон (тот самый, который после убийства Линкольна напишет его полную и столь противоречивую биографию). Авраам всеми силами старался скрыть от партнера правду о своем темном прошлом.

Он писал друзьям в поисках клиентов. Выступал на судах по всему Иллинойсу. Играл с мальчиками и подолгу гулял с женой.

Он жил.

Прочь клыки и прочь глаза,
Где чернеет жуть.
Я хочу в покое жить,
Мира я прошу.

Его желанию не суждено было сбыться.

* * *

Эдди Линкольн умер, когда ему было три года, десять месяцев и восемнадцать дней.

Первого февраля 1850 года, всего через несколько часов после смерти сына, Авраам записал в дневнике:

Я потерял своего малыша... Как же я по нему тоскую. В жизни больше нет радости.

Нет причин подозревать, что вампиры имели какое-либо отношение к кончине Эдди. Он болел еще с декабря (вероятно, туберкулезом) и постепенно угас. Мать неусыпно бодрствовала у постели сына и втирала мазь в его тщедушную грудь — но это не помогло.

Мэри не могла допустить, чтобы Эдди умер в одиночестве. Она прижимала к груди его бесчувственное тело и всю ночь качала малыша... пока он не скончался.

Мэри никогда не станет прежней. Она потеряет еще двоих сыновей, но эти утраты не сравнятся с кончиной ее любимого «ангелочка». Три дня после смерти сына она не ела, не спала и постоянно рыдала.

Мэри безутешна. Что ж, все равно я не смог бы найти ободряющие слова. Я написал Армстронгу и Спиду с просьбой приехать. Получил письмо от Генри: он выражает соболезнования и обещает прибыть [в Спрингфилд] не позднее завтрашнего полудня. Не знаю, каким образом ему стало известно о кончине Эдди.

Мальчика похоронили на кладбище Хатчинсонс, в нескольких кварталах от родительского дома.

Всю службу я обнимал Боба и Мэри. Мы плакали. Рядом стояли Армстронг со Спидом, а также наши многочисленные друзья и доброжелатели. Генри остался

в некотором отдалении — он не хотел усугублять горе Мэри или подтверждать ее подозрения.³³ Все же до службы он прислал мне записку, в которой еще раз выражал соболезнования, а также напоминал, что существует и другой выход.

Я мог снова увидеть своего мальчика.

Несмотря на безумное искушение вернуть сына, Эйб прислушался к голосу разума.

Он навсегда остался бы ребенком, ангелочком-убийцей. Мне была невыносима мысль о том, что придется держать его в темноте. Учить убивать ради того, чтобы он выжил. Я не решился ввергнуть сына в ад.

Мэри сочинила стихотворение (возможно, в соавторстве с Эйбом), которое было опубликовано в «Иллинойс джорнал» после смерти Эдди. Последняя строчка высечена на надгробии малыша.

На небесах померкли звезды,
Что ярко освещали путь.
Душа покинула младенца,
Румянец щечкам не вернуть.
И ангел смерти рядом был,
Дитя он за собой манил.

Блестящие шелка волос
На побледневший лоб спадали,
А жемчуга уст и ланит
Господство смерти отмечали.
Господь тебя призвал и сам
Забрал к себе в цветущий сад.

На небе ребенку милее парить
С лирой златой, в драгоценном венце.
Познав благодать, что нам не открыть,
Спасителя славит он в небесном дворце.
Милостью Божьей расцветший цветок
В райском саду свой пускает росток.

Прощай же, о, малютка Эдди,
О, ангел наш, прощай!
Нам не отправиться с тобой
В благословенный край.
В сияющем доме теперь его место,
«Ибо таковых есть Царство Небесное».

Глава 9

Долгожданный мир

Мы купались в щедротах Неба. Долгие годы мы были хранимы, в мире и благополучии. Мы приумножили свое число, богатство и силу,

³³ Мэри не была знакома с Генри Стерджесом и не подозревала о существовании вампиров.

как ни один другой народ. Но мы забыли Бога. Забыли ту милосердную руку, которая хранила нас в мире, умножала наше число, богатство и силу.

Линкольн, из воззвания о Дне всенародного смирения, поста и молитвы 30 марта 1863 г.

I

«Нью-Йорк трибьюн» — понедельник, 6 июля 1857 г.:

ГОРОД СОДРОГАЕТСЯ ОТ ЖЕСТОКИХ СТЫЧЕК

Странные случаи среди массовых беспорядков

Г. Грили

Варварские бои, охватившие за прошедшие два дня большую часть Манхэттена, наконец утихли. По приказу губернатора в воскресенье вечером ополченцы вошли в район Пяти углов и обрушили на агрессоров шквал мушкетных залпов. Этим утром Бакстер, Мулберри и Элизабет-стрит оказались завалены неописуемым количеством тел. Все это — жертвы самого страшного бунта, какой когда-либо случался в нашем городе. Волна насилия зародилась, когда печально известные банды Пяти углов — «Пожарники» и «Дохлые кролики» — схлестнулись со своими врагами, «Деревенинами». По мнению [полиции], убийства начались в воскресный полдень на Байард-стрит, а затем охватили весь район, словно стремительный и необузданный пожар.

Ни в чем не повинным горожанам пришлось забаррикадироваться в домах, пока враждующие бандиты избивали и расстреливали друг друга на улицах. Торговцы смотрели, как гибнут их лавки, а товар бесстыдно растаскивают, воспользовавшись всеобщей суматохой. Одиннадцать прохожих (среди них женщина и ребенок) были забиты до смерти лишь потому, что оказались слишком близко к бесчинствующей толпе.

СТРАННЫЕ СЛУЧАИ СРЕДИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В «Трибьюн» поступили многочисленные свидетельства о «странных» и «невероятных» событиях, которые имели место вечером в субботу и в воскресное утро. Говорят, что люди перепрыгивали через крыши «словно по воздуху» в погоне друг за другом и карабкались по стенам зданий «так же легко, как кошка лезет на дерево».

Один из свидетелей, торговец по имени Джаспер Рубс, утверждает, что наблюдал, как бандит из шайки «Дохлых кроликов» «поднял парня из „Деревенин“ над головой и дошвырнул его до второго этажа [фабрики на Бакстер-стрит], да так сильно, что мог бы проломить кирпичи». Невероятное дело, но несчастный, по словам свидетеля, «приземлился на ноги и ринулся в драку, будто ничего и не произошло».

«А глаза у него, — добавил Рубс, — были чернее сажки».

* * *

Последнее, чем Авраам Линкольн собирался заниматься в начале 1850 года, так это охотиться на вампиров.

Через десять месяцев после похорон одного сына у Эйба с Мэри родился другой. Его назвали Уильям «Уилли» Уоллес Линкольн в честь врача, который до последнего оставался у постели Эдди. 4 апреля 1853-го появился на свет еще один мальчик — Томас «Тэд»

Линкольн. Втроем с десятилетним Робертом братья сплотились в «громкоголосую стайку».

Я пишу эти строки, а Боб тем временем рыдает в соседней комнате, — писал Эйб Спиду в 1853 г. — Мэри выпорола его за то, что он сбежал и не объявлялся. Полагаю, что к тому времени, как я закончу письмо, он снова сбежит и еще долго не объявится.

После смерти Эдди Авраам нечасто обращался к дневнику. Шесть с половиной тетрадей в кожаном переплете хранили свидетельства его борьбы с вампирами. Летопись оружия и возмездия, смерти и потерь. Но те дни теперь остались в прошлом. Прежняя жизнь закончилась. В 1865 году, возобновляя записи, Эйб вспоминал о «недолгом мирном и чудесном времени».

То были хорошие годы. Тихие годы. Я больше и слышать не хотел ни о вампирах, ни о политике. Подумать только, сколько всего я пропустил, пока убивал время в Вашингтоне! Сколько дней из краткой и прекрасной жизни Эдди я упустил! Нет... Больше никогда. Я стремлюсь к простой жизни — вот какую клятву я принес. Семья — вот главная моя забота. Когда я не могу остаться с мальчиками дома, то позволяю им носиться по конторе (полагаю, к вящему ужасу Леймона³⁴). Мы с Мэри предпринимаем долгие прогулки, невзирая на погоду. Разговариваем о наших милых мальчиках, о друзьях, о будущем... О том, как стремительно пролетела наша жизнь.

От Генри писем не было. Он не приезжал ко мне и никак не давал знать, где находится. Порой я думал: возможно, он понял наконец, что я не стану больше охотиться, а может, сам пал от чьего-то топора. Чем бы ни объяснялось его отсутствие, я был рад. Хоть я и испытывал к Генри самые нежные чувства, любая мысль о нем неразрывно связана с самыми кошмарными воспоминаниями.

Эйб тайно сжег свой длинный плащ, покрытый боевыми прорезами. Пистолеты и ножи запер в сундук и закинул на чердак. Топор покрывался ржавчиной. Призрак смерти, преследовавший охотника на вампиров с тех пор, как ему исполнилось девять, наконец отступал.

Призрак вернулся на некоторое время, когда в 1854 году Эйбу передали весточку от друга из Клэрис-Гроув: скончался Джек Армстронг. Вот что Линкольн пишет Джошуа Спиду:

Спид, этот олух погиб из-за лошади.

Старина Джек стоял под зимним [дождем] и тянул упрямую скотину за повод. Почти целый час они проторчали на одном месте. Джек (истинный уроженец Клэрис-Гроув) даже не подумал захватить плащ или позвать кого-нибудь на помощь, несмотря на то, что управлялся одной рукой и к тому же промок до нитки. К тому моменту, как лошадь стронулась с места, Джек уже подхватил смертельную болезнь. Недельку он горел в лихорадке, потом впал в беспамятство и умер. Что за несурзанный конец для крепкого малого, для того, кто выбирался из самых опасных передряг и видел то, что довелось повидать и нам с тобой.

В том же письме Эйб признается, что был «неприятно поражен своей недостаточно глубокой скорбью» после смерти Армстронга. Конечно, Линкольн горевал. Но это было «иное горе», отличное от всеобъемлющего страдания, которое он испытал после кончины

³⁴ В 1852 г. Эйб открыл адвокатскую контору совместно с Уордом Хиллом Леймоном. Леймон играл заметную роль в жизни Линкольна и позднее, во время президентского срока, состоял при нем телохранителем. Как и предыдущий партнер Авраама, он ничего не знал о вампирах.

матери, Энн и Эдди.

Боюсь, что жизнь на грани смерти сделала меня нечувствительным к обоим проявлениям бытия.

Четыре года спустя Эйбу довелось защищать в суде сына Джека Армстронга, парня по прозвищу Увалень, обвиненного в убийстве. Авраам отказался от платы. Он работал без устали, со всем пылом оспаривал доводы обвинения и одержал блестящую победу, добившись, чтобы с молодого Армстронга сняли обвинение.³⁵ Таким образом Эйб отплатил своему дорогому другу.

II

В тот самый год, когда Авраам скорбел о потере старого друга, давний соперник, сам того не подозревая, заставил его вернуться в политику.

Эйб был знаком с сенатором Стивеном А. Дугласом еще с молодости, с тех пор, когда оба они являлись членами законодательного собрания от штата Иллинойс (а еще рьяными поклонниками Мэри Тодд). Хотя Дуглас и был демократом, он уже давно выступал против распространения рабства в тех областях, где этот институт прежде не существовал. Однако в 1854 году он вдруг резко сменил точку зрения и выступил за принятие билля Канзас — Небраска, отменяющего федеральный запрет на распространение рабства. Президент Франклин Пирс подписал закон 30 мая, чем привел в ярость миллионы северян и положил начало долгим разногласиям.

Как ни старался, я не мог сдержать ярость. Злость просачивалась в мой разум, точно вода к корням дерева, пока наконец не захватила все мое существо. Сон не приносил облегчения. Каждую ночь мне снилось море черных лиц. Безымянные жертвы вампиров, рабы зывали ко мне:

«Справедливости! — кричали они. — Справедливости, мистер Линкольн!»

Само существование [рабства] уже оскорбительно. Я знал, что оно порочно вдвойне. Но теперь! Гнойные пальцы рабства должны протянуться дальше на север и на запад! Достать до моего родного Иллинойса! Так не пойдет. Я оставил политику, но когда меня пригласили выступить в дебатах [против Дугласа], я не мог отказаться. Лица ночных призраков не позволили мне ответить «нет».

Шестнадцатого октября 1854-го Линкольн с Дугласом сошлись перед жителями города Пеория, штат Иллинойс. Репортер «Чикаго ивнинг джорнал» описывал свое впечатление от речи Эйба:

Его лицо [постепенно] осветилось гением, а тело начало двигаться в унисон с мыслями. Речь его трогала сердца, потому что шла от самого сердца.

«Я могу только его ненавидеть! — заявил мистер Линкольн о выдвинутом предложении. — Я ненавижу его, потому что само рабство являет собой чудовищную несправедливость».

Мне доводилось слушать прославленных ораторов, которые срывали громкие аплодисменты, но после их речи ни один слушатель не менял своего мнения. Красноречие мистера Линкольна было сортом выше: он мог убедить других, потому что сам верил в то, о чем говорил. «Я ненавижу рабство, ибо оно лишает республиканцев возможности подавать миру пример справедливости! —

³⁵ Некий свидетель утверждал, что стоял на расстоянии ста пятидесяти футов и «при свете полной луны» видел, как Увалень совершил убийство. Эйб предъявил суду календарь, где было указано, что ночь, о которой идет речь, была безлунной.

продолжал он. — Оно дает врагам свободного общества право небезосновательно называть нас лицемерами!»

Слушатели чувствовали, что он верит в каждое свое слово и, подобно Мартину Лютеру, скорее взойдет на костер, чем хоть на йоту поступится своими убеждениями. Преображенный собственным пылом, он представлялся мне древним иудейским пророком, о котором в детстве нам рассказывали в воскресной школе.

Дуглас и его соратники из Конгресса не дрогнули, однако дебаты стали поворотным моментом в карьере Линкольна. Ненависть к рабству (а заодно и к вампирам) вернула его на политическую арену. Талант и красноречие, которые так ярко проявились тем вечером в Пеории, навсегда обеспечили ему место в пантеоне государственных мужей. Речь записали и позже перепечатывали по всему Северу. Имя Авраама Линкольна обрело вес среди противников рабства по всей стране. В грядущие годы все будут вспоминать его пророческие слова: «Разве не может случиться, что соревнование перейдет в схватку и кровопролитие? Разве это не самый легкий способ развязать жестокую битву из-за вопросов рабства?»

* * *

Сенатор Чарльз Самнер лежал без сознания лицом вниз в луже собственной крови на полу Сената.

На аболициониста набросился тридцатисемилетний конгрессмен по имени Престон Смит Брукс, сторонник рабства из Южной Каролины. Он близко к сердцу принял речь массачусетского сенатора, в которой тот двумя днями ранее высмеял дядю Брукса и выступил против рабства, 22 мая 1856 года Брукс вошел в Сенат в сопровождении конгрессмена из Южной Каролины, Лоренса Китта, и подошел прямо к Самнеру, который сидел за письменным столом.

— Мистер Самнер, — заговорил Брукс, — я дважды внимательно прочел вашу речь. Вы клевете на Южную Каролину и на мистера Батлера, который приходится мне родственником.

Не успел сенатор раскрыть рот, как Брукс принялся бить его по голове тростью с позолоченным набалдашником. Каждый удар оставлял глубокую рану. Самнер, ослепший от собственной крови, нетвердо поднялся на ноги и сразу упал. Брукс продолжал избивать бесчувственное тело, пока трость не переломилась пополам. Другие сенаторы в ужасе бросились на помощь, но Китт наставил на них пистолет и выкрикнул: «Отойдите!» Брукс раздробил Самнеру череп и несколько позвонков. Сенатор выжил, но еще три года не мог приступить к исполнению своих обязанностей. Когда жители Южной Каролины прослышали об инциденте, они прислали Бруксу несколько десятков новых тростей.³⁶

Я тверже, чем когда-либо, убежден, что поступил мудро, решив оставить Вашингтон; совершенно убежден, что там меня окружало сборище недоумков, а также уверен, что нас ожидает «большая беда», о которой столько лет назад предупреждал По. Мачты враждебного флота уже показались на горизонте, и с каждой неделей корабли подходят все ближе. Если правы те, кто полагает, что их паруса раздувают ветра войны, то пусть они и сражаются. Мои мальчики в добром здравии. Супруга в превосходном настроении. И мы далеко-далеко от Вашингтона. Я с удовольствием буду произносить речи и послужу своим пером. Но я счастлив. Я понял, что счастье — благородная цель. Я служил своей стране и слишком многое потерял. Прошедшие тридцать лет я оставался рабом вампиров. Так дайте мне пожить на свободе. Дайте насладиться счастьем, которое уготовано мне

³⁶ Брукс скончался через восемь месяцев после нападения.

Господом. Если счастье — всего лишь прелюдия к горестям, так тому и быть. Я хочу немного покоя.

* * *

Вопрос об отмене рабства вызывал горячий отклик как у поборников, так и у противников этого нововведения. Радикальный аболиционист Джон Браун, взбешенный происшествием с Чарльзом Самнером, возглавил нападение на поселение у ручья Потаватоми на территории Канзаса. В ночь на 25 мая 1856 года, всего через два дня после избияния сенатора, Браун со своими людьми зверски убил пять поселенцев, выступавших против отмены рабства. Аболиционисты выволокли людей из домов, зарубили саблями и на всякий случай выстрелили им в головы из пистолета. Нападение положило начало целой цепочке актов возмездия, получившей название «канзасская резня». Стычки продолжались три года и унесли более пятидесяти жизней.

Шестого марта 1857 года Верховный суд подтолкнул страну к расколу.

Дред Скотт, шестидесятилетний раб, уже более десяти лет пытался добиться в суде признания собственной свободы. С 1832 по 1842 год он путешествовал с хозяином, майором армии США Джоном Эмерсоном, по свободным северным территориям и выступал в качестве личного слуги. За это время Скотт успел жениться и завести ребенка (на свободной земле), а после смерти майора в 1843 году попытался купить свободу. Однако вдова Эмерсона отказала и продолжала «сдавать в аренду» его услуги, а заработок класть себе в карман. Друзья Скотта, аболиционисты, в 1846 году посоветовали ему подать в суд на том основании, что он перестал являться собственностью с того момента, как ступил на свободную территорию. Дело, за ходом которого напряженно следила вся страна, рассматривалось во многих судах, пока наконец в 1857 году не дошло до Вашингтона.

Верховный суд вынес решение в пользу вдовы (семь против двух), заметив, что отцы-основатели, когда составляли Конституцию, полагали негров «существами низшего порядка, негодными для общения с белой расой». Следовательно, негры не могут считаться гражданами Соединенных Штатов и, между прочим, не имеют права подавать жалобы в федеральный суд. Человеческого отношения они заслуживают не больше, чем плуг, которым пахут землю.

Для Скотта судебное решение стало тяжким ударом, но оно затрагивало не только личную свободу отдельно взятого раба. В постановлении суда было сказано:

— Конгресс превысил свои полномочия, запретив распространение рабства на определенных территориях. Данные территории также не наделены правом самовольно запрещать рабство.

— Рабы и их потомки (равно освобожденные и нет) не попадают под защиту Конституции и никогда не могут стать гражданами Соединенных Штатов.

— Беглые рабы даже по достижении свободных территорий продолжают являться собственностью владельца.

Сразу после принятия решения по делу Дреда Скотта газета «Олбани ивнинг джорнал» обвинила Верховный суд и президента Джеймса Бьюкенена, который недавно вступил в должность, в участии в некоем «заговоре», направленном на распространение рабства, а «Нью-Йорк трибьюн» напечатала передовицу, выразившую гнев большинства северян:

Где бы ни реял теперь звездно-полосатый флаг, он символизирует рабство и защищает его... Это и есть последний итог. Вот к чему привели все усилия политиков, кровь героев, неустанные труды наших предков, устремления ученых и молитвы добрых граждан! Америка возвращает рабство и лелеет его!

Демократы-южане осмелели: некоторые из них даже хвалились, мол, это решение суда приведет к тому, что «рабов будут продавать прямо в парке Бостон-Коммон». Республиканцы и аболиционисты как никогда ревностно отстаивали свои позиции. Америка распадалась надвое.

Но лишь немногие американцы понимали, какая именно опасность грозит их народу.

III

Третьего июня 1857 г. Эйб получил письмо, написанное знакомым почерком. В нем не содержалось ни вопросов о здоровье и благополучии, ни приветов семье.

*Авраам,
прости, что не писал тебе пять лет. Прости также мою краткость.
Некоторые дела требуют моего неотложного внимания.*

Я буду просить тебя о большом одолжении, Авраам. Просьба может показаться бесцеремонной, принимая во внимание, что тебе пришлось вынести, и сколь мало я могу предложить взамен домашнего покоя и семейного уюта. Поверь, я не решился бы тебя обременять, не будь случай крайним или имей я возможность отыскать другого человека, который был бы в силах совершить то, о чем я прошу.

Я приложил все необходимое для срочного путешествия в Нью-Йорк. Если ты дашь согласие, я просил бы тебя прибыть не позднее первого августа. По приезде ты получишь дальнейшие указания. Если же ты не согласен, я больше тебя не побеспокою. Прошу тебя, впрочем, немедленно сообщить об отказе, чтобы мы имели возможность рассмотреть иную стратегию. В противном случае надеюсь на скорую встречу, мой друг, — и на то, что смогу наконец предоставить тебе объяснения, которые ты давно должен был услышать. Время настало, Авраам.

Всегда твой,

Г.

К письму прилагалось расписание поездов и пароходов, пятьсот долларов и название нью-йоркского пансиона, где была снята комната на имя «Э. Рутледж».

Как меня разозлило [это письмо]! Генри и впрямь был умен. Он утверждал, что ничего не может мне предложить, но каждое слово в письме призвано было разжечь мое любопытство: Генри ругал себя, льстил мне, обещал все объяснить... К тому же имя, на которое в пансионе сняли комнату! Мне придется забросить все дела, оставить семью и проехать тысячу миль, не имея ни малейшего понятия, что именно мне предстоит.

Но отказаться я не мог.

Это злило меня еще больше, чем само письмо, — Генри был прав. Время настало. Какое именно время — этого я не знал. Вся моя жизнь — страдания, охота, смерть — все предвещало что-то большее. Даже в детстве я чувствовал, что течение несет меня по длинной прямой реке и нельзя свернуть. Меня несет все быстрее, берега совершенно безлюдны, а дальше, где-то далеко впереди, мне предстоит столкнуться с неким невидимым предметом. Конечно, я никогда не заговаривал о своем предчувствии из опасения показаться тщеславным (или, что хуже, ошибиться, ведь если бы каждый молодой человек, уверенный в будущем величии, оказывался прав, мир кишел бы наполеонами). Теперь же предмет постепенно обретал форму, хоть я еще и не мог разобрать его очертаний. Если мне предстоит преодолеть тысячу миль, чтобы наконец отчетливо его разглядеть, что ж, я готов. Мне доводилось ездить гораздо дальше по менее веским причинам.

* * *

Эйб прибыл в Нью-Йорк 29 июля. Он не желал вызывать подозрений (или бросать семью без присмотра), поэтому позвал Мэри с мальчиками в «неожиданное» путешествие и пообещал показать им чудеса Нью-Йорка.

Трудно было выбрать худшее время для поездки.

В городе стояло жаркое лето. Два враждующих подразделения полиции еще в мае схлестнулись в кровавой борьбе за право законно властвовать, а преступники тем временем наводнили город: настало счастливое время для грабителей и убийц. Линкольны прибыли в Нью-Йорк всего через три недели после самых страшных беспорядков, тех самых, во время которых свидетели наблюдали «невероятные события». До того Эйбу всего однажды доводилось бывать в Нью-Йорке. Он проезжал здесь по пути на север. Теперь ему наконец представилась возможность по достоинству оценить самый крупный и оживленный американский город.

По рисункам невозможно составить впечатление о нем. У этого города нет конца и края, ему нет равных! Каждая улица продолжается другой, еще более величественной и бурной. Какие огромные здания! Я никогда не видел столько колясок! Воздух звенит от перестука подков по мостовой и голосов тысяч прохожих. Почти все женщины носят черные зонтики для защиты от солнца, так что если кому-либо придет в голову взглянуть на город с крыши дома, то мостовая будет едва видна. На ум приходит расцвет Римской империи. Величие Лондона.³⁷ Мэри просит остаться здесь по меньшей мере на месяц! Как нам иначе оценить этот город?

Вечером 2 августа Эйб встал с постели, оделся в темноте и на цыпочках вышел из комнаты, где спали его родные. Ровно в половине двенадцатого он пересек Вашингтон-сквер и направился на север, как и предписывалось в записке, которую тем утром сунули ему под дверь. Ему предстояло встретиться с Генри в двух милях от начала Пятой авеню, напротив приюта на углу Сорок четвертой улицы.

Я миновал несколько кварталов. Улицы становились все пустыннее и темнее. Величественные здания и шумные тротуары сменились рядами двухэтажных домов. В окнах не теплился свет. Вокруг было совершенно безлюдно. Проходя через Мэдисон-сквер-парк, я восхищенно воззрился на остов какого-то огромного, незнакомого мне строения.³⁸ Меня поразила абсолютная тишина. Опустевшие улицы. Мне представилось, что я остался один во всем Нью-Йорке, но тут мое внимание привлек стук каблучков по мостовой.

Эйб кинул взгляд через плечо. За ним неотступно следовали трое мужчин.

Как я мог раньше их не заметить? Неужели совсем оглох от старости? Ввиду последних городских происшествий я решил, что лучше всего запутать следы, и направился на юг, в сторону Вашингтон-сквер, назад к безопасному свету газовых фонарей и людным улицам. Генри может и подождать. Какой же я дурак! Я вышел из дома без оружия, хотя прекрасно знал, что в столь поздний час джентльмен рискует наткнуться на грабителей (или кого похуже), а на вмешательство полицейских рассчитывать не приходится. Я мысленно обругал себя и свернул

³⁷ Несмотря на свои размеры, Нью-Йорк в 1857 г. занимал всего четверть площади Лондона.

³⁸ Скорее всего, речь идет об отеле «Пятая авеню», достроенном в 1859 г.

налево, на Тридцать четвертую улицу. Позади слышались шаги, и сердце у меня ушло в пятки. Можно было не сомневаться в намерениях этих ребят. Я пошел быстрее. Они тоже. Только бы добраться до Бродвея, подумалось мне.

Эйб не успел. Преследователи пустились бегом. Авраам кинулся прочь, снова свернул налево и проскользнул между двумя строительными площадками в надежде оторваться.

Я все еще бегал быстро, но [они] оказались проворнее. Я понял, что от погони не уйти, обернулся и встретил преследователей кулаками.

Линкольну было почти пятьдесят. Он уже пятнадцать лет не брал в руки оружия и не ввязывался в драки. И все же он успел нанести каждому из нападавших по нескольку ударов, пока один из них не ударил в ответ. Эйб потерял сознание.

Я очнулся в полной темноте; где-то внизу слышался слабый скрип колес. Я находился в коляске.

«Выруби его!» — приказал незнакомый голос.

Голова взорвалась от острой и краткой боли... Я увидел все краски вселенной, все ее величие... А потом провалился в пустоту.

— Мне очень жаль, — произнес знакомый голос, — но мы не можем открыть смертному наше пристанище.

Это был Генри.

С меня сняли капюшон, и я увидел, что стою посреди огромного двухъярусного бального зала. Потолок с замысловатым узором раскинулся в тридцати футах над моей больной головой; длинные красные занавеси были задернуты; канделябры тускло подсвечивали окружающее пространство. Позолота на позолоте. Мрамор по мрамору. Тончайшая резьба, изысканнейшая обстановка, деревянный пол, настолько темный и гладкий, что казался черным зеркалом. Роскошнее зала я не видел и, раз уж на то пошло, даже не смог бы вообразить.

За спиной у Генри трое мужчин разного возраста стояли вокруг камина, по-королевски отделанного мрамором. Все они взирали на меня с презрением. Полагаю, это и были те самые преследователи. Перед очагом друг напротив друга располагались два дивана, а между ними — невысокий столик. На столике стоял серебряный чайный сервиз. Огонь отражался в отполированных стенках чашек и отбрасывал странные, завораживающие тени на стены и потолок. На диване слева сидел с чашкой в руке невысокий, худощавый сидящий джентльмен. Я его уже где-то видел... Точно... Но я был настолько сбит с толку, что не сумел его узнать.

Постепенно придя в себя, я заметил, что в комнате находятся еще два с лишним десятка джентльменов: некоторые стояли у меня за спиной, некоторые присели у стены в кресла с высокими спинками. Еще двадцать наблюдали сверху, из темного бельэтажа. Было ясно, что [они] не желают показывать свои лица.

— Прощу. — Генри жестом предложил Эйбу присесть на диване напротив невысокого пожилого джентльмена.

Я не решался и шагу ступить. Наконец Генри (он, видимо, почувствовал, в чем причина моей нерешительности) подал знак моим преследователям, и они отошли от камина.

«Даю слово, — сказал он, — сегодня тебе больше не причинят вреда».

Я принял его обещание на веру и сел лицом к тому самому джентльмену, которого никак не мог узнать. Левой рукой я держался за затылок, а правой опирался на диван, чтобы не упасть.

— Они вампиры, — объяснил Генри, кивнув на троих нападавших, которые сели у стены.

— Это я уже понял, спасибо, — огрызнулся Эйб.

Генри улынулся:

— Мы все вампиры. — Он обвел взглядом зал. — Проклятые кровопийцы. Исключение составляешь лишь ты... да мистер Сьюард.

Сьюард...

Сенатор Уильям Сьюард, в прошлом губернатор Нью-Йорка, активно выступал в Конгрессе за отмену рабства. Ожидалось, что в 1860 году он станет кандидатом в президенты от республиканцев. Они с Эйбом встречались девятью годами ранее в Новой Англии во время кампании в поддержку генерала Закери Тейлора по прозвищу Старый сорвиголова.

— Рад снова вас видеть, мистер Линкольн, — поздоровался сенатор.

Эйб пожал ему руку:

— Взаимно, мистер Сьюард. Взаимно.

— Ты, безусловно, осведомлен о подробностях карьеры мистера Сьюарда? — уточнил Генри.

— Да.

— Тогда тебе известно, что на предстоящих выборах ему прочат победу.

— Разумеется.

— Разумеется... — повторил Генри. — Но скажи-ка, известно ли тебе, что Сьюард прикончил почти столько же вампиров, сколько и ты?

Эйб прикусил губу, чтобы не разинуть рот. *Сьюард, тщедушный книжный червь из высшего общества, — и охотник на вампиров? Не может быть!*

— Вот так открытие! — продолжал Генри. — Открытия как раз и свели нас сегодня.

Он расхаживал взад и вперед перед камином.

— Я пригласил тебя, поскольку мои коллеги пожелали увидеть тебя своими глазами и понять, что я в тебе нашел. Они хотели посмотреть на Авраама Линкольна, о котором я говорю столько лет. Я позвал тебя, чтобы доказать, что ты способен на свершения, которых мы ждем. Они должны были лично оценить твои способности, прежде чем двигаться дальше.

И как же они собираются меня оценивать? По тому, насколько споро я их обезглавлю?

В темноте зазвучал новый голос:

— Мистер Линкольн, я уверен, что мы найдем более приятный способ.

В комнате раздались смешки. Генри вскинул руку, и вампиры притихли.

— В этом нет нужды, — объяснил он. — В ту самую минуту, как тебя принесли в этот зал, они посмотрели в твоё прошлое и увидели твою боль; они заглянули тебе в душу — так же, как я в своё время. Если бы тебя признали недостойным, то не позволили бы находиться в нашем обществе.

— В вашем обществе... — эхом повторил Эйб. — Я всегда думал, что вампиры не заключают союзов.

— Настали трудные времена. Наши враги нашли себе союзников, значит, нам придется поступить так же. Они вовлекли в свои дела живых, выходит, мы должны последовать их примеру.

Генри помолчал.

— Грядет война, Авраам. Не человеческая война, но именно людям придется проливать на ней кровь, ибо им необходимо доказать свое право на свободу. Грядет война... И не кто иной, как ты, должен одержать в ней победу.

Эйб не замечал ничего вокруг — ни вампиров в бельэтаже, ни Сьюарда, ни серебряного сервиза... Он видел только Генри.

— Часть моих братьев, — продолжал тот, — предпочитает оставаться в тени. Они стараются сохранить в себе толику человечности. Нам достаточно изредка питаться и жить в забвении. Мы влачим проклятое, но относительно безобидное существование, а убиваем

лишь тогда, когда голод делается невыносимым. Но есть и другие... Они ведут себя как львы среди овец. Мнят себя королями, а людей почитают за низших существ. С чего же им прятаться во тьме? Зачем опасаться человека? Это противостояние началось, когда Америки не было и в помине. Вампиры не могут примириться. Есть те, кто желает жить в мире, а иные хотели бы заковать всех людей в цепи — разводить их, выращивать и держать в загонах, словно скот.

Не меряй нас одной мерой, Авраам...

— За прошедшие полвека, — говорил Генри, — мы приложили все усилия, чтобы избежать войны. Ты выполнял мои задания, и каждое из них должно было стереть с лица земли тех, кто жаждал приблизить схватку. Такие люди, как ты, Сьюард и другие, отсрочили начало войны. Но мы более не надеемся ее предотвратить. Еще и четырех недель не прошло с того дня, как здесь, на улицах Нью-Йорка, разразилась первая битва.

Странные случаи... Невероятные события...

— Наши враги хитры, — объяснял Генри. — Они выдают свои потребности за потребности Юга. Призвали на помощь смертных, которые не меньше их самих жаждут сохранить рабство. Но эти люди не знают, что приближают свой смертный час, ведь негры — лишь первые из тех, кто окажется поработен. Авраам, если мы проиграем, очень скоро рабами сделаются все мужчины, женщины и дети в Америке.

Эйбу стало дурно.

— Поэтому-то, мой друг, мы не имеем права проиграть. Поэтому мы объединились. Мы вампиры, но верим в права человека. Мы — Союз... И мы нуждаемся в тебе, мой друг.

Часть III Президент

Глава 10 Дом разделившийся

Дом, разделившийся сам в себе, не устоит. Так и наше правительство не может всегда оставаться наполовину рабовладельческим и наполовину свободным. Я не жду, что Союз будет распущен, не жду, что дом падет, но надеюсь, что он не останется разделившимся. Он полностью склонится на одну сторону или же на другую.

Линкольн, из речи на избрание кандидатом от республиканской партии в сенат

16 июня 1858 г.

I

В предрассветный час 23 февраля 1861 года на станцию железной дороги Балтимор — Огайо ввели высокого мужчину в плаще еще до того, как у платформы показался его поезд, и за десять часов до момента, когда ожидалось прибытие этого человека. Он едва касался ногами земли: несколько вооруженных людей торопливо втокнули его в коляску, которая тронулась, едва опустилась защелка на укрепленной двери. За темными занавесями вместе с человеком находились двое охранников. Они держали револьверы наготове, будто ждали, что в любой момент ночную тишину нарушит гром выстрелов. Снаружи, рядом с кучером, сидел еще один мужчина — с черными глазами — и пристально вглядывался в темные улицы Вашингтона в поисках возможной опасности. В гостинице поджидали его собраты. Они должны были удостовериться, что никто не войдет в здание и не выйдет из него без их

разрешения, а ценный груз в безопасности будет доставлен в постель. На крыше напротив гостиницы еще один мужчина высматривал того, кто попытался бы залезть по стене и проникнуть в номер через окно.

Генри Стерджес настоял на беспрецедентных мерах безопасности — и оказался прав...

Именно так избранный президент Авраам Линкольн сумел избежать первого покушения.

* * *

В конце 1857 года, вскоре после возвращения из судьбоносного путешествия в Нью-Йорк, Эйб объявил, что будет баллотироваться в Сенат и составит конкуренцию Стивену Дугласу. Последователи Линкольна не знали, что его решение было продиктовано одним письмом.

*Авраам,
как ты правильно предположил в письме от 13 сентября, мы хотели бы просить тебя выступить против мистера Дугласа. Я полагаю, ты и сам подозревал, что сенатор, как и многие живущие, попал под влияние наших врагов. Не беспокойся об исходе выборов, просто постарайся использовать свой пыл и ораторское искусство для того, чтобы клеймить рабство при каждой возможности. Мы позаботимся, чтобы исход событий оказался благоприятным. Верь в себя, Авраам. Не забывай о своем предназначении.*

Твой Г.

P. S.: Матф. 12.-25 ³⁹

Шестнадцатого июня 1858 года его кандидатура была выдвинута от республиканской партии на выборы в Сенат, и Линкольн произнес речь «О доме разделившемся». Он утверждал, что сенатор Дуглас сделался шестеренкой «механизма», направленного на распространение рабства по всей Америке. Эйб не упоминал о вампирах, однако говорил о «чуждых, неоднозначных и даже враждебных элементах», которые собрались, чтобы сражаться с «гордым и изнеженным» противником с Юга.

С 21 августа по 15 октября Линкольн с Дугласом провели семь дебатов по всему Иллинойсу. На некоторых мероприятиях присутствовало до десяти тысяч зрителей. Записи речей попали в газеты по всей стране и немедленно произвели сенсацию; оба политика очутились под прицелом общенационального внимания. Дуглас пытался выставить Эйба радикальным аболиционистом. Он красочно рисовал собравшейся толпе чудовищные картины: вот освобожденные рабы наводнили Иллинойс, вот на привычных задворках выросли поселения черных, вот негры венчаются с белыми женщинами.

Если вы желаете, чтобы [черные] имели право голосовать наравне с вами, обладали правом быть избранными, входить в число присяжных и выносить приговоры, тогда поддержите мистера Линкольна и партию черных республиканцев, которые выступают за гражданство для негров!

Эйб противопоставил угрюмой обреченности Дугласа простую мораль — ту самую, которой его обучил отец-баптист (в чем он, конечно, не признавался даже самому себе):

Я согласен с судьей Дугласом, что [черный человек] во многих отношениях

³⁹ Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.

не является мне равным: ни по цвету кожи, ни, возможно, по моральным устоям или интеллекту. Но в праве есть хлеб, выращенный собственными руками, и не отчитываться в этом ни перед кем он равен мне, равен судьбе Дугласу, равен каждому смертному.

Эйб, конечно, переживал, что не может говорить о настоящей проблеме — о том, что Дуглас служит существам, которые желают заковать все человечество в цепи.⁴⁰ После дебатов в Чарльстоне (штат Иллинойс) Эйб излил свое разочарование в дневнике:

Сегодня в толпе появились новые лозунги: «Равенство негров аморально!», «Америка для белых!». Я смотрю на людей... Смотрю на этих простаков. Они не имеют ни малейшего понятия, как следовать нравственным устоям, которые сами же исповедуют. Объявляют себя Божьими людьми, но ни в грош не ставят Его слово. Христиане за рабство! Рабовладельцы за мораль! Все равно что пьяница за умеренность. Шлюха — за скромность. Я смотрю, как эти идиоты призывают собственную гибель, и испытываю искушение открыть им всю правду. Как они тогда запоют? Как замечутся? Если бы я мог произнести всего одно слово: «Вампир»! Если бы мог указать на этого жирного коротышку⁴¹ и пристыдить его перед лицом всего сущего! Объявить его предателем! Предателем собственного рода! Если бы можно было увидеть Дугласа и Бьюкенена в цепях, когда они сделаются жертвами той системы, которую так яростно защищают!

Злость (или надежда застать Дугласа врасплох?) привела к тому, что во время итоговых дебатов 15 октября Эйб отпустил несколько почти неприкрытых намеков:

Это противостояние сохранится в нашей стране, когда умолкнет как мой смиренный язык, так и язык судьбы Дугласа. В мире идет беспрестанная борьба между добром и злом. Эти два принципа враждовали от начала времен — и будут продолжать свое противостояние вечно. Я говорю о естественном праве человека и божественном праве царей.

Эйб вдохновлял противников рабства по всему Иллинойсу и другим северным штатам. К сожалению, в 1858 году сенаторов все еще выбирали представители законодательного собрания. Благодаря спрингфилдскому демократическому большинству (или, вернее сказать, сторонникам вампиров) Стивен Дуглас обеспечил себе место в Вашингтоне на ближайшие шесть лет. «Еще шесть лет, — писал Линкольн в дневнике, — мы будем жить по указке вампиров с Юга». Впервые за девять лет на него снова накатила депрессия.

Я подвел всех угнетенных... Не защитил тех, кто взывал о справедливости. Я не сумел оправдать ожидания поборников свободы. Об этом ли предназначении говорил Генри? Неужели я призван проигрывать?

Меланхолия быстро развеялась. Через три дня после поражения Эйб получил короткое письмо от Стерджеса:

Рады слышать, что ты проиграл. Продолжаем двигаться к цели. Ожидай дальнейших указаний.

⁴⁰ Дуглас сотрудничал с несколькими вампирами, которые были причастны к этому замыслу, однако не доказано, что ему было известно о планах союзников.

⁴¹ Эйб имеет в виду Дугласа.

II

За прошедшие годы театр сделался излюбленным убежищем Авраама. Быть может, Эйба влекла туда страсть к искусству повествования; с театром его роднили цветистые, тщательно отрепетированные монологи. Возможно, он чувствовал некоторое сродство с актерами, ведь он и сам испытывал волнение и трепет, когда выступал перед тысячами зрителей. Эйбу нравились мюзиклы, оперы, но в особенности — драматические спектакли (не важно, трагедии или комедии). Ни с чем не сравнимое наслаждение ему доставляли пьесы обожаемого Шекспира.

Непогожим февральским вечером мы с Мэри с особым удовольствием смотрели «Юлия Цезаря». Недавние волнения, связанные с выборами, наконец остались позади. Наш дорогой друг мэр [Уильям] Джейн был так любезен, что предоставил нам свою ложу — все четыре места.

В тот вечер Линкольны отправились в театр с Уордом Хиллом Леймоном (партнером Эйба по юридической конторе) и его женой Анжелиной тридцати четырех лет. По словам Авраама, им показали «превосходное представление с древними костюмами и расписанными декорациями». Все было хорошо за исключением одной оговорки в первом акте:

Я едва удержался от смеха, когда нищий прорицатель предупредил Цезаря: «Ид апреля⁴² берегись!» Я с удивлением (и облегчением) отметил, что никто из зрителей не стал хихикать или выкрикивать правильный текст. Как же актер мог допустить подобную ошибку? Или я ослышался?

Марк Антоний (акт III, сцена г), стоя над бездыханным телом преданного Цезаря, начал самую известную речь в пьесе:

Внемлите,
Друзья, братья, римляне! Не славить
Пришел я Цезаря, а хоронить.
Людей переживают их грехи;
Заслуги часто мы хороним с ними...

Молодой актер с жаром продолжал, а глаза Эйба наполнились слезами.

Я много раз перечитывал эти слова; дивился гению, сложившему их воедино. Но лишь теперь, в устах одаренного юноши, они зазвучали правдиво. Только сейчас я понял их истинное значение. «Вам всем он дорог был не без причины, — продолжал юноша. — Так где ж причина, чтоб о нем не плакать?» Тут он остановился — и спрыгнул со сцены прямо в зрительный зал. Что за странная постановка? Мы заворуженно наблюдали за актером, а он шагнул по направлению к нам — и скрылся за дверью, ведущей в нашу ложу. Меня пронзила внезапная догадка: так вот в чем дело, он собирается обыграть мое появление на спектакле. Я не беспокоился, это уже случалось несколько раз. Такова уж цена известности. Впрочем, меня подобные выходки неизменно приводили в смущение.

Как и опасался Эйб, молодой актер с поклоном появился в ложе. Зрители засмеялись и зааплодировали. Все взгляды теперь были прикованы к актеру, который стоял за спиной у

⁴² В оригинале: «Ид марта берегись» (15 марта), «Юлий Цезарь», акт I, сцена 2. Здесь и далее цитаты из пьесы приводятся в переводе И. Б. Мандельштама. (Прим. перев.)

Линкольна и его гостей. Авраам неловко улыбнулся. Он думал, что знает, как будут развиваться события. Но (к его удивлению и радости) юноша попросту продолжил монолог:

«О разум! — вскричал он. — Видно, ты к зверям бежал, а люди обезумели!» Актер выхватил револьвер откуда-то из-под костюма, прицелился [Анжелине] в затылок и выстрелил. Грохот напугал меня, но я рассмеялся, на мгновение решив, что все это — лишь часть постановки. Но затем я увидел, что ее платье испачкано кусочками мозга, сама Анжелина неловко склонилась вперед, а из раны, из ушей и ноздрей у нее струится кровь, будто вода из источника... Тогда я все понял. Мэри закричала. Внизу началась паника. Зрители отталкивали друг друга, чтобы пробраться к выходу. Я выхватил из-под сюртука нож (после встречи с Союзом я приучился не ходить без оружия) и приготовился схватиться с ублюдком. Леймон тем временем бросился к жене: он приподнял ее голову и все звал по имени, а кровь лилась у него по рукам. Актер наставил пистолет на Мэри, но тут я настиг его. Я ударил ножом, лезвие вошло прямо в мышцу, туда, где соединяются шея и плечо. Он бросил пистолет, так и не спустив курок. Я вытащил нож и хотел снова нанести удар, но не успел: мир завертелся кувырком.

Юноша сбил Эйба с ног и вышиб нож у него из рук. Эйб посмотрел вниз: его внимание привлекла странная пульсирующая боль в левой ноге. Колено было перекручено, а сама нога выгнута — не назад, не вперед, но вбок, каким-то нелепым образом.

Мне сделалось дурно. Леймон заметил мое состояние, оставил жену и бросился в бой. Он наставил пистолет на мерзавца, но не успел прицелиться, как актер ударил его кулаком в лицо с такой силой, что раздробил ему зубы и выбил челюсть из сустава.

Чертов вампир...

Мэри не вынесла зрелища и упала в обморок рядом со своим креслом. Леймон отступил, облокотился на перила и попытался вправить челюсть. Вампир снова выхватил пистолет, прицелился Леймону в голову и выстрелил: осколки черепа посыпались на зрительские ряды внизу. Мой друг погиб. Актер повернулся к Мэри и, не обращая внимания на мои крики, выстрелил ей в грудь. Она так и не очнулась.

Вампир встал надо мной. Я все еще беспомощно лежал на полу. Он направил дуло мне в лоб. Наши взгляды встретились.

На меня смотрел Генри.

— *Sic semper tyrann...*

Выстрел заглушил конец фразы.

Эйб проснулся.

Он сел в постели и закрыл лицо руками, как и тогда, много лет назад, когда увидел, как отец объясняется с демоном. Как в ту ночь, когда Джек Бартс обрек его мать на смерть.

Мэри мирно спала. Мальчики были в безопасности. Эйб тщательно осмотрел весь дом, но не обнаружил взломщиков — ни живых, ни бессмертных. И все же в ту февральскую ночь Линкольн больше не смог уснуть. Сон казался таким реальным. Таким правдоподобным. Воображение рисовало Эйбу каждую мелочь в театре, каждую деталь костюмов и декораций. Он ощущал тошнотворную боль в ноге, видел, как кровь Анжелины стекает на пол. Но, как ни старался, он не мог припомнить те три проклятых слова, которые услышал из уст убийцы за секунду до пробуждения.⁴³

⁴³ Анжелина Леймон скончалась через два месяца после того, как Эйбу приснился этот сон. Причина смерти неизвестна, однако маловероятно, что здесь были замешаны вампиры.

* * *

Вскоре после того, как Эйбу приснился злополучный кошмар, Уильям Сьюард, который, как все ожидали, должен был стать кандидатом в президенты от партии республиканцев на выборах 1860 года, принял весьма неожиданное решение:

Сьюард внезапно уехал в Европу и объявил, что пробудет там по меньшей мере полгода. Близятся судьбоносные выборы — что же означает его отъезд? Разве такой шаг может пойти ему на пользу? Многие приняли [поездку] за свидетельство высокомерия и равнодушия. Я же не спешу высказывать порицание, ибо думаю, что Сьюард отбыл по указанию Союза.

Письмо Генри подтвердило подозрения:

*Авраам,
Наш друг С. отправился с поручением, которое, надеемся, принесет нам поддержку в грядущие месяцы и годы. Теперь настала твоя очередь обратиться всем сердцем к величайшему политическому состязанию.*

Г.

В отсутствие Сьюарда союзники Линкольна должны были обеспечить поддержку в президентской кампании, а сам Эйб — как можно больше бывать на публике. Вечером 27 февраля 1860 года Линкольн произнес в Куперовском союзе в Нью-Йорке речь, которую иные историки считают его величайшим творением за всю карьеру. В тот раз его слушало более тысячи человек.

— Пусть не отвратят нас от долга ни ложные наветы, — провозгласил Эйб, — ни угроза развала правительства, ни темница. Уверуем же, что праведность дела дарует силу, и в веру нашей до конца исполним наш долг — так, как понимаем его.

На следующий день каждая уважающая себя нью-йоркская газета напечатала полный текст, а через пару недель по всему северу разошлись листовки с «куперовской речью Линкольна». Эйб постепенно становился лидером республиканской партии и, уж конечно, был ее самым одаренным оратором.

Тем временем у демократов произошел раскол. Северяне выдвинули кандидатуру давнего соперника Эйба, Стивена Дугласа, а южане поддерживали нынешнего вице-президента, Джона К. Брекенриджа. Отсутствие единства было не случайным. Напротив, оно явилось результатом многолетней деятельности Союза. С самого начала XIX века Генри и его соратники любым способом вставляли палки в колеса своим врагам: они переправляли негров на север по подпольной железной дороге, рассылали шпионов по всему Югу, а в последнее время препятствовали сепаратистским настроениям в законодательных собраниях штатов. Но главный успех ждал их 18 мая 1860 года, на третьем голосовании Национального съезда республиканской партии в Чикаго.

Эйб был в Спрингфилде, когда стало известно, что кандидатом на президентский пост избрали не Сьюарда, а его.

Мне с трудом верится, что я удостоился подобной чести, и в то же время (мои слова в любом случае прозвучат нескромно, так что даже не буду пытаться подбирать их) это вовсе не удивительно. Грядет война. Не человеческая война, но именно людям придется проливать на ней кровь, ибо им необходимо доказать свое право на свободу. И именно я должен одержать в ней победу.

В 1860 году никто не ждал от кандидатов в президенты, что они станут самостоятельно вести кампанию. Соратники и подчиненные произносили за них речи и обеспечивали необходимые связи. Сами кандидаты тем временем спокойно писали письма и приветствовали избирателей. Эйб не видел причин нарушать традицию. Пока его товарищи по партии (включая Сьюарда, который, не выдвинув свою кандидатуру, тем не менее употребил все влияние на поддержку Эйба) колесили по стране и выступали от его лица, кандидат Линкольн оставался с семьей в Спрингфилде. 16 апреля он записал в дневнике:

Каждое утро я иду в контору, по пути приветствую друзей и благодарю незнакомцев за добрые пожелания. Закончив дела, я возвращаюсь домой, играю с двумя младшими мальчиками, затем укладываю их спать и, если погода благоприятствует, совершаю [прогулку] вместе с Мэри. Жизнь прекрасна как никогда, за одним исключением: за нами наблюдают трое вампиров.

Союз (в лице Генри) поручил быстроногим преследователям Эйба охранять его. Теперь эти вампиры стали личными телохранителями Линкольна и поклялись защищать его любой ценой.

Подозреваю, что подобное назначение скорее расстраивает их (впрочем, наверняка узнать невозможно, они редко открывают рот). Несколько раз я в шутку называл их своей «нечестивой троицей», но они даже не улыбнулись. Чертовски серьезные ребята. И смертельно опасные, а потому, полагаю, прекрасно справятся с задачей сохранить меня в живых.

Мэри и детям было сказано, что охранники — «партийные добровольцы», помогающие отпугивать «чрезмерно навязчивых посетителей». Объяснение звучало весьма правдоподобно: Эйб сделался широко известен, поэтому дом Линкольнов круглые сутки осаждали многочисленные доброжелатели и поклонники. И все же с троицей вампиров была связана лишь одна из тайн, которые «старый честный Эйб» скрывал тем летом от жены и своих почитателей...

Линкольн почистил заржавленный топор.

Впервые в жизни ему предстояло расправиться с живым человеком.

*Авраам,
я должен просить тебя об одолжении. Этот человек принадлежит к твоим
соплеменникам, но его все время охраняют двое моих братьев. Не забывай о
предосторожностях.*

Эйб прочитал имя и едва не вскрикнул.

Джефферсон Дэвис

Едва ли в Америке сыскался бы равный ему политик-южанин. Дэвис закончил академию Вест-Пойнт, доблестно сражался во время Мексиканской войны, был губернатором Миссисипи, являлся членом правительства при Франклине Пирсе и дважды избирался в Сенат. Он яростно выступал за сохранение рабства и, как военный министр, лучше всего подходил для того, чтобы возглавить южан в битве с многочисленными и хорошо вооруженными северянами.

Поначалу Эйб ответил отказом.

*Генри,
я немолод, у меня три сына и жена, которая уже оплакала слишком много
могил. Я не желаю причинить ей еще больше горя своей гибелью. Я уверен, что*

среди твоих собратьев есть сотни или даже тысячи тех, кто куда лучше справится с этим поручением. Зачем тебе уговаривать меня, когда мои лучшие годы остались далеко в прошлом?

Пошли кого-нибудь другого.

Твой Авраам

Ответ от Генри пришел срочной почтой всего через четыре дня после того, как Эйб отправил отказ в Нью-Йорк:

Авраам,

трудно провидеть будущее. Мы видим его в ряби на воде — искаженным и в постоянном движении. И все же есть мгновения, когда рябь разглаживается и отражение становится ясным. Той ночью, в Нью-Йорке, Союз увидел одну из таких ясных минут в твоём будущем: тебе предначертано сразить Джефферсона Дэвиса, Авраам. Тебе одному. К тому же не думаю, что тебе суждено умереть во время этого задания. Я чувствую это всем своим существом. Иначе бы я тебя не посылал. Авраам, это должен сделать именно ты. Прошу, измени свое решение.

Всегда твой,

Г.

Аврааму исполнилось пятьдесят два года. Для своих лет он оставался необычайно подвижным, и все же ему было уже далеко до юного охотника, который мог метнуть топор с пятидесяти ярдов и перерубить бревно. Ему требовалась помощь.

Я написал Спида и попросил его немедленно встретиться со мной в Спрингфилде, а затем, хорошенько все обдумав, открыл правду Леймону. Он решил, что у меня «ум за разум зашел» или же я «совсем заврался», когда я в первый раз поведал ему о вампирах и их черных намерениях. Мой компаньон разозлился, но я уговорил одного из «троицы» подтвердить мои слова, что тот и проделал самым впечатляющим образом. Немногим можно доверять в этой войне. Хотя мы с [Леймоном] и не можем прийти к согласию по многим вопросам (включая и не самое мелкое противоречие касательно рабства), он показал себя верным другом. Теперь, когда Джека больше нет, нам просто необходим человек подобного сложения, в особенности учитывая, что Спид не отличается силой, а мне уже немало лет.

Господи... Я чувствую себя как [король] Генрих при Арфлёре.⁴⁴

В июле трое охотников на поезде добрались до округа Боливар, штат Миссисипи, где, как сообщили Эйбу, Джефферсон Дэвис оправлялся от офтальмологической операции. В багаже путешественники припрятали передвижной арсенал из револьверов, ножей, арбалетов и топора, который заново наточили и натерли до блеска. Линкольн, кандидат в президенты, несколько дней выстукивал колья и сооружал новый нагрудник, чтобы носить под плащом. Он уходил в лес и тренировался метать топор в деревья сначала с десяти, а затем и с двадцати ярдов. Он даже извлек на свет старый рецепт и изготовил несколько «мучеников».

Я наказал «троице» оставаться в Спрингфилде и присматривать за моими родными. Поручение не из трудных, заверил я вампиров. В конце концов, мы охотимся на обычного человека. Говорят, он немощен, к тому же наполовину ослеп после операции. Мы со Спидом и Леймоном легко справимся с Дэвисом и двумя

⁴⁴ Речь идет о шекспировском «Генрихе V». Король Генрих произносит перед своими войсками воодушевляющую речь (акт III, сцена 1), которая начинается со знаменитых слов: «Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом!» Цитата дана в переводе М. Н. Бычкова.

вампирами-прихвостнями.

Охотники привязали лошадей на границе земель Дэвиса примерно в час ночи 30 июля. Был понедельник. Сообщники держались подальше от хозяйского дома. Примерно на полчаса они затаились в близлежащем лесу, перешептываясь и выжидая под слабым светом луны, скрытой за облаками.

Перед отъездом из Спрингфилда Эйб получил еще одно письмо от Генри: появились новые сведения. Шпионы Союза сообщали, что Дэвис поселился в спальне на втором этаже с западной стороны дома. Жена, Варина, решила не беспокоить мужа, пока он не излечится, и вместе с двумя маленькими сыновьями и пятилетней дочерью ночевала теперь в смежной комнате. По ночам один вампир-телохранитель обходил участок, пока второй сторожил дом.

Мне показалось странным, что мы не заметили патрульного или же огней в окнах. Однако Генри дал точные указания, а мы проделали неблизкий путь. Об отступлении нечего было и думать. Мы выждали достаточное время, вытащили оружие и прокрались на поляну, в центре которой находился двухэтажный дом. Он был выкрашен в белый цвет (или желтый, я не разобрал в темноте), а крыльцо, как и весь первый этаж, приподнято над уровнем земли на случай, если Миссисипи выйдет из берегов. Я ожидал увидеть у дверей вампира, давно встревоженного отдаленным ржанием наших лошадей и запахом «мученика» у меня в кармане. Но там никого не оказалось. Нас встретила тишина. Мы поднялись на крыльцо, но меня охватили сомнения. В силах ли я справиться с вампиром? Сумел ли подготовить Леймона к схватке с быстрым и могучим противником? Не подведет ли нас Спид? Топор казался тяжелее, чем когда бы то ни было. Даже в детстве было легче.

Эйб тихонько приоткрыл входную дверь. Леймон прицелился, готовый стрелять в вампира, который почти наверняка вот-вот бросится из темноты.

Ничего не происходило.

Мы вошли. Я приготовил топор; Спид вскинул одиннадцатимиллиметровую [винтовку]; Леймон сжимал револьверы. В темноте мы обшарили первый этаж: мебели почти не было, а каждый наш шаг отзывался скрипом половиц. Если наверху Дэвиса и впрямь охранял вампир, теперь он точно был осведомлен о нашем присутствии. Внизу не обнаружилось ни мертвых, ни живых, так что мы повернули обратно к двери и двинулись вверх по узкой лестнице.

Эйб шел первым. Впереди поджидали вампиры — он это *чул*.

Мы шли по ступенькам; я уже воображал себе, как будут развиваться события. Мы поднимемся на второй этаж, тут один вампир выскочит из укрытия и набросится на меня справа. Я развернусь и ударю его топором в грудь, но сам упаду на спину и собою друзей, так что они покатаются вниз по лестнице. Пока мы будем подниматься на ноги, второй вампир нападет на Спида с Леймоном сверху. Леймон перепугается (он ведь впервые вышел на охоту) и примется палить из револьверов. В темноте ни одна пуля не попадет в цель. Придет черед Спида: он выстрелит вампиру прямо в сердце и в голову — и упокоит нашего врага. От шума проснется миссис Дэвис с детьми: они выбегут в коридор в тот самый момент, когда у подножия лестницы я наконец извлеку топор из груди первого вампира и отрублю ему голову. Полуслепой Джефферсон Дэвис нетвердой походкой выйдет на крики, и Спид с Леймоном застрелят его. Мы принесем семье искренние извинения и скроемся в ночи.

Однако когда они наконец поднялись по лестнице, Эйб ничего не обнаружил. Все двери были распахнуты, а комнаты пусты.

Неужели мы попали в другой дом? А может, Дэвис по какой-то непредвиденной и необъяснимой причине встал с постели и отправился в Вашингтон? Да нет же, нет, Генри предоставил нам подробнейшие указания. Мы явились в тот самый дом. В тот самый день и час. Но все пошло не так.

Вампиры... Я их чувствую...

Меня наконец осенило. Ну почему я не доверился своим инстинктам? Зачем вообще сюда поехал? Будь проклят Генри с его рябью на воде! Как я мог вести себя столь безрассудно? Почему стал рисковать жизнью, когда дома у меня трое сыновей? И жена, которая и без того ослабла от горя? Нет... Сегодня я не умру. Я отказываюсь.

— На улицу! — прошептал Эйб. — Выходите и приготовьте оружие! Нас предали.

Мы ринулись вниз по ступеням к входной двери, но она оказалась заперта снаружи. Вокруг застучало дерево: кто-то захлопывал ставни на окнах. По всему дому уже грохотали молотки: теперь нам было никак не вырваться. «Наверх!» — крикнул я.

Но и там ставни были закрыты и заколочены.

— Мы в ловушке! — объявил Леймон.

— Да, — согласился Спид. — Но при прочих равных условиях я предпочту оставаться внутри, с вами, чем очутиться снаружи.

Эйб промолчал. Он знал, что вскоре они почуют запах дыма, а потом ощутят жар пламени, пожирающего стены и половицы. Словно в ответ на его мысли, Леймон вскрикнул: «Смотрите!» — и указал на мерцающий красноватый свет, который сочился сквозь щель под входной дверью.

Выбора не было.

Какие бы опасности ни поджидали снаружи, все же встретиться с ними было лучше, чем сгореть заживо. За рейками ставень заплясали языки огня.

У меня родился план: мы выйдем через дверь и плечом к плечу будем двигаться вперед, пока не доберемся до опушки леса. Я встану в середину, возьму топор и буду отражать любое нападение спереди. Спид с Леймоном будут отстреливаться справа и слева. План был почти наверняка обречен на провал (учитывая, как быстро захлопнулись ставни, дом окружало по меньшей мере с десяток людей, вампиров или же и тех и других), но иного выхода у нас не было. Я вскинул топор и приготовился. «Джентльмены...» — начал я.

Авраам вышиб входную дверь одним ударом топора. В дом хлынули потоки пепла и клубы дыма.

В лицо дохнул огненный жар. Кожа пошла волдырями от ожогов, а одежда чуть не загорелась. Мы попятились. Когда глаза привыкли к ослепительному свету на крыльце, оно уже было полностью поглощено пламенем. Я заметил, что упавшая дверь легла словно узенький мостик. Я задержал дыхание и ринулся вперед: торопливо пробежал по двери, вниз по ступенькам и дальше, на траву. Едва я коснулся земли, как осознал всю тщетность наших усилий. Огонь освещал не менее двадцати человек: некоторые целились из винтовок, другие надели темные очки, чтобы защитить глаза от света. Люди и вампиры сошлись вместе, чтобы лишить нас надежды на побег. Один из смертных, пожилой джентльмен, шагнул вперед и остановился футах в десяти от меня.

— Полагаю, вы — мистер Линкольн.

— А вы — мистер Дэвис.

— Буду крайне признателен, — сказал Дэвис, — если ваши товарищи сложат оружие. Не хотелось бы, чтобы один из моих людей изрешетил вас.

Эйб повернулся к Спиду с Леймоном и кивнул. Они бросили револьверы и винтовку.

— Верзила припрятал пистолет, — сообщил один из вампиров. — И как раз собирается его вытащить.

— Что ж, — ответил Дэвис, — если достанет оружие, можете его убить.

Южанин повернулся к Эйбу:

— И топор, пожалуйста.

— Какая разница, мистер Дэвис, — возразил Линкольн. — Не думаю, что долго проживу, но умереть мне хотелось бы с топором в руках. Мне его подарил отец, когда я был маленьким. Уверен, если я вдруг вскину оружие, один из ваших людей меня пристрелит.

Дэвис улыбнулся:

— Вы мне нравитесь, мистер Линкольн, честное слово. Тоже уроженец Кентукки. Сами всего добились. Вы оратор от Бога, а уж как преданы своему делу! Прodelали весь этот путь — и все для того, чтобы убить одного-единственного человека! Оставили беззащитную семью в Спрингфилде... Нет, сэр, вы достойны уважения. Я мог бы воспевать ваши достоинства до самого утра, но, видите ли, некоторые из моих товарищей не слишком любят солнце, так что мы не располагаем временем. Скажите-ка, — продолжал он, — как вышло, что вы, обладатель столь незаурядного разума, оказались на несправедной стороне в этом сражении?

— Я? — переспросил Линкольн. — Сэр, должно быть, я ослышался, ведь из нас двоих лишь один замыслил свершить злодеяние против рода человеческого.

— Мистер Линкольн, вампиры превосходят людей точно так же, как люди превосходят негров. Видите ли, таков естественный порядок вещей. Полагаю, уж здесь вы со мной согласитесь.

— Соглашусь, что *некоторые* вампиры превосходят *некоторых* людей.

— А я, выходит, ошибся, признав общность этого правила? Разве ошибся я, став на сторону силы в грядущей войне? Сэр, мне не доставляет удовольствия думать о белых людях, заключенных в клетки. Но если исход неизбежен и вампиры должны сделаться властителями людей, так давайте сотрудничать с ними, пока у нас еще есть время. Давайте достигнем договоренности и отдадим вампирам негров и низших представителей нашей собственной расы.

— Вот как, — кивнул Эйб. — А когда крови негров окажется недостаточно, когда истребят всех «низших» представителей нашей расы, скажите-ка, мистер Дэвис, кого тогда станут пожирать ваши «властители»?

Дэвис молчал.

— Америка, — продолжал Авраам, — воздвиглась на крови тех, кто ненавидел тиранию. А вы с вашими союзниками предаете ее прямо в руки тиранов.

— Америка осталась вон там, мистер Линкольн! — Дэвис со смехом указал на север. — Вы теперь в Миссисипи.

Южанин снова шагнул вперед. Он оказался так близко, что, реши Эйб нанести удар, сумел бы задеть Дэвиса топором.

— Давайте говорить откровенно, сэр. Мы оба служим вампирам. Но когда война закончится, я проведу отпущенные мне годы в удобстве и достатке, а вы будете мертвы. Вот и все.

Дэвис на мгновение замер, потом едва заметно поклонился и отступил. Вперед вышли трое смертных с винтовками. Они ждали команды.

— Черт побери, Эйб, — возмутился Леймон, — мы что, так и будем стоять?

— У меня часы... — обратился Спид к палачам, и его голос дрогнул. — От деда достались... Пожалуйста, пусть кто-нибудь передаст их моей жене в Луисвилле.

Это последние мгновения моей жизни.

— Что ж, если мне суждено умереть, — сказал Леймон, — то я умру с оружием в руках.

Он потянулся к пистолету.

— Ребята, — обратился Эйб к друзьям, — простите, что втянул вас в...

Линкольн не успел договорить. Прогремели выстрелы.

Перед моим мысленным взором предстали лица всех тех, кого я любил и кто уже покинул нашу бrenную землю. Я видел моего милого мальчика, крепыша Армстронга, возлюбленную Энн. Сестру и покойную мать. Но минуло мгновение, я открыл глаза и понял, что наши палачи все так же стоят напротив горящего дома, а на лицах у них написано потрясение. Спид с Леймоном оставались по обе стороны от меня.

Мы были живы. А вот нашим противникам не так повезло. Все трое одновременно упали на землю с простреленными черепами.

Случилось чудо.

Чудо звалось Генри Стерджес.

Он вылетел из темноты, а за ним мчались еще одиннадцать вампиров из Союза. Они сжимали винтовки, револьверы — и стреляли прямо на бегу. Несколько южных вампиров окружили Дэвиса и повели его куда-то в сторону, а остальные приготовились к бою с северными собратьями. Один южанин все же не забыл, что казнь осталась незаконченной. Он ринулся ко мне, мощным прыжком преодолел расстояние в двадцать ярдов, оскалил клыки и выпустил когти. За стеклами темных очков поблескивали черные глаза. Я метнул топор: он вонзился в цель, но силы у меня были уже не те, и лезвие погрузилось в тело вампира всего на дюйм или два. Нападающий повалился на спину и воззрился на темные змейки, расползающиеся от длинной раны в животе. Повреждение оказалось несерьезным. Вампир схватил мой топор и снова кинулся в атаку. Я сунул руку под плащ в тщетной надежде нашарить нож, который не носил уже лет двадцать. Бесполезно. Вампир уже был футах в четырех от меня, когда Леймон прицелился через мое плечо и выстрелил: я навсегда частично оглох на левое ухо, зато нападавший получил пулю прямо в лицо.

От револьвера его друга поднимался дымок. Эйб неожиданно ощутил острую боль в подбородке.

Я прижал руку к лицу. [Вампир] ухитрился достать меня моим же топором. Из длинной раны капала кровь, стекала на рубашку, а перед нами в свете пожара схватились вампиры: они совершали невероятные прыжки и бросались друг на друга с такой силой, что земля вздрагивала у нас под ногами.

Я впервые увидел Генри Стерджеса на поле боя. Он бросился на вампира-южанина и отшвырнул его к дереву. Ствол раскололся надвое. Однако противник Генри вовсе не пострадал: он вскочил и яростно замахал руками, словно орудовал двумя мечами одновременно. Генри отбивал удары ладонями, пока, показав себя более умелым «фехтовальщиком», не сумел пронзить противника. Генри проткнул врага распрямленными когтистыми пальцами и выдернул руку обратно, разорвав южанину позвоночник. Мой друг вытащил руку из живота противника, и тот упал на землю, не в силах пошевелиться. Я наблюдал, как Генри свернул вампиру шею и оторвал голову от туловища.

Если простые смертные оказывались между двумя вампирами, их разрывали на куски. От случайных ударов отрывались конечности, кости ломались от силы, с которой сталкивались бессмертные противники. Оставшиеся южане поняли, что

перевес не в их пользу, и торопливо отступили. Несколько вампиров Союза бросились в погоню, остальные, во главе с Генри, двинулись к нам.

— Авраам, — окликнул Эйба Стерджес. — Рад, что ты жив, мой друг.

— А я рад, что ты мертв.

Генри улыбнулся, затем оторвал рукав от своей рубашки и приложил к подбородку друга, чтобы остановить кровотечение. Остальные вампиры тем временем поспешили на помощь к Леймону и Спиду (они были потрясены, но не пострадали).

Шпион-ренегат передал Союзу ложную информацию, чтобы заманить меня в смертельную ловушку. Обман раскрылся, когда мы уже выехали из Спрингфилда. Генри не имел возможности связаться с нами (мы путешествовали под чужими именами), поэтому вместе со своими товарищами скакал два дня и две ночи, чтобы нагнать нас. Он также приказал «троице» укрыть Мэри и мальчиков в надежном месте.

— Ты уверен, что они в безопасности? — уточнил Эйб.

— Я уверен, что они в убежище и находятся под защитой самых хитроумных и сильных моих собратьев, — ответил Генри.

Авраам удовлетворился его объяснением. Он знал, что «троица» серьезно относится к работе.

— Генри... — начал он снова немного погодя. — Я думал, что...

— Авраам, я же тебе говорил. Твое время еще не пришло.

Больше Линкольн никогда не выходил на охоту.

* * *

Шестого ноября 1860 года Эйб сидел в крошечной комнатке спрингфилдского телеграфа.

Выборы приближались. Ко мне стекался нескончаемый поток доброжелателей и прочих посетителей. Когда наконец наступило 6 ноября, я объявил, что не желаю никого видеть, пока голосование не будет окончено. Компанию мне составил лишь молодой [телеграфист]. Если все выйдет так, как запланировали мои соратники, в грядущие годы мне выпадет мало мирных минут.

Впервые в жизни Линкольн отрастил бороду, чтобы скрыть шрам на подбородке.⁴⁵ Борода сообщала ему более представительный вид.

— Ты стал выглядеть более величественно, — заметила Мэри. — Такое лицо в самый раз будущему президенту.

Поначалу Мэри была против того, чтобы я баллотировался. В прошлый раз Вашингтон пришелся ей не по вкусу, к тому же она прекрасно понимала, сколько времени отнимет у меня подобное предприятие. Однако моя кампания пользовалась все большим успехом, и жена постепенно изменила мнение. Подозреваю, что ей льстило внимание моих последователей, которые круглые сутки толпились у наших дверей; лесть богатых супружеских пар, которые заглядывали на ужин; пышные приемы в мою честь. Полагаю, она осознала, какие

⁴⁵ Считается, что Эйб решил отрастить бороду по совету одиннадцатилетней Грейс Беделл. Беделл действительно выдвинула подобное предложение (она утверждала, что «дамам нравятся бакенбарды», поэтому если Линкольн отрастит бакенбарды, за него станут голосовать мужья этих дам), однако Линкольн уже начал отращивать бороду к тому моменту, как получил знаменитое письмо.

светские перспективы открываются перед женой президента Соединенных Штатов.

В тот вторник по телеграфным проводам летели результаты голосования, и постепенно делалось все яснее, что пост достанется Эйбу.

Признаюсь, победа меня не слишком удивила — я был уверен, что Союз обеспечит мне ее, заслуженно или нет.⁴⁶ Из-за этого я не ощущал гордости, какую испытал, когда друзья-солдаты выбрали меня капитаном. Теперь на мне лежала огромная ответственность, а впереди поджидали бесчисленные трудности и невзгоды.

Телеграмма от Генри пришла еще утром, одной из первых, задолго до того, как начался подсчет голосов:

ПОЗДРАВЛЯЮ Г-Н ПРЕЗИДЕНТ
ВСЕГДА ТВОЙ Г

IV

Одиннадцатого февраля 1861 года избранный президент Авраам Линкольн начал свой путь в Белый дом. Отдельный поезд должен был доставить его вместе с семьей, близкими помощниками и личной охраной прямо в Вашингтон.

Поездка выдалась нелегкая.

Всего через месяц после выборов законодательное собрание Южной Каролины проголосовало за отделение от Союза. Их примеру последовало еще несколько южных штатов. Ко дню инаугурации набралось целых семь отщепенцев: Луизиана, Миссисипи, Алабама, Флорида, Джорджия, Южная Каролина и Техас. Эйб бессильно наблюдал, как президент Бьюкенен игнорирует кризис.

[Бьюкенен] продолжает просиживать задницу, в то время как страна разваливается на части. Наш флот переходит к южанам, форты сдаются им, а Союз распадается у нас на глазах. Меня поражает слабость президента. Совершенно очевидно, что он решил пустить кризис на самотек. Я, в свою очередь, жду не дождусь, когда смогу выставить его на Пенсильвания-авеню.

За три дня до того, как поезд выехал из Спрингфилда, самопровозглашенные «лидеры южан» собрались в Монтгомери, штат Алабама, чтобы принять конституцию и объявить об основании американской Конфедерации.

Президентом был избран Джефферсон Дэвис.

* * *

Вампиры из «троицы» день и ночь патрулировали поезд. Официально они числились спрингфилдскими «детективами», которые сами вызвались охранять нового президента. Среди охранников также было двое людей: детектив по имени Алан Пинкертон и старый друг Линкольна, Уорд Хилл Леймон. Последний вызвался сопровождать Авраама исключительно из дружеского беспокойства за безопасность президента. Он принадлежал к тем немногим из нынешнего окружения, кто осознавал всю серьезность нависшей над Линкольном угрозы. В последующие годы служащие Белого дома неоднократно будут

⁴⁶ Вмешательства Союза не потребовалось. Эйб одержал победу без сторонней помощи.

наблюдать, как Леймон обходит территорию после заката или ночует под дверью президентской спальни. Он отличался крупным и крепким телосложением, умело обращался с оружием, был преданным другом. И в его помощи отчаянно нуждались.

По дороге к Вашингтону поезд Эйба должен был совершить остановки по меньшей мере в десяти крупных городах. В каждом из них тысячи (если не *десятки тысяч*) местных жителей рассчитывали увидеть нового президента собственными глазами. Аврааму частенько приходилось произносить импровизированную речь из заднего вагона, стоя иногда всего в нескольких дюймах от многочисленных слушателей. Затем он садился в коляску и прямо со станции ехал на встречу с представителями местных властей, посещал банкеты или наблюдал за парадом, устроенным в его честь. Для охранников программа оказалась сущим кошмаром.

Дни выдались нелегкие. Правда, у мальчиков отличное настроение: они носятся по всему поезду и смотрят в окно. Боб находит путешествие «крайне увлекательным», а Уильям с Тэдом, кажется, ничуть не переживают ни из-за постоянных толп вокруг, ни из-за огромного количества новых лиц. Мэри тоже легко переносит дорогу, хотя головные боли докучают ей теперь особенно часто.⁴⁷

Несмотря на всю оживленность, в поезде явственно росло напряжение. Все пассажиры ощущали давящую атмосферу, однако не решались открыто о ней заговорить.

Кое-кто поклялся, что я не доберусь до Белого дома. Подобные слухи порождают серьезную (и небезосновательную) озабоченность на лицах моих защитников. Впрочем, скажу честно: я все равно сплю как младенец, ведь смерть сопровождала меня с самого детства, и я привык относиться к ней как к старому другу. Разумеется, Мэри весьма встревожена слухами (впрочем, как и многими другими вещами). Пока мальчикам ничего не известно о переполохе, я буду спокоен.

Десять дней поезд без происшествий следовал по Индиане, Огайо, Нью-Йорку, Нью-Джерси и Пенсильвании. Уже начинало казаться, что разговоры о покушении не имеют под собой никаких оснований. Но 22 февраля, в Филадельфии, Эйбу нанес неожиданный визит сын Уильяма Сьюарда, Фредерик. Он передал Линкольну запечатанное письмо:

*Дорогой избранный президент,
наш общий друг хотел бы сообщить вам, что в Балтиморе раскрыт заговор.
Четверо убийц собираются напасть на вас, когда вы будете пересаживаться в
другой поезд на станции Кальверт-стрит, с целью зарезать или застрелить вас.
Наш друг полагает, что вам необходимо владеть этой информацией и принять
все необходимые предосторожности. Искренне ваш,
Уильям Сьюард*

Было решено, что Эйб (в сопровождении Пинкертона с Леймоном) наденет шляпу и плащ, чтобы его не узнали остальные пассажиры, и сядет в другой поезд, который идет через Балтимор прямо в Вашингтон. Пинкертон и Леймон будут вооружены, Линкольн останется безоружным.

Припоминаю, что это решение вызвало бурные споры. Леймон (он знал, что я умело обращаюсь с оружием) настаивал, чтобы мне выдали револьвер и нож.

⁴⁷ Мэри всю жизнь страдала от изнуряющих приступов головной боли (вероятно, мигрени). Многие историки полагают, что они имели прямое отношение к ее знаменитой депрессии. Некоторые даже считают, что у Мэри была шизофрения, хотя теперь это невозможно доказать.

Пинкертон возмущался: «Я не допущу, чтобы будущий президент Соединенных Штатов вступал в столицу с оружием в руках!»

Они чуть не подрались, но тут я нашел компромисс: Леймон взял по два пистолета и ножа, но отдал бы мне оружие только в случае нападения. Мы достигли согласия и приготовились трогаться в путь.

Но планы пришлось изменить, когда Пинкертон обнаружил, что «троица» куда-то подевалась.

[Они] как сквозь землю провалились где-то между Филадельфией и Гаррисбергом, никак не объяснив свое отсутствие. Я отказался бросать Мэри с мальчиками без охраны, поэтому Пинкертон решил остаться с моей семьей, а Леймон по-прежнему должен был сопровождать меня. Телеграфное сообщение между Пенсильванией и Мэрилендом было в то время нарушено, так что заговорщики никак не смогли бы сообщить о нашем отъезде из Гаррисберга.

Сразу после полуночи двадцать третьего числа «тайный» поезд президента проследовал через Балтимор и направился в сторону Вашингтона.

Мы пережили тревожные минуты, пока вагон шел по центру города (кажется, медленнее, чем любой поезд, на котором мне доводилось ездить). Неужели наш план раскрыт? Вдруг в эту самую минуту убийцы готовятся дать залп по поезду из пушки?

Эйбу не стоило беспокоиться. К тому моменту, как поезд ехал вдоль платформы, трое несостоявшихся убийц уже испустили последний вздох, а четвертый как раз умирал.

* * *

На следующее утро возле станции Кальверт-стрит обнаружили расчлененные тела четырех мужчин. В выпуске «Балтимор сан» от 23 февраля говорится:

Двое джентльменов лишились головы. Еще одного зверски избили, до такой степени, что полицейские не сумели определить его возраст или даже расу. Четвертый, по всей видимости, попал под колеса проезжающего локомотива. Свидетели утверждают, что джентльмен невероятным образом прожил еще несколько минут после того, как поезд разделил его надвое. Несмотря на перерезанный позвоночник, несчастный все еще шевелил руками и поворачивал голову. Говорят, что перед смертью он слабо стонал и пытался оттащить оставшуюся половину тела с путей.

Хотя происшествие никогда не обсуждалось, Эйб был убежден, что бойню устроили трое вампиров, его защитники.

V

Четвертого марта 1861 года Авраам Линкольн, необычный мальчик с фермы Синкинг-Спрингз, зеница ока покойной матушки, человек, претерпевший муки Иовы, и один из лучших охотников на вампиров, принес присягу и стал шестнадцатым президентом Соединенных Штатов.

Мы не враги, но друзья. Нам не пристало быть врагами. Хоть страсти и ослабили узы нашей дружбы, им не должно разорваться. Непостижимые струны памяти, что тянутся от каждого поля брани, от каждой могилы, где лежит

патриот, и к каждому живому сердцу и очагу по нашей необъятной стране, еще воспоют Союз, когда их тронут — а это случится наверняка — ангелы прекрасного в наших душах.

Десятки тысяч граждан собрались перед деревянным возвышением на ступенях Капитолия, чтобы услышать речь нового президента. Эти люди не подозревали о самой масштабной в истории акции по обеспечению безопасности. Город окружили войска: они готовились подавить любые протесты или массовые волнения. Платформу, на которой выступал Эйб, охраняли многочисленные полицейские (как в форме, так и в штатском). Они внимательно следили, чтобы никому из зрителей не пришлось в голову достать револьвер или винтовку. Неподалеку от избранного президента, прямо на платформе, находился Уорд Хилл Леймон. Под плащом у него скрывались два револьвера, а за поясом — нож. Вампиры из «троицы» заняли свои места и не спускали глаз с Авраама.

Лишь потом я узнал, что за то время, что я произносил речь, мои соратники бесшумно устранили двоих убийц. В отличие от нападавших в Балтиморе, эти оказались вампирами.

Через пять недель после того, как Эйб приступил к исполнению своих обязанностей, ослабшие «узы дружбы» наконец разорвались.

Конфедераты осаждали форт Самтер, федеральный оплот в Чарльстонской гавани, штат Южная Каролина, еще с января. Южане требовали, чтобы войска Союза (под командованием майора Роберта Андерсона) сдали форт, поскольку он находился на территории Южной Каролины и, следовательно, не являлся собственностью федерального правительства. Эйб из всех сил пытался предотвратить столкновение, однако у Андерсона заканчивалось продовольствие. Оставался единственный способ пополнить запасы: направить военные корабли на территорию Конфедерации.

Мне приходится выбирать из двух зол: либо я позволю нескольким солдатам погибнуть с голоду, либо развяжу войну, в которой, несомненно, погибнут сотни солдат. Как бы я ни бился, третьего пути не отыскать.

Линкольн принял решение послать корабли. Первый из них достиг Чарльстонской гавани 11 апреля. На следующее утро полковник армии Конфедерации, Джеймс Честнат-младший, отдал приказ обстрелять форт.

Прогремел первый выстрел Гражданской войны.

Глава 11

Потери

Сограждане! От истории не уйти. Нас, представителей Конгресса и администрации, запомнят, хотим мы этого или нет. Ни личная значимость, ни личная незначительность не спасут нас от этой участи. Огненное испытание, которое нам суждено пройти, осветит наши силуэты, и, в чести или бесчестии, они предстанут глазам грядущих поколений.

Линкольн, из послания Конгрессу
1 декабря 1862 г.

I

Третьего июня 1861 г. Стивена А. Дугласа нашли мертвым на лестнице собственного

дома в Чикаго.

Только что узнал ужасные новости. Хотя подробности еще неизвестны, я не сомневаюсь, что в деле замешаны вампиры, как и в том, что в его смерти отчасти виноват я сам.

Официально было объявлено, что причиной смерти послужил «брюшной тиф», хотя никто из друзей Дугласа не припомнил, чтобы он чувствовал какое-либо недомогание. Тело перевезли в Госпиталь милосердия, где молодой чикагский врач, доктор Брэдли Миллинер, произвел вскрытие. Вот что сказано в заключении:

— На теле покойного обнаружено четыре маленьких округлых раны: две — на левом плече над подмышечной артерией, две — на шее прямо над правой сонной артерией;

— все ранки окружены синяками; каждая пара ран разделена расстоянием в полтора дюйма;

— тело покойного сильно разложилось и приобрело серо-голубой оттенок, лицо осунулось, кожа стала ломкой. Создается впечатление, что смерть имела место за несколько недель или даже месяцев до осмотра;

— в желудке обнаружены ярко окрашенные фрагменты непереваренной пищи, указывающие на то, что покойный поел незадолго до смерти, которая произошла менее чем за двадцать четыре часа до осмотра.

На полях описания Миллинер добавил еще одно слово: «невероятно».

Начальство врача сочло сведения, представленные в отчете, «неубедительными» и отказалось публиковать результаты вскрытия, грозившие усугубить «ореол слухов и таинственности», которым и без того была окружена гибель сенатора.⁴⁸

* * *

Линкольн с Дугласом были самыми знаменитыми соперниками в Америке. Целых два десятка лет они соревновались за все, от благосклонности дамы до самой высокой должности в стране. Но, несмотря на антипатию на политической арене, за прошедшие годы эти двое научились уважать друг друга и даже подружились. В конце концов, Эйб считал Дугласа «светилом» в «тумане посредственностей». Хотя «маленького гиганта» долгие годы влекли южные страсти, в душе он никогда не был истинным сыном Юга. Дугласу претила мысль о разделении страны. Сепаратистов он называл преступниками и даже заявлял: «Мы должны сражаться за нашу страну и позабыть разногласия. Есть только две партии: партия патриотов и партия предателей. Мы принадлежим к первой».

Когда в 1860 году кампания Дугласа потерпела неудачу, а Союз стал разваливаться на части, Стивен примирился со старым врагом, избранным президентом.

Он пожелал присоединиться ко мне в борьбе с расколом. Я попросил его произнести несколько речей в городах пограничных штатов и к северо-западу (то есть там, где наши усилия еще могут раздуть пламень единства, а равнодушие — его погасить). Лучшего посланника мне было не сыскать; он являл собой воплощенное единение. Признаюсь, предложение Дугласа застало меня врасплох. Вероятно, он раскаивался, что сотрудничал раньше с вампирами-южанами, и

⁴⁸ Полагали, что заключение было утеряно в Великом чикагском пожаре 1871 г., однако в 1967 г. его обнаружили во время ремонта в Госпитале милосердия. В день, когда документ был обнародован, в больницу поступило пожертвование в миллион долларов. На следующий день руководство Госпиталя объявило отчет «мистификацией».

теперь искал способ искупить свою вину. Какими бы побуждениями он ни руководствовался, помощь пришлась как нельзя более кстати.

Дуглас успел произнести речи в поддержку Союза в трех штатах, а затем вернулся в Вашингтон. Во время инаугурации, когда угроза висела в воздухе, он встал рядом с трибуной и провозгласил: «Тот, кто покушается на Линкольна, покушается на меня!» А в воскресенье, 14 апреля 1861 года, когда форт Самтер капитулировал перед конфедератами, Стивен Дуглас одним из первых примчался в Белый дом.

Сегодня он явился в неурочный час и обнаружил, что у меня совещание с кабинетом министров, так что ему придется некоторое время подождать. [Секретарь президента Джон] Николэй попросил его зайти попозже, но судья Дуглас стоял на своем. Наконец мне наскупили проклятия, которые он баритоном изрыгал в коридоре, я распахнул дверь и воскликнул: «Бога ради, пустите его наконец или нам придется вести две войны!» Мы разговаривали с глазу на глаз час или более. Я никогда не видел Дугласа таким напуганным. «Они пойдут прямоком на Вашингтон и убьют меня! — кричал он. — Они нас всех убьют! Я требую ответа, сэр: как вы собираетесь противостоять этой угрозе?»

Я сообщил ему, как можно спокойнее, что на следующее утро призову семьдесят пять тысяч ополченцев и что собираюсь подавлять мятеж, используя всю политическую власть и силу оружия, которое окажется в моем распоряжении. Дуглас не успокоился, но, кажется, перепугался еще сильнее. Он призывал меня собрать вдвое больше народу.

«Господин президент, — обратился он ко мне, — я лучше вас осведомлен о бесчестных намерениях этих людей. При всем уважении, сэр, вам не знакомо истинное лицо врага».

«Напротив, мистер Дуглас, оно мне знакомо, пожалуй, чересчур хорошо».

Генри рассказал Эйбу о связи Дугласа с южными вампирами еще во время сенатских выборов три года назад. Сам же Дуглас не подозревал, что долговязый сидящий президент некогда был одним из лучших охотников на вампиров по всей Миссисипи.

Едва ли можно описать, как он удивился, услышав о вампирах из моих уст. Теперь, когда правду больше не было нужды скрывать, мы могли говорить начистоту: я рассказал о гибели матери и годах, проведенных в охоте на вампиров. Дуглас описал тот судьбоносный день, когда к нему, молодому и амбициозному демократу, состоявшему в законодательном собрании Иллинойса, подошли двое южан «с землистыми лицами». «Тогда-то я и узнал про [вампиров], — объяснил он. — Их богатства и влияние совершенно поработили меня».

Дуглас отплатил за поддержку: в Сенате он выступал против аболиционистов, кроме того, использовал природный ораторский талант в речах, которые произносил в защиту рабовладельческого строя по всей стране. Но в последние годы он усомнился в своих покровителях:

«Почему они не пойдут на компромисс с Севером? — спрашивал он. — Почему любой ценой пытаются развязать войну? И почему, ради всего святого, так усердно пытаются сохранить само [рабство]? Я не видел никакой связи и, будучи в здравом рассудке, решил прекратить вражду».

Стало ясно, что Дугласу не открыли всей правды, и, хоть он и совершил преступление, его нельзя было судить подобно предателю [Джефферсону] Дэвису. Меня охватило раскаяние, и я решил поведать Дугласу о связи между рабством и процветанием южных вампиров. Я рассказал, как они задумали поработить весь род людской за редким исключением, держать нас в клетках и заковать в цепи подобно тому, как мы поступали с неграми. Я объяснил, что вампиры задумали

создать новую Америку, заселить ее себе подобными, свободными от угнетения и тьмы, вольными пожирать живых людей.

Когда я закончил, Дуглас разрыдался.

* * *

Тем вечером Эйб восседал во главе длинного стола в своем кабинете, а госсекретарь Уильям Сьюард сидел от него по левую руку. Вокруг собрались остальные министры. Всем им не терпелось узнать, зачем их вынудили оторваться от ужина и поспешить в Белый дом.

«Джентльмены, — начал я наконец, — сегодня я хотел бы говорить с вами о вампирах».

С самой инаугурации Эйб совещался с кабинетом министров почти каждый день. Они обсуждали подробности предстоящей войны: военную форму, снабжение, командующих, лошадей, провиант — все, кроме того, за что и против кого на самом деле предстояло биться.

И тем не менее я хотел, чтобы эти люди готовились к войне! Разве подобает слепцу вести пароход?

После встречи с Дугласом Эйб передумал. Тем вечером, расставшись со своим собеседником, Линкольн поручил своему секретарю немедленно созвать министров.

Мне представлялось особенно важным, чтобы эти люди, которым надлежит стоять подле меня в дни невообразимых горестей, точно знали, что их ожидает. В этом кабинете больше не будет ни тайн, ни недомолвок. Я расскажу им всю правду, как Дугласу, а Сьюард подтвердит каждое мое слово. Я расскажу о своей жизни. Об охоте. О сотрудничестве с группой вампиров, которые именуют себя Союзом, и о немыслимых последствиях грядущей войны.

Некоторые из министров были поражены моими словами. Кажется, [министр военно-морских сил Гидеон] Уэллс и [министр финансов Сэлмон] Чейз всю жизнь полагали вампиров всего лишь мифом. Уэллс побледнел, но смолчал. Чейз же раздраженно воскликнул: «Я не собираюсь терпеть насмешки, когда на пороге война! Не позволю вытаскивать меня из дома лишь по той причине, что президенту вздумалось пошутить!» Тут вмешался Сьюард: он подтвердил, что мои слова — чистая правда, и признал, что сам долго скрывал правду от соратников. Чейз ему не поверил. Сомневались и остальные. Заговорил [министр обороны Эдвин] Стэнтон, который полагал, что вампиры существуют, но скрываются от живущих: «Я не понимаю, — признался он, — зачем [Джефферсону] Дэвису... да и любому другому человеку замышлять против самого себя? Он же способствует собственному рабству».

«Дэвис хочет выжить и думает только о собственной шкуре, — ответил я. — Он ведет себя как рыба-лоцман, та, что вычищает объедки из акулиных зубов, лишь бы ее саму не сожрали. Быть может, в новой Америке им обещаны власть и богатство, избавление от цепей. Но знайте: какую бы награду Дэвис ни ждал, все это — ложь».

Чейз не выдержал. Он поднялся и вышел из кабинета. Я ждал, что за ним последуют и другие. Никто больше не вставал, и я продолжил: «Даже теперь мне порой нелегко в это поверить. Иногда, после всех этих лет, после всего, что я пережил, я все еще жду, что вот-вот очнусь от полувекового сна. Неудивительно! Существование вампиров противоречит здравому смыслу! Если мы признаем, что они есть, мы соглашаемся с тем, что в нашем мире присутствует тьма, которой здесь не должно быть места. Не сейчас, не в наш великий век, когда наука объясняет все, кроме немногочисленных загадок. Нет, та тьма осталась в ветхозаветных временах, в трагедиях Шекспира. В нашей жизни ей места нет.

Потому, джентльмены, они и благоденствуют. Долгие века вампиры кропотливо насаждали убеждение, что тьме не дотянуться до нас. Так слушайте: в этом и состоит величайшее заблуждение человечества!»

II

Через три дня после капитуляции форта Самтер Вирджиния вышла из состава Союза, и столица Конфедерации переместилась в промышленный центр штата, город Ричмонд. В последующие недели примеру Вирджинии последовали Арканзас, Теннесси и Северная Каролина. Теперь в Конфедерацию входило одиннадцать штатов, а ее население составляло девять миллионов человек (из них четыре миллиона рабов). Несмотря на это, многие северяне все еще пребывали в уверенности, что война не затянется надолго и к концу лета сопротивление отделившихся штатов будет подавлено.

У них были причины так считать. В конце концов, в Союзе проживало вдвое больше людей, чем на территории Конфедерации. По северным штатам тянулись железные дороги, поездами можно было в мгновение ока доставить солдат на поле боя; крупные фабрики производили обувь и форму; военные корабли обеспечивали блокаду портов и вели обстрел прибрежных городов. Журналисты, поддерживавшие Союз, призывали президента «без промедления положить конец беспорядкам». По всему северу раздавались лозунги: «Вперед, на Ричмонд!» Генри Стерджес не возражал. В телеграмме от 15 июля он зашифровал сообщение «немедленно наступайте на Ричмонд» в цитату из Шекспира:⁴⁹

*Авраам,
«Во имя бога, храбрые друзья, одним кровавым, смертным испытаньем, мы
жатву мира вечною пожнем».* ⁵⁰
Г.

Эйб последовал его совету. Получив телеграмму, он на следующий же день приказал самой большой армии, которая когда-либо собиралась в Северной Америке (тридцать пять тысяч человек), выступить из Вашингтона на Ричмонд под командованием бригадного генерала Ирвина Макдауэлла. Большинство солдат Макдауэлла были из тех семидесяти пяти тысяч ополченцев, которых второпях собрали после падения форта Самтер. В большинстве своем это были фермеры и торговцы. Круглолицые подростки и немощные старики. Некоторые из них ни разу в жизни не держали оружия.

Макдауэлл жалуется, что его подчиненные неопытны. «Вы зелены, — сказал я ему. — Но [конфедераты] ничем от вас не отличаются. Вы в равном положении. Мы не станем ждать, пока враг строем войдет в Вашингтон. Сражение произойдет рядом с их домом. На Ричмонд, с Богом!»

Макдауэллу с его войсками необходимо было преодолеть двадцать пять миль на юг, в глубь Вирджинии, где их поджидал генерал Пьер Борегар с двадцатью тысячами конфедератов. Знойным днем, в понедельник, 21 июля 1861 года, две армии встретились под городком Манассас. Битва войдет в историю как первое сражение при Булл-Ране, а вода в близлежащем ручье делается красной от крови.

Через два дня рядовой армии Союза Эндрю Мерроу отправит письмо невесте в

⁴⁹ Во время войны Генри опасался шпионов и каждый раз так или иначе зашифровывал сообщения, которые посылал Эйбу.

⁵⁰ Слова персонажа по имени Ричмонд из «Ричарда III», акт V, сцена 2. Цит. по переводу А. Радловой.

Массачусетс,⁵¹ опишет чудовищные события минувшего боя и одним из первых засвидетельствует присутствие вампиров в рядах конфедератов.

Мы задали [конфедератам] жару с самого начала. Пользуясь численным превосходством, мы теснили противника на юг, вверх по холму Генри-Хаус, прямо к деревьям на вершине. Конфедераты разбежались, словно мыши! Наши ряды растянулись на полмили в ширину. Со всех сторон взрывался порох!

«Погоним их до самой Джорджии!» — к восторгу солдат, закричал полковник Хантер.

Мы подступили к вершине холма. Мятежники прикрывали отступление. Дым от выстрелов сделался таким густым, что едва можно было разглядеть деревья, среди которых конфедераты скрывались всего в десяти ярдах от нас. Из-за дымовой завесы неожиданно послышались дикие вопли. Кричало человек двадцать — тридцать, и вопли делались громче с каждой минутой.

«Первые ряды! Примкнуть штыки!» — скомандовал полковник.

Солдаты подчинились. И тут из дыма вырвалась небольшая группа конфедератов. Они мчались на нас с невероятной скоростью. Даже на некотором расстоянии я разглядел их странные, безумные глаза. В руках у нападающих не было ни винтовок, ни пистолетов, ни сабель.

Первые ряды дали залп, но выстрелы не возымели ни малейшего действия. Мелисса, я на смертном одре мог бы поклясться, что видел, как пули ударялись врагам в грудь, в руки, в головы. И все же мятежники наступали, будто вовсе не были ранены! Они врезались в наши ряды и прямо на моих глазах стали рвать солдат на куски. Нет, я не хочу сказать, что они протыкали их штыками или стреляли из револьверов. Я имею в виду, что те самые тридцать безоружных конфедератов разорвали целую сотню солдат на куски голыми руками. Я смотрел, как они отрывают нашим руки. Откручивают головы. Видел, как пальцами пронзают шеи и животы. Кричал мальчишка: там, где только что были его глаза, теперь зияли кровавые раны. У рядового в трех ярдах от меня вырвали винтовку, а потом размозжили ему голову прикладом. На лицо мне брызнула его кровь. Я чувствовал привкус смерти на языке.

Наши ряды рассыпались. Без стыда признаюсь, что бросил винтовку и бежал вместе со всеми, Мелисса. Мятежники ринулись в погоню: мы отступали, а они жестоко убивали наших солдат. Я мчался вниз по холму, отовсюду неслись крики.

Макдауэлл получил множество сообщений об «атаках мятежников». «Что ж, — по слухам, сказал он, узнав, что войска Союза отступают, — мы собрали сверхармию, но у них, кажется, объявились сверхлюди». Генерал понятия не имел, что «сверхлюди» вовсе не имели отношения к роду человеческому.

Бой продолжался всего несколько часов. Когда дым рассеялся, оказалось, что тысяча человек погибла, а еще три тысячи — тяжело или смертельно ранены. Генерал-майор войск Союза, Амброс Бернсайд, записал в дневнике:

На закате я проезжал мимо небольшого пруда и увидел, как люди промывают в нем раны. Вода стала красной, но самые отчаявшиеся все равно подползали к кромке пруда и пили. Неподалеку я увидел мальчишку-конфедерата, в которого попал снаряд. От тела остались только руки, плечи и голова. Глаза были открыты и смотрели без всякого выражения. Грифы пожирали его внутренности и склеивали кусочки мозга, разлетевшиеся по земле. Мне никогда не забыть этой картины. Сегодня я видел сотню подобных ужасов. Можно было пройти хоть милю в любую сторону и ни разу не коснуться земли, такое количество трупов ее

⁵¹ Письмо Мерроу, сохранившееся в архивах Гарвардского университета, на протяжении долгого времени ошибочно полагали эпистолярной фантазией.

покрывало. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, мне слышатся крики раненых. Они просят о помощи. Стонут от жажды. А кто-то молит о смерти. Я больше не боюсь ада, ибо сегодня видел его собственными глазами.

* * *

После сражения при Булл-Ране Север словно впал в траурное оцепенение.

Если бы я только прислушался к Дугласу! И к Макдауэллу! Если бы собрал больше людей и дал им время подготовиться, тогда война могла уже окончиться, а мы были бы избавлены от тысяч смертей и страданий. Теперь мне ясно, что южане намереваются компенсировать свою малочисленность присутствием вампиров на полях сражений. Да будет так. Я половину жизни охотился на вампиров с топором. Теперь я постараюсь уничтожить их с помощью своей армии. Если нам предстоит долгая и мучительная борьба, надо удвоить решимость и волю к победе.

Когда оцепенение спало, северяне по примеру своего президента стиснули зубы. Мужчины становились в длинную очередь, чтобы записаться в армию. Штаты обещали предоставить новые полки и обеспечить их снабжением, 22 июля 1861 г., в тот самый день, когда Авраам Линкольн подписал билль о созыве пятисоттысячного подкрепления, он записал в дневнике провидческие строки:

Помолимся за будущих мертвецов. Хоть их имена нам еще неизвестны, мы знаем, что их будет немало.

III

На долю президента и министров выпала горькая, полная разочарований зима. Реки замерзли, дороги покрылись грязью и снегом, поэтому армии не оставалось ничего, кроме как греться у костра и дожидаться оттепели. 9 февраля 1862 г. (в свой пятьдесят третий день рождения) Эйб сидел в кабинете, когда наконец пришли известия о первых признаках весны:

Я только что получил донесение об успехе [генерала Улисса С.] Гранта в форте Генри, штат Теннесси. Это важная победа — и долгожданная перемена к лучшему после долгих месяцев ожидания. Мои мальчишки играют за дверью. Чудесное выдалось воскресенье!

«Мальчишки» — Тэд и Уилли Линкольны — семи и десяти лет от роду, безусловно, вносили оживление в жизнь Белого дома (а по некоторым свидетельствам, были его бичом). В первый год отцовского президентского срока мальчишки часами сломя голову носились по особняку и прилегающей территории. Чиновников это раздражало, однако самому Линкольну позволяло иногда отвлечься от управления государством и ведения войны.

Порой (признаюсь, даже слишком часто) за весь день с пробуждения до отхода ко сну меня радуют только шумные игры мальчиков. Как только предоставляется возможность, я с упоением гоняюсь за ними и борюсь, вне зависимости от того, кому случится нас лицезреть. Не далее как неделю назад [сенатор от штата Айова Джеймс] Граймс вошел в кабинет, желая переговорить со мной, и обнаружил, что меня пригвоздили к полу четверо мальчишек: Тэд с Уилли держали меня за ноги, а Дружок и Холли⁵² — за руки. «Сенатор, — обратился я к

⁵² Гораций «Дружок» Нельсон Тафт-младший и Холси «Холли» Кук Тафт были лучшими друзьями Уилли с

вошедшему, — не могли бы вы обсудить условия моего освобождения?»

Мэри полагает, что подобные игры ниже президентского достоинства, но если бы я был лишен этих быстротечных минут, наполненных радостью и весельем, спятил бы через месяц.

Эйб всем троем мальчикам был любящим и заботливым отцом. Но Роберт уехал в Гарвард (там его охраняли люди из местных и несколько вампиров), а Тэд был еще «слишком мал и непоседлив», так что больше всего Линкольн привязался к Уилли.

В нем обнаружилась ненасытная любовь книгам и загадкам. Если где-то случается драка, Уилли непременно примирит спорщиков. Некоторые говорят, что мы очень похожи, но я не согласен: Уилли добрее меня, да и умом быстрее.

Радуюсь победе тем воскресным днем, Эйб увидел в окно кабинета, что дети играют на заиндевевшей лужайке.

Тэд с Уилли, как это у них водилось, устроили военно-полевой суд над Джеком,⁵³ обвинив его в очередном преступлении. Ярдах в десяти от них поживались от холода двое солдат (сами еще мальчишки). Они, видимо, не могли в толк взять, за что им такое задание.

Это были двое из дюжины живых охранников, день и ночь стороживших Белый дом. По настоянию Эйба Мэри и мальчиков неизменно сопровождали два человека (или один вампир). В 1862 году дом никак не был огорожен. Прохожие могли свободно прогуливаться по лужайкам и даже заходить на первый этаж особняка. Журналист Ноа Брукс писал: «Мытые и немытые толпы свободно входили в дом и выходили из него». Как бы там ни было, «толпам» запрещалось иметь при себе огнестрельное оружие.

В половине четвертого от Лафайетт-сквер к Белому дому прошел невысокий бородатый человек с винтовкой. Караульный у северного входа вскинул оружие и громко приказал мужчине остановиться.

Заслышав шум, я выглянул в окно с северной стороны и увидел, что человек продолжает двигаться вперед с винтовкой наперевес. Раздался крик: «Стой, стрелять буду!» Со всех сторон сбежались часовые.

Трое охранников двигались быстрее остальных. Они не боялись пуль. Завидев их (и, подозреваю, их клыки), человек наконец бросил винтовку и поднял руки вверх. Мои друзья сшибли его на землю. Леймон обыскал его, пока вампиры из «троицы» держали незнакомца за руки и за ноги. Позже мне передали, что он был напуган и, кажется, не понимал, что происходит. «Он дал мне десять долларов! — повторял он со слезами на глазах. — Десять долларов!»

Страх прошел, и тут я заметил среди остальных караульных двух молодых парней.

У Эйба сердце ушло в пятки. Он смотрел на тех самых ребят, которые должны были охранять Уилли с Тэдом. Дети остались одни.

Тэдом. К ним часто присоединялась сестра, Джулия, которую Эйб ласково звал «болтушкой». Через пятьдесят девять лет она напишет воспоминания об Эйбе и его мальчиках, озаглавив книгу «Отец Тэда Линкольна».

⁵³ Джек — игрушечный солдатик, подаренный Тэду. Они с братом любили судить его за государственную измену или пренебрежение должностными обязанностями, а потом приговаривать к смерти, хоронить — и снова повторять все сначала. Однажды сыновья упростили Линкольна написать игрушке помилование, что он с радостью и проделал: «Игрушечный Джек помилован президентом. А. Линкольн».

Мальчики так увлеклись игрой, что не услышали криков и не заметили, как замерзшие охранники бросились кому-то на подмогу. В этот самый момент к ним подошел незнакомец.

Они бы и на него не обратили внимания, если бы он не наступил каблуком на игрушечного солдатика и не положил конец игре. Уилли с Тэдом подняли глаза и увидели мужчину среднего роста и телосложения. На нем был черный плащ, черная шляпа и шарф. Глаза незнакомца скрывались за темными очками, а губы терялись под густыми каштановыми усами. «Привет, Уилли, — произнес он. — Я бы хотел, чтобы ты передал послание своему отцу».

На этот раз охрана сбежалась на крики Тэда.

Первыми примчались вампиры, за ними по пятам следовал Леймон и несколько солдат. Я стремглав слетел вниз по лестнице со стороны Южного портика и бросился к Тэду. Он плакал, но, кажется, был цел и невредим. Уилли же тер язык рукавом курточки и яростно отплевывался. Я подхватил сына на руки и тщательно осмотрел его лицо и шею, вознося молитвы, чтобы на теле не обнаружилось ран.

«Вон он!» — закричал Леймон, указывая на человека, который бежал куда-то на юг.

Вместе с «троицей» мой друг бросился в погоню, а остальные охранники повели нас в дом. «Живым братья! — крикнул я вслед. — Живым!»

Леймон с «троицей» помчался за убегающим незнакомцем по Пенсильвания-авеню и дальше, через Эллипс.⁵⁴ Леймон вскоре запыхался и понял, что не сможет бежать так быстро. Тогда он выхватил револьвер и, не обращая внимания на ни в чем не повинных прохожих, которые могли пострадать от его действий, принялся палить в беглеца, пока не кончились патроны.

«Троица» настигала свою жертву. Четверо вампиров спешили на юг, в сторону недостроенного монумента Вашингтона, прямо через окружавшее его поле, которое служило пастбищем для скота. Строительством массивного мраморного обелиска (его возвели на сто пятьдесят футов и планировали сделать еще вдвое выше) застопорилось, а в его тени соорудили временную скотобойню, чтобы обеспечивать мясом голодных солдат. Незнакомец скрылся в длинном деревянном бараке. Кажется, он отчаялся оторваться от преследователей, которые теперь отставали от него всего на пятьдесят ярдов. Может, внутри найдутся ножи, которыми получится отбиться... Кровь собьет вампиров со следа... Хоть что-нибудь.

Но в то воскресенье на бойне не оказалось туш. Рабочие не резали скот. С балок под потолком свисала дюжина крюков. Лучи вечернего солнца просачивались сквозь двери с обоих концов барака и отражались от полированного металла. Незнакомец бежал по окровавленному полу. Он искал укрытие. Или оружие. Но ничего не нашел.

Река... На реке они отстанут...

Он бросился к двери, распахнутой с другой стороны бойни, решив бежать к реке Потомак.

Там он сможет нырнуть под воду и уйти. Но вход перегородил какой-то мужчина.

Другая дверь...

Незнакомец замер и обернулся: за спиной у него встали еще двое.

Бежать было некуда.

Он стоял посередине продолговатого барака, а преследователи приближались с обеих сторон — медленно, осторожно. Они собирались его поймать. Пытать его. Вызвать, кто его послал и что он сделал с мальчиком. Если он попадется, то, скорее всего, все им выложит. Этого нельзя допустить.

⁵⁴ Эллипс — округлый парк площадью пятьдесят два акра. Войска Союза часто становились там лагерем.

Преследователи приблизились. Незнакомец улыбнулся:

— Знайте, — сказал он, — вы — рабы рабов.

Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза и бросился на ближайший крюк. Острые вошло прямо в сердце.

Мне нравится думать, что в последний миг жизни, когда все его тело содрогнулось в предсмертной судороге, а кровь хлынула из носа и изо рта и полилась вниз, смешиваясь с кровью животных, у него под ногами разверзся ад и он ощутил начало вечной агонии. Мне нравится думать, что он боялся.

* * *

Охранники заперли Белый дом и обыскали прилегающую территорию. Уилли сидел в отцовском кабинете и спокойно рассказывал, что произошло, а его тем временем осматривал врач.

Сын объяснил, что незнакомец схватил его за подбородок, заставил открыть рот и влил ему на язык что-то «горькое». Мне немедленно вспомнилась мамина смерть от нескольких капель вампирской крови, и меня охватило тихое отчаяние. Я не желал верить, что мой любимый мальчик разделит участь моей матери. Доктор не обнаружил ни ран, ни симптомов отравления, но в качестве меры предосторожности все же заставил Уилли проглотить несколько ложек угольного порошка⁵⁵ (сына это расстроило больше, чем само нападение).

Той ночью Мэри занялась Тэдом (его совершенно потрясли события минувшего дня), а я сидел возле постели Уилли и смотрел, как он спит. Я пытался уловить малейшие признаки болезни. К величайшему облегчению, на следующее утро сын прекрасно себя чувствовал, и я уже тешил себя слабой надеждой, что он отделается испугом.

Но когда понедельник приблизился к вечеру, Уилли начал жаловаться на усталость и плохое самочувствие. На вторую ночь у него начался жар. Становилось все хуже. Я бросил все дела и созвал к сыну лучших врачей в Вашингтоне.

Они пытались облегчить симптомы, но не могли найти лекарства. Три дня и три ночи мы с Мэри неусыпно бодрствовали у детской кровати и молились о выздоровлении сына. Мы искренне верили, что молодость вкупе с провидением помогут ему справиться с болезнью. Уилли спал, а я читал вслух отрывки из его любимых книг, перебирал мягкие каштановые волосы и отирал пот с его лба. На четвертый день мы решили, что наши молитвы услышаны. Уилли стало легче, и я снова поверил в лучшее. Его не могли напоить кровью вампира, твердил я себе, не то бы он уже умер.

Но всего через несколько часов Уилли снова сделалось хуже. Его постоянно тошнило, он не мог ни есть, ни пить. Мальчик ослабел, а жар никак не спадал. На девятый день Уилли не смог пробудиться ото сна. А на десятый, несмотря на все усилия самых лучших врачей, стало ясно, что ребенок умирает.

Мэри не выдержала бы, если бы еще один сын умер у нее на руках. Я прижал спящего мальчика к груди и качал его — всю ночь, все утро и весь день. Я не желал отпускать его, не желал расставаться с самой призрачной надеждой на выздоровление, не верил, что Бог может быть таким жестоким.

⁵⁵ Активированный уголь часто применяли в случае отравления. Он впитывает токсины в кишечнике до того, как они попадут в кровь.

Во вторник, 20 февраля 1862 года, Уилли Линкольн скончался на руках у отца.

Элизабет Кекли, бывшая рабыня, служила портнихой у Мэри Линкольн. Много лет спустя она вспоминала, что Авраам не стыдился своих слез. Все его долговязое тело сотрясилось от рыданий. «Гений и великий человек, — говорила Элизабет, — оплакивал кумира своей любви».

Джон Николэй утверждал, что крепкий, высокий президент ходил по кабинету «словно в трансе».

— Что ж, Николэй, — сказал Эйб, уставившись в пространство, — мой мальчик умер. Его больше нет.

Линкольн успел дойти до кабинета и только там расплакался.

В последующие четыре дня президент почти не занимался государственными делами. Зато заполнил около двадцати страниц в дневнике. Порой — жалобами и стенаниями...

[Уилли] никогда не познает женской ласки, не испытает радости первой любви. Ему не доведется держать на руках своего крошечного сына. Он никогда не прочтет великих книг, не увидит прекраснейших городов мира. Не встретит новый рассвет, не почувствует, как на лицо падает капелька дождя...

Порой — размышлениями о самоубийстве...

Я понял, что покой в жизни наступает только с ее концом. Так дай же мне очнуться от страшного сна, от краткого и бессмысленного кошмара, наполненного потерями, страданиями и вечными жертвами. Все, кого я люблю, ожидают меня на той стороне. Пусть мне достанет храбрости наконец открыть глаза.

А порой — слепой яростью...

Я хочу заглянуть в лицо тому трусливому Богу, который наслаждается моими горестями! Заглянуть в лицо тому, кто, шутя, истребляет детей! Крадет невинных сыновей из объятий матерей и отцов. О, дайте мне заглянуть ему в глаза и вырвать его черное сердце! Дайте сразить его, так же как я сражал его демонов!

* * *

Тело Уилли должны были перевезти в Спрингфилд, а там — похоронить рядом с домом Линкольнов. Но Эйб не мог смириться с тем, что любимый мальчик окажется так далеко, поэтому в последний момент было решено, что до конца президентского срока Авраама тело его сына будет покоиться в вашингтонской крипте. Через два дня после похорон (Мэри, сраженная горем, не смогла на них присутствовать) Эйб вернулся в крипту и приказал вскрыть гроб.

Я присел подле него, как сидел много раз за его короткую жизнь. Я словно ждал, что он очнется и обнимет меня, ибо бальзамировщик проделал поистине мастерскую работу. Казалось, что Уилли просто спит. Я провел с ним час или даже больше, ласково говорил. Смеясь, я рассказывал сыну о его детских проказах... О первых шагах... Вспоминал его удивительный смех... Говорил, что всегда буду его любить. Когда наше время истекло и гроб снова закрыли, я заплакал. Мне было невыносимо думать, что Уилли останется в этом холодном и темном ящике. Он будет один, и я не смогу его утешить.

На всю следующую неделю, пока Мэри была прикована к постели, Эйб заперся в своем кабинете. Опасаясь за здоровье президента, Николэй и Хей отменили все встречи на неопределенный срок, а Леймон с вампирами «троицы» круглые сутки дежурил под дверью.

В те дни десятки сочувствующих желали выразить Линкольну свои соболезнования. Их благодарили и вежливо отваживали до вечера 28 февраля, когда одного посетителя проводили прямо к Аврааму.

Он назвал свое имя, и отказать ему не смогли.

IV

— Не могу даже представить, каково тебе пришлось, — сказал Генри. — На твоих плечах — ответственность за целую нацию. Бремя войны. А теперь и новая тяжесть: ты похоронил еще одного сына.

Эйб сидел рядом с камином. Старый топор висел над очагом.

— Зачем ты явился, Генри? Чтобы лишний раз напомнить о моих злоключениях? В таком случае смею тебя уверить: я прекрасно о них осведомлен.

— Я пришел выразить старому другу соболезнования и предложить тебе вы...

— Нет! — Эйб захлебнулся криком. — Не желаю слушать! Не позволю тебе снова меня терзать!

— Я пришел не затем, чтобы терзать тебя.

— Тогда зачем, Генри? Ответь, зачем ты пришел? Решил полюбоваться на мои мучения? Поглядеть, как у меня по щекам текут слезы? Вот, смотри! Доволен?

— Авраам...

Эйб встал.

— Генри, всю жизнь я выполняю твои поручения! Всю жизнь! И что? Разве я счастлив от этого? Все, кого я любил, пали жертвами твоих собратьев! Я все тебе отдал. А что взамен?

— Моя вечная преданность, защита от...

— Смерть! — вскричал Эйб. — Ты подарил мне смерть!

Он бросил взгляд на топор над камином.

Все, кого я любил...

— Авраам, не поддавайся отчаянию. Вспомни мать, вспомни, что она шептала тебе перед смертью.

— Не заговаривай мне зубы, Генри! И не надо притворяться, что тебе есть дело до моих страданий! Ты думаешь только о собственном деле! О своей войне! Да что ты знаешь о потерях?

Теперь поднялся и Генри.

— Авраам, я *триста лет* оплакивал жену и ребенка! Оплакивал жизнь, которую у меня украли, тысячи привязанностей, которые стерло время! Ты понятия не имеешь, на что я пошел, лишь бы защитить тебя! Понятия не имеешь, как я стра...

Вампир взял себя в руки.

— Нет, — сказал он наконец. — Нет, так нельзя. Мы слишком далеко зашли. — Генри взял плащ и шляпу. — Я скорблю о твоей потере. Мое предложение остается в силе. Если решишь, что Уилли лучше оставаться в гробу, — да будет так.

Когда он произнес имя Уилли, у меня помутился рассудок. От бесстрастных слов Генри я впал в ярость, схватил топор со стены и с воплем нанес удар. Я промахнулся всего на дюйм, разрубил часы на каминной полке. Тогда я выпрямился и снова замахнулся, но Генри перепрыгнул прямо через обух. У нас за спиной распахнулась дверь: в кабинет ворвались двое вампиров из «троицы». Увидев нас, они нерешительно замерли, не зная, к кому бросаться на подмогу. Леймон не терзался подобными вопросами. Он влетел в кабинет, немедленно вытащил револьвер и прицелился в Генри, но выстрелить не успел: ему помешал один из вампиров.

Генри стоял в центре комнаты, опустив руки. Я снова бросился на него, вскидывая на бегу топор. Генри и глазом не моргнул. Он перехватил рукоять топора, который я собирался обрушить ему на голову, переломил ее пополам и

отбросил на пол. Я кинулся на него с кулаками, но он схватил меня за руки и выкрутил их так, что я упал на колени. Генри, не отпуская, опустил сзади и прижал клыки к моей шее.

«Нет!» — Леймон бросился к нам.

Его удержали вампиры. Я чувствовал, как по моей коже скользят две острейшие бритвы.

«Давай!» — заорал я.

Покой в жизни наступает только с ее концом...

«Давай, ну пожалуйста!»

Он вонзил клыки мне в шею, и я почувствовал, как по коже стекают тонкие струйки крови. Я закрыл глаза и приготовился к свиданию с неизведанным, к новой встрече с моими любимыми мальчиками... Но этому было не суждено сбыться.

Генри отпустил меня.

«Некоторые люди представляют слишком большой интерес, чтобы их убивать, Авраам».

Он встал на ноги, снова взял плащ и шляпу, а потом вышел за дверь, прямо к трем охранникам, сердца у которых бились быстрее моего.

— Генри...

Он обернулся.

— Я доведу войну до конца... Но я не желаю видеть больше ни одного вампира в своей жизни.

Генри слегка поклонился:

— Господин президент...

С этими словами он исчез.

Больше Эйб никогда в жизни его не увидит.

Глава 12

«Заморим их голодом»

Мы искренне надеемся, мы истово молимся, чтобы война, эта тяжкая беда, поскорее прошла. Но если Богу угодно, чтобы она продолжалась... пока каждая капля крови, выбитая кнутом, не будет оплачена другой каплей, из ран, нанесенных мечом, как было сказано три тысячи лет назад, так и сейчас должно быть сказано: «суды Господни истина, все праведны».⁵⁶

Линкольн, вторая инаугурационная речь
4 марта 1865 г.

I

Вражеские войска наступали на Вашингтон, и Эйб решил наконец увидеть бой собственными глазами.

Одиннадцатого июля 1864 года, презрев уговоры личной охраны, Линкольн в одиночестве поскакал к форту Стивенс.⁵⁷ Генерал Джубал А. Эрли собрал семнадцать тысяч

⁵⁶ Пс. 18:10. (Прим. перев.)

⁵⁷ Сражение под фортом Стивенс — единственное в американской истории, в котором принимал участие действующий президент.

конфедератов и повел их в дерзкое наступление на северные укрепления Вашингтона. Офицеры Союза встретили президента и препроводили его прямо в форт, за толстые каменные стены, где он мог бы наслаждаться безопасностью, расслабиться и пить прохладительные напитки.

Я приехал не затем, чтобы меня баловали, и не затем, чтобы от других слышать о ходе сражения. Я намеревался сам увидеть все ужасы войны, понять, что другие пережили за три долгих года, пока я отсиживался в теплом доме и наслаждался достатком. Офицеры всеми силами пытались отговорить меня, но все же я настоял на своем и через парашют наблюдал, как в соответствии с традициями ребята выстроились и принялись друг друга расстреливать. Я видел, как солдат разрывало [пушечными ядрами] и как они протыкали друг друга штыками.

Должно быть, мятежные стрелки в тот день, приметив Линкольна в цилиндре, сочли это неслыханной удачей. Всего за несколько минут мимо президента просвистели три пули. Каждый раз соратники Авраама в ужасе вздрагивали. Наконец, когда офицеру Союза, стоявшему рядом с ним, пуля попала в голову, Линкольн почувствовал, что кто-то дергает его за полу сюртука.

Первый лейтенант (и будущий судья Верховного суда) Оливер Уэнделл Холмс крикнул ему:

— Слезай, болван!

Эйб не послушался.

Он совершенно лишился страха смерти.

* * *

В Белом доме больше не осталось вампиров. Линкольн изгнал их после смерти Уилли и ссоры с Генри. Даже «троицу», самых умелых и преданных охранников, отправили обратно в Нью-Йорк.

Я спасу Союз, потому что он того заслуживает. Я защищу его в память о тех, кто строил его своей кровью и гением, ради грядущих поколений, которые заслужили свободу. Каждый свой горестный час я отдам борьбе за мир и победу. Но будь я проклят, если еще хоть раз взгляну на вампира.

За семьей Авраама присматривали теперь одни только смертные, а самого президента, по его собственному настоянию, охраняли все меньше. Каждый день он вводил новые ограничения для своих караульных, каждый день сокращал список комнат, куда им дозволено было входить. Невзирая на возражения Уорда Хилла Деймона, в хорошую погоду Эйб выезжал в открытой коляске, а после наступления темноты в полном одиночестве прогуливался от Белого дома до военного министерства. Позже Леймон писал в своих воспоминаниях:

Полагаю, дело было не только в бесстрашии. Мне кажется, он призывал смерть.

Запись в дневнике от 20 апреля 1862 года отражает фатализм Эйба:

На протяжении недели в Белом доме я встречаю тысячу незнакомцев. Должен ли я в каждом из них предполагать убийцу? Говоря откровенно, любой, кто решит пожертвовать жизнью ради того, чтобы убить меня, не встретит препятствий на своем пути. Значит ли это, что я должен запереться в железную

коробку и дожидаться окончания войны? Если Господу угодно прибрать мою душу, он знает, где ее искать. Он волен сделать это когда пожелает и тем образом, каким сочтет необходимым.

Со временем, при помощи одной только силы воли, Эйб справится с унынием, как это бывало и раньше. Вскоре после смерти Уилли, когда давний друг Линкольна, Уильям Маккуллох, погибнет, сражаясь за Союз, Авраам напишет письмо его дочери. Слова утешения будут предназначены не столько осиротевшей девушке, сколько самому Линкольну:

Полное облегчение наступит только со временем. Сейчас невозможно представить, что когда-нибудь вам станет лучше. Ведь так? Но нет, вы снова будете счастливы. Это знание, без сомнения, истинное, немного уменьшит вашу боль в настоящем. Я на своем опыте знаю, о чем говорю. Вам нужно только поверить, и сразу же станет легче. Воспоминания о вашем дорогом отце вместо мучительной боли будут рождать сладкую грусть, чище и возвышеннее, чем вы когда-либо испытывали.

Эйб взял себя в руки и пытался жить дальше, а вот Мэри становилось все хуже.

Она не может заставить себя встать с постели более чем на час. Не может ухаживать за Тэдом, который скорбит не только о брате, но и о матери. Порой сам вид ее рождает во мне злость. Мне стыдно, ведь она не виновата ни в приступах ярости, ни в том, что верит шарлатанам, которые утверждают, будто за деньги смогут «наладить сообщение» с нашими дорогими сыновьями. Она вынесла больше, чем должно пережить любой матери. Я опасюсь, что Мэри навсегда утратила рассудок.

II

Эйб не желал напрямую общаться с Генри или с представителями Союза, однако он был достаточно умен, чтобы не отказываться от их помощи, необходимой для победы в войне. Нью-йоркский зал, где Линкольн впервые узнал о Союзе и планах северных вампиров, превратившись в зал военного совета, наполнился картами и исписанными мелом досками. Там появился даже телеграф. Союз наладил сообщение с европейскими вампирами, которые сочувствовали делу северян. Вампиры сражались, когда могли, и передавали разведке Белого дома сведения, которые им удавалось раздобыть. Всей секретной информацией занимался Сьюард. Он прочитывал все сообщения, сжигал их, а потом пересказывал сведения президенту. Вот что пишет Линкольн 10 июня 1862 г.:

Сегодня мне сообщили, что конфедераты передают пленников вампирам-южанам для пыток и казни. «Нам доложили, — сказал мне Сьюард, — что людей вешают вниз головой и растягивают между столбами. Два вампира берут пилу и медленно распиливают пленника пополам, начиная с [паха]. В это время третий вампир ложится прямо под несчастным и пьет кровь, которая стекает по его телу. Поскольку голова расположена ниже всего, мозг все время снабжается кислородом, и пленник остается в сознании, пока зубья пилы терзают его живот, а после и грудь. Остальных узников заставляют смотреть на казнь товарищей, а затем и самих обрекают на такую же участь».

На второе лето войны среди солдат Союза пошли слухи о южных «призраках» и «демонах», которые крадут людей прямо из палаток и пьют кровь. По вечерам, когда солдаты собирались у костра, они распевали излюбленную песенку:

От Флориды до Вирджинии он шумит по всей стране,
Ведь мятежник Джонни дал клятву сатане.
Теперь на север двинулся, змеей прокрался, гад,
Чтоб в огненную бездну тащить наших ребят.

Известен по крайней мере один случай, когда слухи привели к тому, что солдаты Союза расправились со своим сослуживцем. 5 июля 1862 года пятеро солдат из части, стоявшей неподалеку от плантации Беркли в Вирджинии, убили рядового Моргана Слосса.

Ночью они выволокли его из палатки и принялись бить, обвиняя в том, что он «демон-кровопийца». (Если бы парень и в самом деле оказался вампиром, он уж сумел бы получше за себя постоять.) Солдаты привязали его к коновязи и продолжили избивать палками и лопатами, требуя, чтобы он сознался. «Скажи, что ты демон-кровопийца, и мы тебя отпустим!» Наконец парень расплакался и стал умолять о прощении. Еще через четверть часа с его окровавленных губ сорвалось невнятное признание. Подозреваю, что мальчишка бы и Господом Богом назвался, пообещай они ему освобождение. Услышав признание, солдаты облили его маслом и сожгли заживо. Он наверняка испугался... Ничего не понимал... Когда я думаю об этом случае, у меня сжимаются кулаки. Если бы только каким-то чудом я мог оказаться там и вмешаться...

Эйба происшествие крайне беспокоило — не только своей жестокостью. Это означало, что стратегия конфедератов приносит плоды.

Как мы можем надеяться одержать победу в войне, если наши солдаты начали убивать друг друга? Как нам одолеть противника, если скоро наши воины будут слишком перепуганы, чтобы сражаться? На каждого вампира-союзника приходится десять вампиров, выступающих на стороне врага. Как мне с ними бороться?

Как это часто случалось с Эйбом, ответ пришел во сне. Запись от 21 июля 1862 г.:

Я снова был ребенком и сидел на перекладине знакомого забора. Стоял прохладный облачный день. По Старой камберлендской дороге шли путники. Я увидел повозку, набитую неграми. Там было множество женщин разного возраста. Их запястья сковывали кандалы, все рабыни сидели прямо на полу повозки. Им не дали ни охапки сена, чтобы смягчить дорогу, ни одеяла, чтобы укрыться от зимнего ветра. Возницы, разумеется, восседали на подушках спереди и кутались в теплую одежду. Я встретился взглядом с самой младшей девочкой, кажется, моей ровесницей. Ей было лет пять или шесть. Мы смотрели друг на друга всего мгновение. Я хотел отвернуться, не в силах выносить выражение скорби на ее лице, но не смог: я знал, куда ее везут. Наступила ночь. Вместе с маленькой негрятенкой (не знаю, каким образом) я оказался в просторном амбаре, освещенном изнутри факелами и висячими масляными лампами. Из темноты я наблюдал, как рабов выстроили в ряд. Все негры неотрывно смотрели себе под ноги. Я видел, как за спиной у каждого раба встал вампир. Девочка смотрела мне в глаза. К ее шее приблизились клыки, а на плечи опустились когтистые лапы. «Справедливости...» — молила она, по-прежнему глядя на меня.

Клыки впились в ее плоть.

Девочка закричала, я тоже — и проснулся.

* * *

На следующее утро Эйб созвал министров.

«Джентльмены, — начал я, — мы много раз говорили об истинной природе этой войны и о наших истинных врагах. Мы вели споры — неизменно дружеские — о том, как наилучшим образом оказать сопротивление. Мы ужасались умению врагов вселять ужас в сердца наших людей. Рискну сказать, что даже мы сами испытали этот ужас. Так продолжаться не может. Джентльмены, пусть враг убоится нас.

Лишим его тех работников, которые обрабатывают земли живых союзников, тех, кто строит гарнизоны и перевозит порох. Оставим врага без тех несчастных, которых растят на убой, будто скот, а потом ввергают во тьму. Джентльмены, давайте же заморим мерзавцев голодом — объявим рабов Юга свободными людьми!»

Вокруг стола раздались одобрительные голоса. Даже Сэлмон Чейз, так и не поверивший в существование вампиров, признал гениальность мысли Линкольна: необходимо было поразить самое сердце Юга. Сьюард же, хоть и присоединился к всеобщему одобрению, скромно высказал совет.

[Он] сказал, что прокламацию стоит обнародовать сразу после победы, тогда никто не сможет сказать, что мы решились на этот шаг от безысходности.

«Что ж, — заключил я, — значит, нам нужна победа».

III

Семнадцатого сентября 1862 года войска Конфедерации и Союза встретились на реке Энтитем-крик неподалеку от города Шарпсберг, штат Мэриленд. Силы конфедератов возглавлял генерал Роберт Э. Ли, который до войны состоял в весьма теплых отношениях с президентом. Северян вел генерал Джордж Б. Макклелан, демократ, презиравший Линкольна всеми фибрами души. Эйб писал:

[Макклелан] считает меня буффоном. Он полагает, что не пристало мне командовать им, человеком превосходного воспитания и ума. Я бы не обращал внимания, если бы он выигрывал побольше сражений! Вместо этого он сидит в лагере и вообразил, что вся Потомакская армия — свора его телохранителей! Ему не хватает предусмотрительности: когда следует идти в атаку, он ждет; когда необходимо удержать позицию и сражаться — отступает. Такого я генералу простить не могу.

В среду, 17 сентября, в предрассветные часы армии Ли и Макклелана выжидали. Солдаты не подозревали, что им предстоит самый кровавый день в американской военной истории. С первыми лучами солнца с обеих сторон раздались артиллерийские залпы. Около часа противники обменивались снарядами. Зачастую запал должен был отсрочить взрыв, чтобы вражеских солдат осыпало раскаленной шрапнелью. Запись в дневнике солдата Союза Кристофа Нидерера⁵⁸ (20-й Нью-йоркский пехотный полк, 6-й корпус) гласит:

Только я устроился поудобнее, как у меня над головой просвистел снаряд. Я чуть не оглох. Правой рукой я ощутил удар и увидел, что мундир запачкан чем-то белым. Я оцупал свою руку и возблагодарил Господа, что она осталась при мне. В

⁵⁸ Собрание личных вещей и предметов быта времен Гражданской войны, Институт военной истории армии США.

этот самый момент я почувствовал, что лицо у меня в чем-то мокром. Это была кровь. Я поднял глаза и увидел, что солдату, сидевшему рядом (его звали Кесслер), снесло полголовы. Его мозги залепили лицо нашему соседу, Меркелю, так что он теперь почти ничего не видел. Такое могло произойти с любым из нас, так что никто особенно не испугался.

Когда умолкли пушки, солдатам Союза было приказано примкнуть штыки и выступать через поле к конфедератам, которые окопались в траншеях. Но среди высокой кукурузы затаилась артиллерийская батарея. Как только северяне подошли поближе, мятежники открыли огонь крупной картечью. Шарообразные пули сносили головы с плеч, отрывали наступающим руки и ноги. Лейтенант Себастьян Дункан-младший⁵⁹ (13-й пехотный полк Нью-Джерси, 12-й корпус) свидетельствует в письме:

У нас над головами засвистели шальные пули и снаряды. Вокруг загремели взрывы. Наступление наших рядов перегородили тела мертвых и раненых. Прямо перед нами я увидел парня: ему оторвало ногу. Другой был изранен градом осколков и кричал от боли.

Когда атака захлебнулась, поле представляло собой пустошь, сплошь покрытую трупами и телами умирающих. Раненых бросили на произвол судьбы, а сверху все сыпались снаряды — они наносили все новые раны и крошили уже оторванные части тел. Сражение продолжалось всего два часа.

В тот день на Энтитем-крик шесть тысяч человек расстанутся с жизнью. Еще двадцать тысяч будут ранены, зачастую — смертельно.

Ли в конце концов придется отступить. Но генерал Джордж Б. Макклелан, задействовав в сражении всего две трети сил, которые имелись в его распоряжении, попросту наблюдал, как южане, хромя, отправились в Вирджинию для перегруппировки. Этот факт неизменно поражает военных историков. Если бы Макклелан решил преследовать конфедератов, он мог бы нанести сокрушительный удар всему Югу и вскоре положить войне конец.

Эйб был вне себя.

— Черт побери! — заорал он на Стэнтона, когда узнал, что генерал не стал преследовать отступающих врагов. — Он причинил мне больше горя, чем любой из конфедератов!

Линкольн немедленно выехал в ставку Макклелана, расположенную в Шарпсберге.

* * *

На знаменитой фотографии Авраам Линкольн и Джордж Б. Макклелан сидят друг напротив друга в генеральском шатре в Шарпсберге. Мужчины напряжены и, похоже, чувствуют себя несколько неловко. Известно, что Эйб как бы невзначай обронил:

— Если вам не нужна армия, я с удовольствием ее позаимствую.

Однако история не сохранила свидетельства о том, что произошло за несколько минут до того, как была сделана злополучная фотография.

Я поприветствовал [Макклелана], пожал руки его офицерам, а затем попросил оставить нас с генералом наедине. Я опустил завесу на входе в шатер, снял шляпу, положил ее на низенький столик, оправил сюртук и обернулся к Макклелану.

«Генерал, — обратился я к нему, — я должен задать вам вопрос».

«Пожалуйста», — разрешил он.

Я сгреб его за воротник и притянул к себе, настолько близко, что его лицо

⁵⁹ Личные бумаги лейтенанта Дункана, Историческое общество Нью-Джерси.

оказалось всего в нескольких дюймах от моего носа.

«Покажите, а?»

«О чем вы, черт подери?»

Я притянул его еще ближе.

«Покажите клыки, генерал! Дайте-ка посмотреть!»

Макклелан силился вырваться, но его ноги не доставали до пола.

«Они же у вас наверняка есть. — Рукой я попытался открыть ему рот. — Разве смертный человек может желать продлить агонию войны? Давайте! Покажите ваши черные глаза! — Я яростно встряхнул его. — Давайте!»

«Я не... не понимаю...» — проговорил он наконец.

Генерал и впрямь растерялся. Я чувствовал его страх. Я отпустил его и устыдился, что вышел из себя.

«Да, — кивнул я. — Вижу, что не понимаете».

Я поправил сюртук и откинул завесу над входом.

«Идемте, — окликнул я генерала. — Пусть Гарднер⁶⁰ делает свою фотографию, и покончим с этим».

Через месяц президент освободил Макклелана от командования.

* * *

Эйб выехал из ставки в Шарпсберге и решил сам оценить последствия сражения. Увидев изуродованные, очоленевшие тела по берегам Энтитем-крик, президент не выдержал — слишком много боли накопилось в душе.

Я плакал, ведь каждый из этих мальчиков был Уилли. У любого из них остался отец, на которого, как и на меня, пало проклятие; и мать, которая рыдает, как и моя Мэри.

Эйб около часа просидел рядом с трупом одного из солдат. Президенту сказали, что снаряд разнес юноше голову.

Его затылок раскололся, большая часть кости и мозга отсутствовала, поэтому лицо мальчика покоилось на земле, словно опустевший мешок из-под зерна. Меня отталкивало это зрелище, но все же я не мог отвести глаз. Этот мальчик — безымянный мальчик — проснулся сентябрьским утром, еще не зная, что ему не суждено увидеть завтрашний рассвет. Он оделся, позавтракал. Храбро ринулся в бой. А потом погиб, и вся его жизнь обесценилась перед лицом единственной неудачи. Весь его опыт, прошлый и грядущий, окончился на незнакомом поле вдали от дома.

Я оплакиваю его родителей, братьев и сестер. Но по нему я не скорблю, ибо верю теперь в старую поговорку: «Лишь мертвые дождались конца войны».

IV

Сражение при Энтитем-крик обернулось чудовищными потерями, но тем не менее принесло Эйбу долгожданную победу. 22 сентября 1862 года Линкольн подписал первую прокламацию об освобождении рабов, согласно которой все рабы в мятежных штатах объявлялись «навсегда свободными».

Реакция последовала незамедлительно. Аболиционисты считали, что президент прибег к полумере, освободив только рабов в южных штатах. Те, кто придерживались умеренных

⁶⁰ Гарднер — вашингтонский фотограф, снявший последний фотопортрет Линкольна.

взглядов, опасались, что южане ответят на прокламацию еще более яростным сопротивлением. Некоторые из солдат-северян грозили поднять мятеж: они утверждали, что бьются за Союз, а не за «освобождение [негров]».

Эйбу не было до них дела.

Его волновал только отклик самих рабов. Судя по сообщениям, которые начали поступать в конце 1862 года, надежды Линкольна оправдались.

Сегодня я получил ошеломительное известие от наших союзников из Нью-Йорка. Сьюард пересказал мне историю недавнего восстания на плантации неподалеку от Висксберга, штат Миссисипи. Я уверен, что повествование ничуть не приукрашено, ведь новость поведал беглый негритянский мальчишка, который видел все собственными глазами.

«Счастлиное известие об [освобождении] они получили утром, — рассказывал Сьюард. — Негры обрадовались и начали распевать восторженные песни. Однако хозяева веселья не одобрили и принялись охаживать негров плетью. Одну девушку схватили и заковали в колодки. Обычно, если с рабом так поступали, больше он не возвращался к своим. Негры же, вместо того чтобы смириться с жестокостью, как они всегда делали раньше, собрались и все вместе окружили сарай для откорма скота, в который утащили девушку. Они ворвались внутрь, размахивая серпами и косами, и их глазам предстало такое зрелище, что даже храбрейшие из бывших рабов вскрикнули от страха. Двое белых с какими-то нечеловеческими глазами склонились над закованной девушкой и окровавленными ртами прильнули к ее обнаженной груди. Негритянка уже потеряла сознание. Ее кожу окрасила неестественная бледность. Негры вскинули оружие и бросились на негодаев, полагая их смертными. Но вампиры перемещались с такой скоростью, что нападавшие растерялись. Вампиры метались по сараю, с легкостью насекомых запрыгивая на стены, а вокруг них плясали лезвия. Первые из нападавших немедленно погибли: заостренные когти рвали горло, а руки наносили такие сокрушительные удары, что люди падали замертво. Вампиров задавили числом. Шестеро негров схватили каждого из них, выволокли из амбара, поставили к поилке для скота и обезглавили».

Земля наполнилась слухами. Дни вампиров в Америке были сочтены.

* * *

Девятнадцатого января 1863 г. Эйб выступал перед пятнадцатью тысячами слушателей. Он достал из кармана листок, развернул его, откашлялся и заговорил:

— Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию, рожденную в свободе и преданную убеждению, что все люди созданы равными...

Президент приехал в Геттисберг, чтобы открыть мемориал, посвященный восьми тысячам солдат, отдавших жизни в трехдневном сражении за победу Союза. Пока Линкольн произносил речь, Уорд Хилл Леймон (его можно разглядеть рядом с Эйбом на одной из сохранившихся фотографий) озабоченно оглядывал толпу. Он держал руку на пистолете под сюртуком и пребывал в постоянном напряжении, ведь в тот день он один отвечал за безопасность президента.

Мы просидели на сцене три часа. Пережили три часа беспрестанного беспокойства. Я был уверен, что убийца попытается совершить покушение. Мне казалось, что на всех лицах написана ненависть к президенту. В каждом движении мне мерещилось посягательство на его жизнь.

Поначалу Эйб желал ехать в Геттисберг без охраны. Он опасался, что вооруженные люди придутся не ко двору на выступлении, призванном почтить память тех, кто отдал жизнь за свою страну. Леймону пришлось (полушутя) пригрозить организовать поломку

президентского поезда. Только тогда Эйб согласился взять телохранителя с собой.

— ...мы будем жить в убежденности, что они погибли не зря, что эта нация, с божьей помощью, возродится свободной и что власть людская, власть народа и для народа, не исчезнет с лица земли.

Эйб сложил листок и занял свое место под сдержанные аплодисменты. Он говорил всего две минуты. За столь короткое время Линкольн произнес величайшую речь девятнадцатого века, которая навеки останется в памяти американских граждан. И за то же время Уорд Хилл Леймон, самый преданный из охранников президента, принял решение, которое навеки изменит ход американской истории.

Волнение, пережитое в Геттисберге, оказалось слишком сильным. По пути в Вашингтон Леймон признался Линкольну, что, при всем уважении, он больше не сможет его охранять.

V

Вечером 8 ноября 1864 года Эйб в одиночестве шел сквозь ливень и ветер.

Я решил ждать результатов на телеграфе, точно так же, как в Спрингфилде четыре года назад. Если я проиграю, не хочу слушать слова утешения. Если выиграю, не хочу, чтобы меня поздравляли. У меня немало причин желать первого исхода и скорбеть о втором.

Ко дню выборов война унесла уже пятьсот тысяч жизней. Несмотря на невообразимые потери, желание поскорее окончить войну и неоднозначное отношение к освобождению рабов, Линкольн со своим новым вице-президентом, демократом Эндрю Джонсоном из Теннесси, одержали оглушительную победу над Джорджем Б. Макклеланом (тем самым Макклеланом, с которым Эйб схлестнулся при Энтитем-крик). Восемьдесят процентов военнослужащих из армии Союза проголосовали за переизбрание своего главнокомандующего. Цифра поразительная, особенно с учетом того, что Эйб баллотировался против их бывшего генерала. К тому же в последние годы армия существовала не в лучших условиях. Когда солдаты Союза, осадившие Ричмонд, столицу Конфедерации, узнали о результатах выборов, они шумно выразили свою радость. Горожане решили, что это Юг капитулировал.

Южане не без причины ждали поражения. Ричмонд уже несколько месяцев находился в окружении. Атланта (сердце южной промышленности) была захвачена. По всей Конфедерации десятки тысяч освобожденных рабов прорывались к северу, попутно уничтожая сельское хозяйство и вынуждая вампиров Юга рыскать в поисках легкой добычи. В результате «призраки», которых раньше так боялись войска Союза, перестали нападать на солдат. К тому времени, как Эйб 4 марта 1865 года во второй раз прошел инаугурацию, война уже почти завершилась.

«Не испытывая ни к кому злобы, с милосердием ко всем, с непоколебимой верой в правое дело, как Господь учит нас отделять правое от неправого, приложим же все усилия, чтобы окончить начатое: перевязать раны нации, позаботиться о тех, кто принял битву, и о вдовах их, и о сиротах. Сделаем же все, чтобы достичь мира и сохранить его — справедливым и долгим — среди нас самих и среди всех наций».

В шествии, которое последовало за речью президента, принял участие батальон чернокожих солдат.

Я смотрел, как они маршируют, и растрогался до слез. Солдаты отдавали честь, и в каждом лице мне чудился безымянный искатель справедливости. Мне

видалась маленькая девочка, которая проезжала по Старой камберлендской дороге столько лет назад. Каждое лицо являло мне былые муки и обещание грядущего.

* * *

Армия генерала Роберта Э. Ли сдалась 9 апреля 1865 года. Гражданская война закончилась. На следующий день Эйб получил известие, написанное знакомым почерком.

Авраам,

прошу тебя позабыть вражду и прочитать мои поздравления.

С радостью сообщаю, что наши враги покидают страну. Некоторые возвращаются в Европу, некоторые едут в Южную Америку и на Восток, где они вряд ли попадутся охотнику. Они заглянули в грядущее, Авраам, и увидели, что Америка навсегда останется страной живых. За четыре долгих года ты совершенно оправдал свое имя и стал «отцом народов». И, в полном соответствии с твоим именем, Господь потребовал от тебя немислимых жертв. Но ты блестяще выдержал все испытания. Ты подарил благословенное будущее своим современникам и тем, кому еще предстоит жить на этой земле.

Она гордилась бы тобой.

Всегда твой,

Г.

В детстве Эйб поклялся «убить всех вампиров в Америке». Задача оказалась непосильной, но он старался как мог: выгнал самых отвратительных из них вон из Америки. Но один вампир не пожелал уехать. Он верил, что мечта о стране бессмертных созданий может претвориться в жизнь — если только Авраам Линкольн умрет.

Вампира звали Джон Уилкс Бут.

Глава 13

Так всегда будет с тиранами

Я оставляю вас, зная: огонь свободы будет пылать в ваших сердцах, пока не исчезнет всякое сомнение в том, что все люди созданы свободными и равными.

**Линкольн, речь в Чикаго, штат Иллинойс
10 июля 1858 г.**

I

Двенадцатого апреля 1865 года через лужайку возле Белого дома двигался незнакомец — прямо к колоннам Южного портика, где в ясные весенние дни на балконе третьего этажа частенько появлялся сам президент. Мужчина шел быстро, в руках он нес небольшой кожаный портфель. Закон об учреждении Секретной службы лежал в ту среду на столе у Линкольна. Там он останется до самой его смерти.

Без трех минут четыре незнакомец вошел в Белый дом и представился одному из дворцовых:

— Меня зовут Джошуа Спид. Я хотел бы видеть президента.

Жизнь, проведенная в боях, не пощадила Эйба. После смерти Уилли Линкольн все больше слабел. Он сделался мрачным, потерял уверенность. Морщины на лице казались все глубже, а под глазами набрякли мешки, из-за чего президент всегда выглядел изможденным. Мэри пребывала в депрессии, а в редкие периоды оживления употребляла свою нервную энергию на перестановку мебели или сеансы «связи» с любимыми сыновьями, Эдди и

Уилли. Эйб ограничил общение с женой обменом дежурными любезностями. Между 3 и 5 апреля, по пути в павшую столицу Конфедерации, Ричмонд, президент записал на полях в дневнике такое стихотворение:

Мне опять,
как встарь, близка
подруга давняя,
тоска.

Авраам хотел развеяться, с кем-нибудь поговорить, а потому пригласил старого друга и бывшего охотника на вампиров провести вечер в Белом доме. Когда доложили о приезде Спида, президент прервал совещание и поспешно прошел в гостиную. После гибели Линкольна Джошуа вспоминал о той встрече в письме к соратнику, Уильяму Сьюарду:

Президент положил правую руку мне на плечо, я обернулся, и мы замерли. Полагаю, на моем лице он прочел удивление и скорбь. Я смотрел на него и видел слабость, которой прежде за ним не водилось. Плечистого великана, способного разрубить вампира пополам, больше не было. Я не видел радости в его глазах, не видел уверенности. Передо мной стоял согбенный, сухопарый, болезненно бледный джентльмен. Линкольн выглядел лет на двадцать старше, чем ему полагалось. «Дорогой мой Спид!» — воскликнул он и заключил меня в объятия.

Охотники отужинали вдвоем. Мэри пожаловалась на головную боль и легла в постель. После трапезы они ушли в кабинет Эйба, где просидели до утра, посмеиваясь и вспоминая былые дни так запросто, будто снова оказались в спрингфилдской комнатухе над магазином. Друзья говорили об охоте, о войне, о вампирах, улепетывающих из страны. Кроме того, они беседовали о повседневных мелочах: о семье, о работе, о чуде фотографии.

Все было так, как я мечтал. Мои беды остались где-то далеко, сердце успокоилось, и я вновь ощутил себя самим собой, пусть даже всего на несколько часов.

В какой-то момент, уже за полночь, Эйб, рассмешив Спида бесчисленными шутками, рассказал ему про сон. Про кошмар, который возвращался уже несколько ночей подряд. Авраам даже записал его в дневнике, чтобы не забыть:

Вокруг стояла мертвая тишина. Потом я услышал сдавленные всхлипы, как будто плакала целая толпа. Я встал с постели и направился вниз. Там раздавались те же всхлипы, но скорбящих не было видно. Я блуждал из комнаты в комнату: вокруг не было ни души, но повсюду меня встречал безутешный плач. Я растерялся и встревожился. Что это означает? Я шел все дальше, пока наконец не добрался до Восточного зала. Там меня поджидало нечто чудовищное и неожиданное. Передо мной возвышался катафалк, на котором покоилось тело в погребальных одеждах. Вокруг стояли часовые. В зале собралась целая толпа: одни со скорбью смотрели на покойника (лицо у него было закрыто), другие рыдали.

«Кто скончался в Белом доме?» — спросил я у одного из солдат.

«Президент, — ответил он. — Его убили».

Толпа горестно взывала. Я проснулся.

Больше той ночью уснуть мне не удалось.

II

Джон Уилкс Бут ненавидел солнце. Свет раздражал его кожу, слепил глаза. На солнце

круглые, розовощекие лица хвастливых северян делались невыносимыми. Солдаты проходили по улице, болтали о победах Союза, праздновали окончание «мятежа». *Вы понятия не имеете, за что шла война.* Двадцатилетний молодой человек всегда любил тьму, даже до того, как сделался ее слугой. Театр с самого начала был его домом. Плетеная тесьма, бархатные занавеси. Мягкий свет газовых ламп. Театр стал центром его жизни, и именно в театр Бут зашел перед полуднем, чтобы забрать свою корреспонденцию. Он ждал восхищенных писем от поклонников, быть может, от тех, кому посчастливилось увидеть, как он блистал в Нью-Йорке в роли Марка Антония или как на этих самых подмостках играл свою недавнюю роль — Пескару в «Отступнике».

Дверь за кулисами, как и все двери в зрительный зал, была распахнута, и в помещение проникал дневной свет, но в театре Форда все равно стоял полумрак. Балконы первого и второго яруса утопали во тьме. Бут шел по сцене, и эхо его шагов отдавалось в гулкой пустоте. Для него не существовало более родного и привычного места. Бут нередко проводил дневные часы в полутемном театре: дремал на рабочих мостках, читал при свечах на верхнем ярусе или репетировал перед безлюдным залом. *Пустой театр похож на обещание.* Кажется, так говорят? *Пустой театр похож на невыполненное обещание.* Пройдет несколько часов, и зал наполнится светом и шумом. Смехом и аплодисментами. Разодетой публикой в цветастых нарядах. Сегодня обещание исполнится. А потом, когда опустят занавес и погасят огни, снова наступит тьма. В этом и заключалась красота. В этом был театр.

Бут заметил, как двое рабочих что-то делают справа от сцены, футах в десяти над его головой. Они снимали перегородку между двумя маленькими ложами, чтобы из них получилась одна большая, наверняка для какой-нибудь важной особы. Одного из рабочих Бут узнал: это был Эдмунд Спенглер, краснолицый мужчина с мозолистыми руками. В театре частенько нанимали его.

— Кто же твои почетные гости, Спенглер? — поинтересовался актер.

— Президент, первая леди и генерал Грант с супругой.

Не говоря ни слова, Бут спешно покинул театр. Корреспонденцию он так и не забрал.

* * *

Необходимо было связаться с друзьями, продумать план, подготовить оружие... Как мало времени. *Как мало времени, какая потрясающая возможность!* Бут направился напрямик к пансиону Мэри Суррат.

Мэри, простоватая, полная темноволосая вдова, приходилась Буту бывшей любовницей (к тому же она была яркой сторонницей южан). Они познакомились много лет назад, когда актеру случилось зайти в таверну в Мэриленде, которую держала семья Суррат. Мэри была на четырнадцать лет старше, но влюбилась в юношу без памяти. У них завязался роман. После смерти мужа Мэри продала таверну, переехала в Вашингтон и открыла небольшой пансион на Эйч-стрит. Бут нередко ее навещал, впрочем, в последние годы он несколько охладил к плотским радостям. Мэри все еще любила его, так что когда любовник попросил Суррат съездить в ее бывшую таверну и передать нынешнему владельцу, Джону Ллойд, «чтоб готовил оружие», она ни минуты не колебалась. За несколько недель до описываемых событий Бут припрятал у Ллойда целый огнестрельный арсенал: он хотел похитить Линкольна и обменять его на пленных конфедератов. Теперь Бут собирался задействовать свой оружейный склад в плане попроще.

Любовь Мэри приведет ее к гибели. Через три месяца ее повесят за то, что она передала послание Бута.

Пока женщина выполняла роковое поручение, Бут навестил Льюиса Пауэлла и Джорджа Атцеродта. Они должны были помогать ему в несостоявшемся похищении, а теперь придется весьма кстати в новой, дерзкой аванюре, которую актер пока обдумывал. Атцеродт — пожилой, побитый жизнью немецкий иммигрант. Он занимался починкой

колясок и был давним знакомцем Бута. Пауэлл, по-мальчишески обаятельный (ему не исполнилось еще и двадцати двух), — бывший солдат мятежников, член Секретной службы Конфедерации и друг семьи Суррат. Они договорились встретиться в семь часов вечера. Бут ничего не объясняя.

Велел только приходить вовремя и собраться с духом.

III

Эйб пребывал в прекрасном расположении духа.

«Все утро из кабинета доносился смех, — годы спустя написал Николэй. — Поначалу я не разобрал, что за звук, поскольку совсем отвык от жизнерадостности президента». Хью Маккуллох, министр финансов, вспоминал: «Ни разу не видел мистера Линкольна таким веселым». Эйб радовался встрече с друзьями-охотниками, а также телеграммам, которые, что ни час, приходили из военного министерства. Пятью днями ранее Ли сдался Улисссу Гранту под городком Аппоматокс в штате Вирджиния. Война наконец закончилась. Джефферсон Дэвис со своим правительством ударился в бег.

Линкольны желали лично поздравить Гранта с блестящей победой над Робертом Э. Ли и пригласили его с супругой вечером на театральное представление. В театре Форда поставили новую комедию. Президент с женой остро нуждались в паре часов беззаботного смеха. Генерал поблагодарил за приглашение, но вынужден был ответить отказом: они с Джулией должны были сесть на поезд из Вашингтона. Поднялась суматоха, принялись искать других гостей. Все знакомые немедленно (и вежливо) отказались по той или иной причине. Говорят, что Мэри тогда заметила: «Можно подумать, мы их тащим на казнь».

Эйб не переживал. Никакие отказы, вежливые или не очень, не могли омрачить ту чудесную пятницу.

Я чувствую себя необычно бодро. [Спикер палаты представителей Шайлер] Колфакс, с которым мы с утра обсуждали послевоенное восстановление, после получасовой беседы даже осведомился, не хлебнул ли я с утра скотча вместо кофе. Сегодня испортить мне настроение не смогли ни министры, ни [вице-президент Эндрю] Джонсон (хотя они приложили к этому все усилия). Все же я не рискую говорить о своем настроении вслух, ведь Мэри наверняка сочтет подобную нескромность за дурное предзнаменование. Она давно, как и сам я, разучилась доверять тихим и спокойным минутам. Но деревья сегодня в цвету — и я не могу этого не отметить.

Последняя запись в дневнике Эйба датирована 14 апреля 1865 года.

Днем, когда с государственными делами было покончено, президент решил выехать с женой на прогулку. Мэри не разделяла энтузиазма мужа, однако и сама сегодня пребывала в неплохом настроении. Она даже попросила Авраама «сделать кружок по двору». Когда президент остановился у Северного портика, однорукий солдат из армии Союза (он поджидал Линкольна весь день) выкрикнул:

— Я бы отдал и вторую руку за рукопожатие Авраама Линкольна!

Эйб подошел к молодому человеку и протянул руку:

— Пожалуйста! И это не будет тебе ничего стоить.

IV

Ровно в семь Бут явился в комнату, которую снимал Льюис Пауэлл. Вместе с ним пришел невысокий, беспокойный аптекарь по имени Дэвид Герольд, двадцати двух лет от роду. Их с Бутом познакомила Мэри Суррат. Атцеродт уже был на месте. Бут не терял времени.

Через несколько часов эти четверо собирались поставить Союз на колени.

Ровно в десять часов Льюис Пауэлл должен был убить государственного секретаря Уильяма Сьюарда, который после падения из коляски был прикован к постели. Беспокойному аптекарю предстояло проводить Пауэлла до места (тот плохо ориентировался в Вашингтоне). После смерти секретаря сообщники должны были скакать через мост Нэви-Ярд напрямик в Мэриленд, где Бут позже к ним присоединится. Тем временем Атцеродт застрелит вице-президента Эндрю Джонсона в его собственной комнате к Кирквуд-хаус, а потом, как и остальные, направится в Мэриленд. Бут, в свою очередь, намеревался вернуться в театр Форда. Там он хотел одним выстрелом из дерринджера убить президента, а потом заколоть генерала Гранта.

Союз останется без лидеров, и тогда Джефферсону Дэвису и его правительству хватит времени оправиться от поражения. Генералы Конфедерации, такие как Джозеф Э. Джонсон, Меривезер Томпсон и Стенд Уэйти, чьи солдаты доблестно сражались с янки, успеют перевооружиться (ведь война еще не окончена). Из Мэриленда Бут рассчитывал отправиться с тремя товарищами на юг, полагаясь по пути на доброту окрестных жителей, которые, без сомнения, предоставят беглецам кров и пропитание. Как только разлетится слух об их деяниях, от Техаса до обеих Каролин зазвучат радостные голоса. Ход истории переменится. Их восславят, как героев, а Джона Уилкса Бута станут именовать «спасителем Юга».

Атцеродт возразил, что он соглашался участвовать в похищении, а не в убийстве. Бут разразился вдохновенной речью. Записи не осталось, известно только, что он говорил жарко и убедительно. Возможно, даже цитировал Шекспира. Речь он, конечно, отрепетировал заранее. Какие бы слова ни выбрал Бут, они оказали нужное воздействие. Атцеродт неохотно согласился. Чего испуганный немец не знал — чего не знал никто из сообщников, даже в те минуты, когда они преодолевали тринадцать ступенек к собственной смерти, — так это того, почему молодой актер на самом деле ненавидел Линкольна.

* * *

Его нельзя было понять. Джона Уилкса Бута прозвали «самым красивым мужчиной в Америке». Он собирал полные залы в театрах по всей стране. Женщины толкались в давке, лишь бы взглянуть на него. Бут родился в знаменитой актерской семье и впервые вышел на сцену еще подростком. В отличие от старших братьев, Эдвина и Джуниуса, выбравших классические амплуа, Джон следовал своим инстинктам: он метался по сцене и орал во все горло. «Любое слово, даже самое невинное, в его устах звучит яростным криком, — писали в „Бруклин дэйли игл“, — однако его игра совершенно захватывает зрителей. Этот джентльмен одарен благословением небес».

По слухам, как-то после «Макбета» в театре Ричмонда Бут увел шестерых юных дам к себе в пансион и три дня оттуда не выходил. Он был богат. Известен. Занимался любимым делом. Джон Уилкс Бут мог бы считать себя счастливейшим среди живущих.

Но живущим он не был.
Жизнь — ускользающая тень, фигляр,
Который час кривляется на сцене
И навсегда смолкает; это — повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но смысла нет.⁶¹

Когда Джонни Буту было тринадцать, он заплатил старой цыганке, чтобы она ему погадала. Мальчик всегда был равнодушен к предсказаниям, особенно тем, что касались его собственной судьбы. По большей части в этом можно винить его эксцентричную мать.

⁶¹ У. Шекспир, «Макбет» (акт V, сцена 5). Перевод М. Л. Лозинского.

«В ночь, когда ты родился, — рассказывала она, — я попросила Господа дать знак, что ожидает моего сына. Он ответил».

Всю жизнь Мэри Энн Бут божилась, что языки огня вдруг сорвались из очага и сложились в слово «СТРАНА». Бессчетные часы Джонни размышлял, что бы это могло означать. Он знал: его ожидает особая участь. Он чувствовал.

— Плохая судьба! — Цыганка отшатнулась. — Горести... Беды... Куда ни глянь.

Бут ждал пророчества о грядущем величии, а получил роковое предупреждение.

— Ты умрешь молодым, — продолжала цыганка, — но сначала заведешь много врагов.

Джонни возразил: она ошиблась! Точно ошиблась! Цыганка качала головой. Судьбы не избежать.

Джона Уилкса Бута ждал дурной конец.

Через семь лет сбылась первая часть зловещего предсказания.

* * *

Из шести дам, что пошли с Бутом в ричмондский пансион тем вечером, до утра осталась только одна. Остальных актер выставил за дверь еще до рассвета: прически их пребывали в беспорядке, а одежду девушки держали в руках. Когда алкогольный туман рассеялся, Бут обнаружил, что они не представляют из себя ничего особенного: такие же глупенькие, болтливые, беспринципные девицы, какие льнули к нему после спектаклей в любом городе. Он уже взял все, в чем нуждался. Больше они ему не нужны.

Но та, что осталась в его постели, оказалась совершенно иной. Невысокая, темноволосая, белокожая красotka лет двадцати держалась со спокойным достоинством зрелой женщины. В ней чувствовалась какая-то хитринка, и хоть говорила она нечасто, когда все же открывала рот, неизменно изрекала что-либо мудрое. Они занимались любовью несколько часов подряд. Ни с одной женщиной — ни с Мэри Суррат, ни с бесчисленными поклонницами — Бут больше не испытывал такого. Девушка влекла его так, как раньше притягивала только сцена.

Всякая женщина до нее была невыполненным обещанием.

В минуты отдыха Бут рассказывал о своем детстве и юности: он поведал о слове «СТРАНА» в языках пламени, о цыганке, о неизменном предчувствии, что он создан для чего-то большего, чем деньги или слава. Белокожая красавица прикинула к его уху и шепнула, как можно достичь величия. Быть может, он ей поверил, возможно, просто пошел на поводу у молоденькой любовницы, но в ту, вторую, ночь Джон Бут по собственной воле испил ее кровь.

Следующие два дня он мучился от самой тяжелой, последней болезни в своей жизни. Простыни вымокли от пота, Буту мерещились чудовищные видения, его сотрясали столь сильные судороги, что ножки кровати стучали по полу.

Через три дня после последнего появления на публике Бут очнулся. Он поднялся с постели и вышел на середину комнаты. Белокожая девушка исчезла. Он никогда не узнает ее имени и больше ее не увидит. Что ж, не важно. Бут никогда не чувствовал себя лучше, никогда прежде не мыслил с такой ясностью.

Она сказала правду.

Бут мечтал о бессмертии с самого детства. Теперь мечта сбылась. Он всегда знал, что его ожидает особая участь. Так и есть! Он станет величайшим актером своего времени! Величайшим актером всех времен! Его имя прославится, как и не снилось Эдвину с Джуниусом. Он одарит своей игрой многие театры мира; увидит, как целые империи рассыпаются в прах; выучит наизусть все произведения Шекспира. Станет повелителем времени и пространства! Бут только улыбнулся, вспомнив слова цыганки. *Старуха оказалась права.* Он умер молодым, как она и предсказывала. А теперь будет жить вечно.

«Я вампир, — думал он. — Хвала Господу».

Впрочем, бессмертие разочаровало Бута. Как и многим вампирам, ему предстояло затвердить жестокий урок. У него не было учителя, который объяснил бы, что за странные голоса звучат у молодого вампира в голове, когда он смотрит на зрителей. Не было торговца, который предложил бы купить темные очки или хорошее средство, чтобы вывести кровь с рукава. Когда Бут впервые испытал голод, нахлынувший словно волна, он несколько часов проблуждал по темным улицам Ричмонда, следовал за пьянчужками по бесконечным извилистым переулкам, но так и не набрался храбрости напасть.

Когда голод сделался невыносимым и Бут почувствовал, что вот-вот соскользнет в бездну безумия, он решился добыть себе пропитание. Но не в Ричмонде. Через двадцать дней после того, как он стал бессмертным, Джон дождался заката, сел на лошадь и поскакал на плантацию в соседнем городке Чарльз-Сити. Гаррисон, состоятельный табачный фермер, недавно посмотрел «Гамлета» и пригласил Бута отужинать у него на следующей неделе. Актер как раз собирался его навестить.

Он привязал лошадь к дереву в саду ярдах в двадцати от жилищ рабов — десяти одинаковых кирпичных домиков. Дым не валил из труб. В окошках не было света. Бут подкрался к ближайшему дому (исключительно ради удобства) и заглянул в окно. Огонь не теплился, луна не взошла на небе, но вампир видел все так ясно, будто комната освещалась газовыми лампами, которые слепили его каждую ночь.

Внутри крепко спали около дюжины негров обоего пола и разного возраста. Некоторые расположились на кроватях, другие устроились на плетеных ковриках. Подле окна дремала маленькая девочка лет семи или восьми в старенькой ночной рубашке.

Через несколько минут Бут оказался в саду. Он всхлипывал, баюкая на руках безжизненное детское тельце. Кровь девочки струилась по его клыкам и стекала на подбородок. Вампир упал на колени и крепко прижал ребенка к груди.

Он сделался дьяволом.

Бут ощутил, как его клыки пронзают упругие мышцы на шее жертвы. Он снова припал к кровоточащей ране.

V

После череды вежливых отказов Линкольны наконец нашли знакомых, которые согласились сопровождать их в театр. Майор Генри Ратбоун и его невеста, Клара Харрис (дочь нью-йоркского сенатора Айры Харриса), сидели в президентской коляске напротив Эйба с Мэри. Они ехали сквозь легкий вечерний туман. Ветерок шевелил складки черного шелкового платья миссис Линкольн и обдувал шляпку того же цвета. Эйб, в шерстяном сюртуке и белых перчатках, совсем не мерз. Коляска подъехала к театру Форда около половины девятого. Спектакль, «Мой американский кузен», уже начинался. Эйб ненавидел опаздывать, поэтому извинился перед швейцаром и поприветствовал телохранителя, Джона Ф. Паркера.

Паркер, полицейский из Вашингтона, почему-то явился заступать на смену в Белый дом тремя часами ранее, не представив никакого объяснения. Уильям Г. Крук, охранник Линкольна в дневное время, рассердился и отослал сменщика в театр, приказав дожидаться президента там. В свое время станет известно, что Паркер был отъявленным пьяницей и не раз засыпал во время дежурства.

Сегодня вечером этот человек один нес ответственность за жизнь Авраама Линкольна.

Линкольнов и их гостей проводили по узкой лестнице вверх, в сдвоенную ложу. Слева поставили черное ореховое кресло-качалку для Линкольна. Рядом с ним должна была сидеть Мэри, а правее — Клара с майором. Только они заняли свои места, как представление прервали и объявили о прибытии президента. Эйб немного смутился, но все же встал. Оркестр сыграл президентский марш, а все зрители в тысячном зале поднялись и вежливо

заплодировали. Представление возобновилось. Джон Паркер занял свое место за дверью. Отсюда он мог увидеть любого, кто попробовал бы приблизиться к президентской ложе.

Джон Уилкс Бут прибыл в театр через час после четы Линкольнов и прошел за сцену. На него никто не обратил внимания. В театре Форда он был частым гостем, вольным приходило когда заблагорассудится, и нередко смотрел спектакли из-за кулис. Но сегодня Бута интересовал не спектакль. Он не собирался болтать с впечатлительными молоденькими актрисами. Бут прекрасно ориентировался в театре: он шел сквозь лабиринт коридоров, пока не добрался до лестницы, которая вела к ложам справа от сцены. Его удивило отсутствие часовых. Бут ожидал встретить по меньшей мере одного охранника и надеялся, что обладателя столь громкого имени пропустят к президенту. *Великий актер пришел выразить свое уважение великому человеку.* В карман сюртука Бут нарочно положил визитку.

Перед дверью он увидел лишь пустующий стул.

* * *

Джон Паркер не видел, что творится на сцене. Ему это не понравилось. Невероятно, но во время второго акта он попросту оставил свой пост и пошел искать другое место. К началу третьего акта Паркер и вовсе ушел из театра. Он собирался пропустить стаканчик в «Стар-салуне» по соседству. Теперь Бута отделяла от Линкольна лишь узкая лестница.

Наверху Мэри Линкольн взяла мужа за руку. Посмотрев на Клару Харрис (которая скромно сложила руки на коленях), миссис Линкольн прошептала Эйбу:

— Что мисс Харрис подумает о таких нежностях?

— Ничего она не подумает.

Большинство историков сходятся во мнении, что это были последние слова Линкольна.

Бут неслышно поднялся по лестнице и остановился у ложи. Он хотел дожидаться реплики, за которой наверняка последует громкий смех.

Настолько громкий, что заглушит выстрел.

На сцене Гарри Хок произносил прочувствованный монолог. Бут выжидал и слушал, как голос Хока разносится по залу. Убийца тихо шагнул вперед, прицелился Линкольна в затылок и осторожно... осторожно взвел курок. Будь Эйб лет на десять моложе, он услышал бы щелчок и мог бы среагировать с той быстротой и силой, которые уже не раз спасали ему жизнь. Но он был немолод. И устал. Он чувствовал только руку Мэри в своей руке. Слышал только оглушительный голос Гарри Хока:

— Не умеешь вести себя в приличном обществе, а? Что ж, подружка, я тебя как облупленную знаю! Я тебя на чистую воду выведу, змея подколотная!

Зрители захохотали. Бут выстрелил.

Пуля вошла Эйбу в череп, и президент качнулся вперед в своем кресле. Он уже был без сознания. Крики Мэри слились с громоподобным смехом, а Бут тем временем выхватил охотничий нож и хотел броситься на следующую жертву. Но вместо генерала Гранта он столкнулся с молодым майором Ратбоуном, который вскочил со своего места и кинулся на убийцу. Актер вонзил нож молодому человеку выше локтя и подскочил к перилам. Клара вторила крикам Мэри. Смех перешел в перешептывания, а люди повернулись на шум. Ратбоун здоровой рукой ухватил Бута за сюртук, но не удержал. Актер перепрыгнул через перила ложи, однако зацепился шпорой за флаг казначейства, который еще днем подвесил Эдмунд Спенглер. Бут неловко повалился на сцену. При падении он сломал левую ногу, и теперь она оказалась нелепо вывернута в колене.

Несмотря на травму, Бут, как истинный актер, решил покрасоваться. Он поднялся на ноги, повернулся к зрителям, которые к тому моменту испуганно зашевелились, и прокричал:

— *Sic semper tyrannis!*

Таков был девиз штата Вирджиния: «Так всегда будет с тиранами!» Засим Джон Уилкс Бут в последний раз сошел со сцены.

Как и речь, произнесенную перед сообщниками, эту фразу он, скорее всего, отрепетировал заранее.

VI

Примерно в это же время Льюис Пауэлл выбежал из дома госсекретаря, крича: «Все пропало! Пропало!» Правда, он еще не подозревал, что провалил свою миссию.

Герольд, беспокойный аптекарь, свою часть договоренности выполнил: привел Пауэлла к особняку Сьюарда. Теперь с безопасного расстояния он наблюдал, как в десять часов Пауэлл постучал в парадную дверь. Открыл дворецкий, и заговорщик произнес тщательно подготовленную реплику:

— Добрый вечер. Я принес лекарство для мистера Сьюарда. Мне необходимо вручить его лично.

Через минуту он уже оказался на втором этаже, всего в нескольких ярдах от своей цели. Но не успел Пауэлл проскользнуть в спальню, как к нему подошел Фредерик, сын Сьюарда.

— Какое у вас дело к моему отцу?

Пауэлл слово в слово повторил отрепетированное оправдание. Но Сьюард-младший почему-то ему не поверил. Что-то пошло не так. Молодой человек объяснил Пауэллу, что отец «спит» и лучше зайти к нему с утра.

У Льюиса Пауэлла не осталось выбора. Он выхватил револьвер, наставил его на Фредерика и спустил курок. Выстрел не грянул. Осечка.

Все пропало! Пропало!

Времени не было. Пауэлл ударил Фредерика пистолетом по голове. Молодой человек упал. Из ноздрей и ушей у него потекла кровь. Убийца ворвался в комнату своей жертвы и наткнулся на Фанни Сьюард, дочь госсекретаря. Она закричала. Не обращая внимания на девушку, Пауэлл выхватил нож и принялся вонзать его в лицо и шею больного — еще раз и еще, пока тот не упал на пол замертво.

По крайней мере, так полагал убийца. Из-за происшествия с коляской Сьюарду пришлось носить на шее стальную ортопедическую шину. На лице у старика остались глубокие порезы, но лезвие так и не затронуло гортань.

Пробегаая мимо Фанни, Пауэлл несколько раз полоснул ее ножом по рукам. На лестнице убийца столкнулся с другим сыном Сьюарда, Августом, а также с сержантом Робинсоном, оставшимся на ночь в доме госсекретаря. Мужчины пытались остановить Пауэлла, но получили удары ножом, как и Эмерик Гансель, которому, к несчастью, случилось доставить телеграмму в тот самый момент, когда Пауэлл выбегал из дверей.

Как ни странно, все раненые впоследствии поправились.

Аптекаря на улице уже не было. Заслышав вопли Фанни Сьюард, он сбежал. Пауэлл плохо ориентировался в городе, но теперь ему предстояло самостоятельно отыскать дорогу. Он швырнул окровавленный нож в канаву, отвязал лошадь и галопом скрылся в ночи.

Покушение на Сьюарда окончилось неудачей, но Пауэлл мог бы утешаться тем, что он преуспел куда больше Джорджа Атцеродта. Немец разнервничался, выпил в баре неподалеку от дома вице-президента, а затем до рассвета бродил по вашингтонским улицам.

VII

Чарльз Лил, двадцати трех лет, помог другим солдатам перенести президента в пансион Петерсена, располагавшийся прямо через дорогу от театра Форда. Линкольна пришлось положить по диагонали, так как кровать оказалась слишком коротка. Лил, военный врач, случайно оказался среди зрителей. Он растолкал толпу, взбежал по узким ступенькам и ворвался в ложу, где Линкольн все еще сидел, поникнув в кресле. Молодой врач бросился к президенту, но не нашел пульса и не услышал дыхания. Тогда он ощупал голову раненого и прямо за левым ухом отыскал входное отверстие от пули. Когда Лил извлек из раны

кровавой сгусток, Линкольн снова задышал.

Лил был молод, но отнюдь не наивен. Ему доводилось видеть похожие раны на поле боя. Исход был известен. Всего через несколько минут после покушения врач озвучил суровый и точный приговор:

— Рана смертельна. Он не выживет.

Мэри не смогла находиться в комнате с умирающим мужем. Всю ночь она проплакала в гостиной пансиона. Вскоре после полуночи прибыли Роберт с Тэдом. Они дежурили у постели отца, в точности так, как сам Эйб сидел у постели умирающей матери почти пятьдесят лет назад. К юношам присоединились Гидеон Уэллс и Эдвин Стэнтон. Через комнату тянулась бесконечная череда лучших врачей Вашингтона. Все они спешили на помощь, но ничего не могли поделать. Доктор Роберт Кинг Стоун, семейный врач Линкольна, осмотрел президента и заключил, что случай «безнадежен». Оставалось только ждать.

К рассвету на улице у пансиона собралась толпа народа. Дыхание Линкольна все слабело. Сердце сбивалось с ритма. Кожа похолодела. Врачи отмечали, что при подобном ранении большинство людей скончались бы через два часа или даже раньше. Эйб продержался девять часов. Впрочем, Авраам Линкольн никогда не был обычным человеком. Он умел побеждать смерть.

Ребенок, что матерью был так любим,
И мать, что вовек пребывала бы с ним,
Отец, их хранивший могучей рукой, —
Все обретают свой вечный покой.⁶²

Авраам Линкольн скончался в 7 часов 22 минуты утра в апрельские иды 1865 года.

Друзья у его постели склонили головы и прочитали молитву. Потом Эдвин Стэнтон произнес:

— Теперь он принадлежит вечности.

Засим он приступил к рассылке телеграмм: Джон Уилкс Бут был в бегах, и Стэнтон намеревался поймать убийцу.

VIII

Бут с Герольдом скрывались от армии Союза целых одиннадцать дней. Сначала заговорщики бежали в Мэриленд, затем — в Вирджинию. Они прятались в болотах, спали на сырой земле. Бут ожидал, что его встретят как героя. Как спасителя Юга! Вместо этого его вышвырнули на улицу.

— Ты слишком далеко зашел, — сказали ему южане. — Янки спалют фермы от Балтимора до Бирмингема, пока тебя не найдут.

Теперь сбывалась вторая часть предсказания цыганки. Бут нажил много врагов.

Двадцать шестого апреля бывший актер проснулся от знакомых криков.

Ах он, двуличный сукин сын...

Ричард Гаррет, в отличие от остальных соотечественников, заговорщиков не прогнал. Он дал им еды и пустил переночевать в теплый табачный амбар. Судя по голосам солдат Союза, которые слышались на улице, после этого хозяин фермы выдал Бута за вознаграждение.

Герольда нигде не было. *Этот трус сам пошел и сдался.* Не важно. В одиночку получится уйти быстрее. Наступила ночь, а ночью властвуют такие, как он. Пусть себе ждут, думал он. *Пусть ждут: я им покажу, каков я на самом деле.* Нога давно зажила, и хотя Бут

⁶² Из стихотворения шотландского поэта Уильяма Нокса — любимого стихотворения Линкольна.

ослабел от голода, людям с ним было не тягаться. По крайней мере, в темноте.

— Сдавайся, Бут! Последний раз предупреждаем!

Бут не двинулся с места. Солдаты не соврали: предупреждение действительно оказалось последним. Они попросту подожгли амбар и забросили на крышу факелы. Доски загорелись. Старый сухой амбар вспыхнул как спичка. От ослепительного пламени тени в углах сгустились еще сильнее. Бут надел темные очки. Сверху послышался треск. Клубы дыма обратились в серые пальцы и поползли к потолку. Бут стоял в самом центре сцены и по старой актерской привычке теребил подол сюртука. Он хотел предстать во всем великолепии. Пусть чертовы янки поймут, кто он такой, прежде чем...

Здесь кто-то есть... И он желает мне зла...

Бут повернулся кругом и приготовился к нападению. Незнакомый мог броситься с любой стороны, в любой момент. Бывший актер выпустил клыки. Глаза залила чернота. Он был готов ко всему...

Но ничего не происходило. Вокруг был только дым, огонь и тени.

Что за наваждение? Я ведь чувствовал его, пока...

— Просто ты слаб.

Бут обернулся на голос.

Из самого темного угла амбара шагнул Генри Стерджес.

— И ты слишком много думаешь.

Он хочет меня убить...

Почему-то Бут все отчетливо понимал. Наверное, потому что незнакомец хотел, чтобы он понял, — и заставил его понять.

— Хочешь убить меня из-за простого смертного?

Генри сделал шаг вперед, и Бут попятился.

— ИЗ-ЗА ПРОСТОГО СМЕРТНОГО?

Генри молчал. Время слов прошло. Он выпустил клыки. Глаза сделались черными.

Это последние мгновения моей жизни.

Бут невольно улыбнулся.

Цыганка оказалась права...

Джона Уилкса Бута ждал дурной конец.

Глава 14 Домой

У меня есть мечта, что в один прекрасный день нация поднимется и осознает истинный смысл нашего кредо: «Мы считаем самоочевидным, что все люди созданы равными».

Мартин Лютер Кинг 28 августа 1963 г.

I

Аврааму Линкольна снился сон.

Он наблюдал, как его добыча движется среди людей, как уверенно обходит их. Выбирает. Взирает на них.словно бог. Смеется, наслаждается человеческой беспомощностью. «Нет, это ты, — думал Авраам, — ты сегодня беззащитен».

Еще секунда. Еще мгновение, и все начнется. Четкая последовательность отрепетированных движений. Представление, которое с каждым вечером разыгрывается все лучше. Идеально. Еще секунда — и стремительный рывок. Он заглянет в черные глаза и увидит, как жизнь навсегда оставит их. Все закончится. На сегодня.

Ему снова двадцать пять, и он силен. Он так силен. Все прошлые горести, все сомнения, смерти, разочарования — все предваряло этот миг. Прошлая жизнь стала огнем,

закалившим его грудь. В этом его сила. В этом — *она*. В такие минуты ему на ум приходила молитва. Еще до криков. До брани и крови. Он недолюбливал молитвы, но эта была ему по душе:

Если мои враги быстры, сделай меня быстрым. Если они сильны, Господи, даруй мне силу, чтобы я мог сразить их. Ибо я всегда был на стороне праведных. На стороне справедливости. На стороне света.

Он много раз натачивал свой топор. *Если ударить достаточно сильно, сам воздух истечет кровью.* За долгие годы рукоять истерлась и привычно ложилась в огромные ладони. Каждая трещинка была знакома. Трудно определить, где заканчивается оружие и начинается рука. Невозможно понять, сколько...

Давай!

Он прыгнул с крыши сарая и обрушился на свою жертву. Создание вскинуло голову. Глаза его заливала чернота. Показались клыки — пустые, голодные. Охотник еще в прыжке со всей силы метнул топор. Рукоять отделилась от ладоней. Он приземлился и краешком глаза успел заметить лицо — перепутанное лицо беспомощного, ошарашенного человека. Человек еще не понял, что ему спасли жизнь. «Это не ради тебя, — подумал охотник. — Ради нее». Старый товарищ кувыркался в воздухе: дерево-металл-дерево-металл-дерево-металл... Он *знал*. С той самой минуты, как выпустил оружие, он *знал*, что лезвие найдет свою цель. Знал, какой раздастся звук, когда расколется череп ложного божка, когда улыбка его разделится надвое, мозг разлетится, оборвется вечная жизнь. Охотник знал, ведь в этом было его предназначение.

В этом всегда было его предназначение...

Эйб проснулся в Белом доме.

Он оделся и присел за столик у окон, выходивших на Южную лужайку. Стояло прекрасное августовское утро.

Я рад, что снова оказался в Вашингтоне. Мне странно писать эти строки, но, очевидно, и я не остался в стороне от сегодняшних волнений. День обещает войти в историю. Надеюсь только, что это произойдет по той причине, на которую я рассчитываю, а не из-за вспышки насилия, которую некоторые предсказывают (а другие с нетерпением ожидают). Еще нет и восьми, но я уже вижу, как толпы стекаются через Эллипс прямо к монументу. Сколько их там соберется? Кто будет говорить, как примут слушатели их речи? Увидим всего через несколько часов. Жаль, что они выбрали именно это место. Честно говоря, здесь я испытываю определенную неловкость. Однако я удивлен, как мало меня смутила ночевка в собственном кабинете. Полагаю, это вполне логично. Ведь именно здесь, в этой самой комнате, я вписал свое имя в историю и передал страну потомкам. Надо послать президенту Кеннеди записку с благодарностью за гостеприимство.

II

Утром 21 апреля 1865 года траурный поезд Авраама Линкольна выехал из Вашингтона и отправился в Спрингфилд, где находился дом президента.

В пять минут девятого утра поезд «Линкольн Спешиа» отправился с вокзала по железной дороге Балтимор — Огайо. Тысячи людей выстроились вдоль рельс, чтобы посмотреть на девять вагонов, украшенных траурными венками. На локомотиве висел портрет покойного президента. Мужчины обнажили головы, на их глаза наворачивались слезы; женщины поникли. Солдаты, многие из которых поднялись с коек в больнице Св. Елизаветы, ради того чтобы проводить Линкольна в последний путь, вытянулись по струнке и отдали честь павшему главнокомандующему.

Двое сыновей Авраама ехали вместе с отцом. Роберт, двадцати одного года от роду, теперь уже в чине капитана, и Уилли: его гроб перенесли из временного склепа и установили рядом с отцовским. Тэд остался в Вашингтоне с Мэри. Горе подкосило миссис Линкольн, она до сих пор пребывала в Белом доме. За тринадцать дней поезд прошел тысячу семьсот миль на север с остановками в крупнейших городах. В Филадельфии триста тысяч зрителей толкались в толпе, лишь бы взглянуть на тело погибшего президента. В Нью-Йорке пятьсот тысяч человек выстроились, чтобы посмотреть на Эйба. Среди других за процессией наблюдал шестилетний Теодор Рузвельт. В Чикаго сотни тысяч столпились вокруг возвышения, на котором был установлен гроб с надписью: «Верен правому делу — мученик, отдавший жизнь за справедливость».

Вдоль путей, по которым шел поезд, собралось более двенадцати миллионов человек. Еще около миллиона отстояли очередь, чтобы увидеть тело президента в открытом гробу.

* * *

В четверг, 4 мая 1865 года, целое море черных зонтиков укрывало опечаленных зрителей от палящего солнца. Гроб Эйба запечатали и на катафалке, запряженном шестеркой белых лошадей, отвезли на кладбище Оук-Ридж.

Епископ Мэттью Симпсон читал трогательный панегирик «Спасителю Союза». Среди других слушателей стоял бледный мужчина в темных очках. На руках у него были перчатки, он прятался от солнца под черным зонтиком. Этот мужчина не умел плакать, но острее любого из спрингфилдцев испытывал в тот день чувство потери.

Солнце село, люди разошлись, а Генри все стоял у дверей склепа, куда поместили саркофаги Эйба и Уилли до сооружения постоянной гробницы. Он охранял покой того, кто сорок лет был ему другом. Охранял человека, который спас страну от порабощения и развеял тьму. Генри провел у склепа всю ночь: то молчал и думал, то читал записки, оставленные у решетки гробницы среди цветов и памятных подарков. Один листок особенно понравился Генри. Там было написано: «Я — враг тиранам, друг своей отчизны!». ⁶³

* * *

В 1871 году Тэд Линкольн, на тот момент живший вместе с матерью в Чикаго, заболел туберкулезом. Он скончался 15 июля в возрасте восемнадцати лет. Тело юноши перевезли в Спрингфилд и похоронили в отцовском склепе рядом с братьями, Уилли и Эдди. И снова погребальный поезд сопровождал Роберт, а Мэри слегла от горя.

Из всех детей Линкольна до следующего столетия дожил один Роберт. Он женится, воспитает троих детей и успеет послужить военным министром двум президентам — Джеймсу Гарфилду и Честеру А. Артуру. В 1926 году Роберт мирно скончается в своем поместье в Вермонте в возрасте восьмидесяти двух лет.

Смерть Тэда окончательно подкосила рассудок Мэри Линкольн. В последующие годы женщина становилась все более чудаковатой и не раз клялась, что во время ночных прогулок видела, как из темноты на нее смотрит муж. Она страдала паранойей и утверждала, что всякие незнакомцы пытаются то отравить, то ограбить ее. Однажды, опасаясь за свои сбережения, Мэри зашила облигации государственного займа на сумму 56 тысяч долларов в нижние юбки. После того как миссис Линкольн попыталась совершить самоубийство, сыну пришлось поместить ее в психиатрическую лечебницу. Выйдя оттуда, Мэри вернулась в Спрингфилд, где и скончалась в 1882 году в возрасте шестидесяти трех лет. Ее похоронили рядом с сыновьями, чью гибель она так горько оплакивала.

После Гражданской войны тело Авраама Линкольна неоднократно пытались выкрасть

⁶³ У. Шекспир, «Юлий Цезарь» (акт V, сцена 4).

из склепа. Наконец по просьбе Роберта в 1901 году саркофаг залили цементом, и больше его никто не видел. Ни один из будущих грабителей не преуспел. Во всяком случае, открыть тяжелую крышку президентского гроба им оказалось не под силу.

Если бы грабителям удалось задуманное, они бы очень удивились.

III

Двадцать восьмого августа 1963 года Генри Стерджес стоял у мемориала Линкольна. Он постригся по моде, надел современную одежду. Черный зонтик прикрывал его от солнца, а глаза защищали темные очки. Рядом с ним стоял необыкновенно высокий спутник, скрывавший глаза за очками «Рэй-Бэн». Каштановые волосы ниспадали на плечи из-под мягкой шляпы с полями. Густая борода скрывала заостренные черты лица, в точности такие же, как и у гиганта, восседавшего на мраморном троне. Высокий мужчина, кажется, был несколько смущен. Оба спутника обратились в слух. Молодой темнокожий проповедник окинул взглядом двухсотпятидесятитысячную толпу.

— Сто лет назад, — начал он, — великий американец, в чьей символической тени мы сегодня собрались, подписал прокламацию об освобождении рабов. Для миллионов черных рабов, которые прежде корчились в испепеляющем огне несправедливости, это постановление стало лучом надежды. Прокламация принесла рассвет после долгой ночи неволи. Но теперь, сто лет спустя, мы вынуждены признать, что негры по-прежнему не свободны...

Эйб с Генри явились, чтобы закончить дело, начатое веком ранее. Они поддерживали свою страну во время Реконструкции, изгоняли вампиров, которые продолжали терзать освобожденных рабов...

— У меня есть мечта, что однажды на красных холмах Джорджии дети бывших рабов и бывших рабовладельцев воссядут вместе за братским столом.

В Миссисипи они истребляли негодяев в белых капюшонах при свете их пылающих крестов.

— Настало время одарить настоящей справедливостью всех детей Господних.

Они ездили в Европу, где с 1939 по 1945 год миллионы людей погибли в борьбе против второго восстания вампиров.

Но у них оставалось еще немало дел.

— Свободны наконец! Наконец свободны! Слава всемогущему Господу, мы наконец свободны!

Толпа радостно взревела. Проповедник занял свое место. Стоял погожий летний день. Решающий день в борьбе человека за свободу. Он ничем не напоминал тот день, девяносто восемь лет назад, когда гроб Авраама Линкольна поместили в склеп.

В тот день Генри принял решение...

Некоторые люди представляют слишком большой интерес, чтобы умирать.

Благодарности

Спасибо Бену Гринбергу, Джейми Раабу и всем моим друзьям из издательства *Grand Central* за то, что оценили идею и поддержали меня; Клаудии Баллард за то, что сделала все возможным; Алисии Гордон за то, что сделала возможным еще больше; всем в агентстве *William Morris Endeavor*, до ужаса прекрасному Грегу Геллману; интернету (без которого эта книга не была бы написана), в особенности *Google*, *Wikipedia* и сайту *The Lincoln Log*, — все они сослужили мне неоценимую службу. Я благодарен Томасу Ньюману, Джерри Голдсмиту, Гансу Циммеру и Джеймсу Ньютону Говарду за музыку, под которую я писал. Спасибо «Старбакс», без него я сам не свой. Спасибо Дэвиду и остальным ребятам с MTV, которые терпели меня, когда я взвалил на себя больше, чем следовало. Спасибо тебе, Сэм, за бесстрашие и помощь в исследованиях.

Отдельная благодарность Эрин и Джошу за то, что позволили мне бездельничать большую часть 2009 года.

И наконец, спасибо Эйбу, прожившему невероятную жизнь и без вампиров, а также Генри Стерджесу — где бы он ни был...